

БИАНКОВСКИЙ АЛЬМАНАХ №8

**ПАМЯТИ
ВИТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВИЧА БИАНКИ
(1926 - 2021)**

БИАНКОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 8
Памяти Виталия Витальевича
Бианки

Великий Новгород
2022

ББК 83.3 (2=411.2)6-8^н

Б 59

Б 59 Бианковский альманах. Вып. 8. Памяти Виталия Витальевича Бианки: литературно - краеведческое изд. / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Библионика»; сост. И.А. Почётова, Л.Э. Бриккер, О.А. Носкова; под. ред. О.А. Носковой. – Великий Новгород, 2022. – 114 с.: ил.

Восьмой выпуск альманаха посвящен сыну известного писателя – натуралиста Виталия Валентиновича Бианки, продолжателю дела отца, доктору биологических наук, Заслуженному экологу Российской Федерации.

Внимательный читатель сможет не только познакомиться с интересными фактами биографии Виталия Витальевича Бианки, оценить роль знаменитого отца в его становлении как орнитолога, но и представить масштаб и многогранность его личности – Подвижника, Ученого, Учителя, Человека.

Для широкого круга читателей.

83.3 (2 =411.2)6-8^н

© Сост. Почётова И.А., Бриккер Л.Э., Носкова О.А.

© МБУК «Библионика», Великий Новгород

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	с. 4
Часть I. Биографическая	
Вит. Вит. Бианки. Автобиография. Вся жизнь с птицами	с. 5
Вит. Вит. Бианки. Воспоминания о детстве и отрочестве	с. 9
Вит. Вит. Бианки. Александра Ефимовна Кольцова – уроженка Мошенского района	с. 23
Вит. Вит. Бианки. Писатель Виталий Бианки как орнитолог	с. 25
Письма Виталия Витальевича Бианки Леонарду Эдуардовичу Бриккеру	с. 30
Сотрудникам детской библиотеки имени В.В. Бианки	с. 31
Часть II. В Заповеднике. Свобода одиночества	
Вит. Вит. Бианки. В Кандалакшском заповеднике	с. 33
Ирина Румянцева. Простой секрет династии Бианки	с. 43
Сергей Юдков. Как понять язык птиц	с. 46
Александра Горяшко. Детские и взрослые сказки семьи Бианки	с. 48
Вит. Вит. Бианки. История острова Ряшков. Расшифровка с видеозаписи Елены Лебедевой-Хоофт	с. 50
Часть III. Учёный. Наставник. Подвижник. Личность	
Юрий Краснов. Памяти Виталия Витальевича Бианки.	с. 63
Андраник Сулейманян. Вспоминая и размышляя...	с. 65
Татьяна Ильина. Из беломорских дневников студентки	с. 66
Сергей Шустов. Вспоминая Виталия Витальевича Бианки	с. 72
Анатолий и Нина Истомины. Строки благодарной памяти	с. 75
Алина Бериашвили. Призвание быть Бианки. Интервью с Вит. Вит. Бианки	с. 82
Елена Бианки. Виталий, сын Виталия	с. 85
Александр Мищенко, Ольга Суханова. О поездке с Виталием Витальевичем Бианки в деревню Михеево	с. 87
Татьяна Федяева. О Виталии Витальевиче Бианки	с. 90
Ольга Носкова. Несколько штрихов к портрету Виталия Витальевича Бианки	с. 93
Инесса Почетова, Леонард Бриккер. Об архиве В.Н. Михайлова	с. 97
Андрей Коткин. Дистанция удачного фотовыстрела	с. 100
Именной указатель	с. 105

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Виталий Витальевич бывал у нас на Новгородской земле много раз, но в основном на публичных мероприятиях. Он был скромн, немногословен. Однако у всех, кто видел этого человека, он оставался в памяти навсегда. Сразу возникало понимание, что это человек необыкновенный, может быть, таких больше уже нет. После его кончины практически сразу пришло понимание, что необходимо собрать по крупицам впечатления, оставшиеся от встреч с ним, от сказанного и написанного им. Мы не знали, что у нас получится и как скоро. Но довольно быстро альманах сложился.

В I-й его части представлены живые воспоминания самого Виталия Витальевича о детских и юношеских годах, о семье, о влиянии отца на формирование его как будущего орнитолога.

II-я часть посвящена научной работе Виталия Витальевича в Кандалакшском природном заповеднике, его роли в изучении экосистемы островов Белого моря и развитии полевой базы исследователей на острове Ряшкове.

В III-й части собраны воспоминания о Виталии Витальевиче его коллег по заповеднику, бывших подопечных юннатов и студентов, ставших впоследствии видными биологами, а также людей, которым повезло встретиться с ним в разные периоды жизни.

Мы сердечно благодарим всех, кто откликнулся на нашу просьбу поделиться воспоминаниями от общения с Виталием Витальевичем – Юрия Владимировича Краснова за пронзительный некролог на сайте Союза охраны птиц; Александра Леонидовича Мищенко за теплый рассказ о поездке в деревеньку Михеево Мошенского района, где Виталий Витальевич постоял у заколоченного дома, в котором прошло несколько лет детства, и за отправление в «Русский орнитологический журнал» его архивной статьи «Три поколения Бианки-орнитологов»; Елену Васильевну Шутову за подборку фотографий из фонда Кандалакшского заповедника, ссылку на альманах «Ностальгия по Ряшкову» и информацию о прекрасном фильме Ю. Солнцевой «Свобода одиночества»; Татьяну Александровну Ильину, Андраника Грантовича Сулейманяна, Сергея Борисовича Шустова, Анатолия Владимировича и Нину Борисовну Истоминых за воспоминания о неизгладимом впечатлении от общения с Учителем, фотографии и рисунки; Андрея Владимировича Коткина за рассказ о встрече с фотоохотником В.Н. Михайловым; Светлану Владимировну Катышеву, специалиста Любытинской центральной районной библиотеки, за интересную информацию и фото; Людмилу Михайловну Криволуцкую за материалы из фонда детской библиотеки имени В.В. Бианки муниципального бюджетного учреждения «Библионика». Особая благодарность Юлии Солнцевой за возможность увидеть Виталия Витальевича за любимой работой в документальном фильме «Свобода одиночества», который непременно следует посмотреть <https://www.youtube.com/watch?v=4XzBwOroJSo>.

Собранные нами материалы, конечно, всего лишь набросок к портрету Виталия Витальевича. Но надеемся, что набросок получился достаточно ярким и впечатляющим.

Вечная память и глубокое уважение этому Человеку.

ЧАСТЬ I. БИОГРАФИЧЕСКАЯ

АВТОБИОГРАФИЯ¹

ВСЯ ЖИЗНЬ С ПТИЦАМИ

*Вит. Вит. Бианки.
Фото А. Гуреева, 2015 г.*

Бианки Виталий Витальевич родился 12 января 1926 г. в Ленинграде. Орнитолог-эколог, кандидат биологических наук с 1966 г. (диссертация «Экология куликов, чаек и чистиковых Кандалакшского залива Белого моря»).² В 1972 г. - Аттестат старшего научного сотрудника по специальности «Зоология». В 1993 г. присуждена ученая степень доктора биологических наук (диссертация «Птицы Белого моря» (Современное состояние, сезонное размещение и биология))³. 30 мая 1998 г. удостоен почетного звания «Заслуженный эколог Российской Федерации». 25 декабря 2002 г. указом Президента РФ награжден орденом Почета РФ.

Отец мой – Виталий Валентинович Бианки (1894 – 1859), писатель, биолог. Он родился и вырос в Санкт-Петербурге. Мать – Вера Николаевна (в девичестве Клюжева 1894 – 1972). Отец, мать, сестра Елена (1922 – 2009) и брат Валентин (1932 – 1970) похоронены на Богословском кладбище.

Моя жена – Алла Владимировна (в девичестве Боголюбова 1925 – 2011), врач-невропатолог. Общались мы в детстве-отрочестве, потом встретились студентами. Ее отец – Владимир Яковлевич Боголюбов (1897 – 1938) с 1915 по 1917 гг. служил в царской армии, штабс-капитан, с 1919 по 1921 гг. – в Красной армии. В 1930-1932 гг. разошелся с женой. С 1936 г. работал зав. цехом модельно-механических пособий Ленинградского института инженеров путей сообщения. В 1938 г. был арестован, обвинен в принадлежности к контрреволюционной военно-офицерской организации «Русская фашистская партия» и приговорен к высшей мере наказания. Умер 28 сентября 1938 г. Реабилитирован посмертно определением Военного трибунала ЛВО №1314-н-58 от 11 июня 1958 г. Его жена – Евгения Оскаровна (в девичестве Гаген-Торн 1896 – 1942) работала медсестрой в поликлинике в г. Ленинграде. В 1938 г. была выслана в с. Абдулино Оренбургской области как жена В.Я. Боголюбова. В декабре 1940 г. высылка была отменена, и Евгения Оскаровна вернулась в Ленинград. Скончалась в блокадном Ленинграде в марте 1942 г. Брат Аллы Владимировны Олег погиб в 1941 г (без вести пропавший) на фронте.

Алла Владимировна родилась в с. Шубино Бронницкого района Московской области, выросла в г. Ленинграде. Осенью 1941 г. была мобилизована на работу в милицию, работала на создании оборонительных сооружений под Ленинградом. Зимой

¹ Печатается по изданию «Бианки: история одного петербургского рода» //СПб: Издательский дом «Петрополис», 2014. Т.1. Курсивом выделены вставки из не публиковавшейся ранее Автобиографии, присланной автором 13 января 2006 г. О.А. Носковой (г. Великий Новгород).

² Бианки В.В. Экология куликов, чаек и чистиковых Кандалакшского залива Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. биол. наук. — Л.: Зоологический институт АН СССР, 1966. — 17 с.

³ Бианки В.В. Птицы Белого моря: (Современное состояние, сезонное размещение и биология): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра биол. наук. — СПб.: Зоологический институт РАН, 1993. — 46 с.

*Алла Владимировна –
жена Виталия Витальевича.
50 – 60-е годы.
Фото из архива семьи Бианки.*

1941-42 гг. работала регистратором в поликлинике в блокадном Ленинграде. В июле 1942 г. была эвакуирована в Москву. В 1942 – 1944 гг. работала лаборантом на заводе НКВД. В 1947 – 1951 гг. училась в Фельдшерско-акушерской школе, в 1951 – 1957 гг. в - Первом Ленинградском Медицинском институте им. Павлова. После его окончания работала врачом в железнодорожной больнице, в школе-интернате и в госпитале в г. Кандалакше.

В 1935 г. я поступил во второй класс средней школы г. Ленинграда и весной 1941 г. закончил седьмой класс.

Начиная с 1933 г. семья каждое лето проводила в различных местах Новгородской области. Когда мне было 11 лет, родители поселились на лето в деревне Михеево около реки Удины в Мошенском районе. Там я начал свои сознательные наблюдения за гнездованием птиц. С лета 1937 года и до лета 1941 года мое время в деревне делилось между развлечениями со сверстниками и экскурсиями по окрестностям деревни в радиусе около 1 километра. Наблюдал за гнездованием птиц, а также как некоторые ребята

ловили кротов или рыбу на удочку, ходил на охоту с отцом и один. В 1941 году работал со сверстниками в колхозе на сенокосе и уборке урожая. Юноши заменили ушедших воевать мужчин.

С июня 1941 г. по май 1942 г. жил с родителями в д. Михеево Мошенского района Новгородской области, куда неоднократно выезжали на лето. В июне – октябре 1941 г. работал в колхозе «Искра» Яковищенского с/с.

В мае 1942 г. эвакуировались в г. Молотов (Пермь) и оттуда в г. Осу Молотовской (Пермской) области. Занимался там по возможности охотой для снабжения семьи дичью, зимой учился в школе.

В начале июля 1943 года ушел в армию. Вначале попал в одно учебное заведение, потом послали в другое. Период нашего обучения в Инженерном училище постепенно увеличивали, выпуск в войска затянули до мая 1945 года. И в июне 1945 года после сдачи выпускных экзаменов опять продолжили обучение.

Весной 1950 года демобилизовался. Имею медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Являюсь «Ветераном Великой Отечественной войны».

В январе 1950 г. поступил в вечернюю школу в Ленинграде, получил аттестат зрелости и в августе 1950 г. был зачислен на биолого-почвенный факультет Ленинградского университета.

Во время учебы⁴ работал экскурсоводом в Зоологическом музее Зоологического института АН СССР. После первого курса, летом 1951 года по приглашению В.Г. Кулачковой, знакомой ещё по довоенному юннатскому кружку, поехал в Кандалакшский

⁴ В издании "Бианки: история одного петербургского рода" в этом месте Автобиографии Вит. Вит. Бианки говорит, что «во время учебы в 1942-1944 гг. работал экскурсоводом в Зоологическом музее Зоологического института АН СССР». Это ошибка - в указанные годы он находился в г. Оса, а экскурсоводом работал, обучаясь в университете.

заповедник. Она была аспиранткой, изучала паразитологию гаги, а моей задачей было добывать ей птиц для вскрытия. Жили на острове в вершине Кандалакшского залива. Работы у меня было немного, место интересное, морские условия совершенно новые. Знакомился с обитающими там птицами. Потом приезжал туда же на производственную практику в 1953 и в 1954 годах.

В 1955 г. после окончания курса университета по кафедре Зоологии позвоночных (присуждена квалификация «биолог-зоолог») был направлен на работу в Кандалакшский заповедник.

В Кандалакшском государственном заповеднике я был зачислен в июле 1955 г. старшим научным сотрудником. В 1992 г. переведен на должность ведущего научного сотрудника.

Наш заповедник разбросан по островам и морской акватории от Кандалакши вокруг Кольского полуострова до границы с Норвегией. Со студенчества моим рабочим местом летом стали острова в вершине Кандалакшского залива. Коллеги - орнитологи заповедника постоянно работают в районе Кандалакшского залива, восточного и Западного Мурмана.

Кандалакшский заповедник был создан в 1932 году для сохранения и увеличения численности обыкновенной гаги. До 1941 года научную работу организовать не успели. Моя предшественница З.М. Баранова в 1948-1954 годах занималась экологией гнездования гаги. На мою долю достались представители Ржанкообразных - кулики, чайки и чистиковые птицы. Это массовые морские птицы Белого моря, входящие в одно сообщество (орнитоценоз беломорских птиц) с обыкновенной гагой. Заниматься ими я начал еще студентом и продолжил, став сотрудником заповедника.

Материалы по экологии птиц Белого моря начал собирать в 1951 г. на заповедных островах Кандалакшского залива, а с 1956 г. и по сей день являюсь одним из ответственных исполнителей разрабатываемых в заповеднике научных тем и мероприятий по изучению орнитофауны Белого моря. Большая часть биологического материала была собрана за 58 лет в Кандалакшском и Онежском заливах Белого моря. С 1951 по 1966 гг. главное внимание было обращено на куликов, чайковых и чистиковых птиц, а также на обыкновенную гагу, с 1967 г. по настоящее время – на уток, кроме гаги. Постоянные исследования проводил на Северном архипелаге (100 км²) Кандалакшского заповедника, который представляет собой мористую часть Кандалакшских шхер, и в его окрестностях.

Беломорских ржанкообразных около 10 видов, так что одновременно всеми заниматься невозможно. Попросил знакомых преподавателей ВУЗов присылать мне в помощь студентов. Сам углубленно собирал материал по гнездованию вначале крачек, чаек, затем куликов, а под конец – чистиковых. Не ограничиваясь островами заповедника в вершине Кандалакшского залива, осматривал безлесные островки – луды по всему Кандалакшскому заливу, выезжал в Онежский залив. Это было тем более интересно, что раньше орнитологи бывали там лишь на Соловецких островах. Кроме регистрации гнездящихся на лудах птиц постоянно кольцевал птенцов.

Еще в студенческие годы ленинградские птицеводы помогли мне в 1954 году наладить для кольцевания ловлю на гнездах взрослых полярных крачек автоматическими лучками. Я давно уже интересовался верностью птиц месту их рождения и предыдущего гнездования. Крачки для этого были удобным объектом: легко ловились, и пойманные не бросали свои гнезда. В первое же лето среди 138 пойманных птиц три оказались окольцованными здесь же птенцами еще в предвоенные годы. В июне 1955 года между выпускными экзаменами в университете приезжал в Кандалакшу, чтобы проверить, вернулись ли крачки, окольцованные мною в прошлом году. Вернулись!

С 1958 года стал привлекать к ловле крачек местных школьников. За 17 лет было окольцовано 2772 крачки и получено 206 сообщений о встречах их.

Кроме местных, ловились птицы, окольцованные птенцами в Ботническом заливе финскими орнитологами, на Айновых островах Западного Мурмана нашими коллегами по заповеднику, и в Онежском заливе – мною же.

Кроме Кандалакшского залива, в 1956 – 1984 гг. собирал материал по гнездованию и миграциям птиц, выезжая в экспедиции по Онежскому заливу, западным берегам Двинского залива и Воронки Белого моря. В 1958 – 1963 гг. был одним из создателей и руководителей работы Северной орнитологической станции, организованной при Кандалакшском заповеднике. По плану работы станции мы, орнитологи заповедника, занимались изучением миграции птиц через Белое море, преимущественно водоплавающих. В сентябре выезжали в различные места западного побережья и на острова Белого моря, где в течение 15-45 дней вели ежедневные наблюдения. Весной и летом, работая на островах заповедника, наблюдали и за пролетом птиц. Так была установлена картина миграции птиц на этом важном участке Беломорско-Балтийского миграционного пути птиц.

В 1991 – 2002 гг. участвовал в организации и проводил наблюдения за водоплавающими в заповеднике «Пасвик», организованном в 1992 г. на границе с Норвегией.

Многолетняя работа по Ржанкообразным завершилась описанием особенностей жизни этих птиц на Белом море, и была опубликована в 1967 году в Трудах Кандалакшского заповедника, выпуск 6: «Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива». В 1977 году её перевели на английский и издали в г. Иерусалиме. Так же в Трудах заповедника увидели свет и другие наши объёмистые работы.

После того как основные особенности жизни этой группы птиц были выяснены, я детально занялся утками. Материал по фенологии, численности и гнездованию гаги собирается в Кандалакшском заповеднике всеми орнитологами постоянно и фиксируется в ежегодной машинописной «Летописи природы», которую ведут во всех заповедниках нашей страны. Также я постоянно наблюдал за гнездованием гоголей в искусственных гнездовьях (гоголь – утка, гнездящаяся в дуплах). Теперь же более детально занялся изучением и других видов уток, гнездящихся в Кандалакшском заливе. К этому времени появились быстроходные глиссирующие лодки – постоянный рабочий транспорт, летом собирался хороший коллектив помощников – студентов и старшеклассников из различных городов. Работа успешно шла.

Кроме того, провели несколько учетов птиц с самолета. Выяснили размещение и численность гнездящихся и зимующих птиц в Северной Карелии, Мурманской области и Ненецком национальном округе. Благодаря помощи Северного филиала Географического общества я несколько лет посылал студентов в различные места Белого моря и Кольского полуострова для сбора материала по обитающим там птицам. Дирекция Кандалакшского заповедника шла мне навстречу. Вскоре началась коллективная работа советских орнитологов по обработке и публикации результатов многолетнего кольцевания птиц в Советском Союзе. Принял активное участие в ней и я. Это затормозило обработку сведений о жизни уток.

Будучи председателем Кандалакшского отделения Географического общества и используя финансовую помощь Кольского филиала общества, в 1975 – 1981 гг. направлял летом студентов Московского и Горьковского университетов в экспедиции в недостаточно исследованные места Мурманской и Архангельской областей, на острова Белого моря.

Таким образом, за 50 лет работы научным сотрудником заповедника я был участником и организатором многих разнообразных исследований птиц Белого моря, постоянным ответственным исполнителем различных плановых тем.

Основное место моей работы – вершина Кандалакшского залива, где находятся многочисленные небольшие острова. Здесь можно не только полноценно выполнять плановую работу, но и заниматься дополнительными наблюдениями. Многолетний сбор материала о различных вопросах жизни птиц, надеюсь, позволяет делать обоснованные выводы. Чтобы быть в курсе орнитологических работ в нашей стране и общаться с коллегами, стремился участвовать в совещаниях и конференциях по близкой и интересующей меня тематике. Это требовало выступлений на них с докладами.

В общей сложности опубликовал около 200 научных работ. Мурманская областная университетская научная библиотека издала в 2002 году (распространяется в магнитном варианте) мой библиографический указатель, составленный Т.А. Коротковой. Занимался редакторской работой. Много лет реферировал статьи для Реферативного журнала Биология. Публиковал заметки в местной городской и областной газетах. Читал лекции, будучи членом общества «Знание».

С 1956 по 2002 гг. участвовал во всех всесоюзных и прибалтийских орнитологических и региональных конференциях. За период с 1958 по 2000 гг. включительно опубликовано, в том числе и в соавторстве, 196 научных работ – тезисов, статей, монографий и 183 научно-популярные статьи.⁵

В 1967 и 1969 гг. был участником ВДНХ и награжден бронзовой и серебряной медалями. Работал на различных выборных должностях от председателя местного комитета до депутата Кандалакшского городского совета депутатов трудящихся (1967 – 1975) и члена Совета Географического общества.

Виталий Витальевич Бианки

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ И ОТРОЧЕСТВЕ⁶

Писать воспоминания об отрочестве и юности непросто, прошли они давно, мало деталей сохранилось в памяти.

Я родился 12 января 1926 г. в год Тигра в Ленинграде (в книге регистрации актов о рождении 1926 г. января 26 числа произведена запись за № 1345). Отец – Виталий Валентинович Бианки (1894 – 1959), член Союза Советских писателей, известный детский писатель. Мать – Вера Николаевна Бианки, урожденная Ключева (1894 – 1972). Мне известно, что после того, как мама окончила гимназию в г. Самаре, она ездила во Францию совершенствоваться во французском языке. В начале войны 1914 г. возвращалась в Россию через Швецию. В 1919 г. ее родители Николай Семенович и Софья Ивановна Ключевы переехали по совету сына Виктора из Самары в Бийск. Там отец, врач по профессии, работал

⁵ Библиография Виталия Витальевича Бианки (1957 - 2013) // Бианки: история одного петербургского рода. - СПб: Издательский дом «Петрополис», 2014. Т.2.

⁶ Печатается по изданию «Бианки: история одного петербургского рода» - СПб: Издательский дом «Петрополис», 2014. Т.1. Курсивом выделены вставки из статьи Виталия Витальевича Бианки «Детские годы на Новгородчине» (Воспоминания о давно прошедшем), опубликованной в Материалах научно-практической конференции «Виталий Бианки и Новгородский край: новые известия» (28-29 февраля 2008 г., Великий Новгород), поэтому в тексте неизбежны повторы, которые редакция не сочла возможным устранить.

в больнице, заразился от больных и скончался. Вера Николаевна преподавала в школе французский язык, где и познакомилась с моим отцом. После замужества она не работала.

В Ленинграде мы жили в отдельной квартире из четырех комнат (кв. 11, д. 58, 3-я линия В.О.). Первоначально в квартире было шесть комнат. Братья Виталий и Лев разделили их на две части. В одной жила семья Виталия Валентиновича (6 человек), в другой – Лев Валентинович (1884 – 1936) с Лидией Львовной Бианки (1899 – 1988) и двумя детьми – Всеволодом и Валентиной. Виталий Валентинович работал дома в своем кабинете. Уклад семейной жизни в родительской семье был подчинен работе отца. Семья – дети, теща Софья (Николаевна?) Ивановна и няня Александра Ефимовна, которую взрослые называли Сашенькой, жили по другую сторону коридора в двух комнатах и кухне. Только жена, Вера Николаевна, постоянно находилась в большой проходной комнате – «столовой». В ней стоял рояль и обеденный стол, за которым все собирались в обед и ужин. Завтракали в разное время. Нас с сестрой няня быстренько кормила утром и отправляла в школу. Отец вставал поздно, так как ночью, когда никто и ничто не мешало, обычно работал.

До 1940 г. в столовой за занавеской и шкафом жил ученик Виталия Валентиновича Александр Иванович Иванов, приехавший в 1922 г. с родителями из Бийска. Пока он был одинок и в летнюю половину года обычно находился в экспедициях, это было приемлемо для обеих сторон. Только незадолго перед войной после женитьбы Александра Иванова на Н.Г. Брежетовой и рождения сына Саши, удалось выменять для них комнату в малокоммунальной квартире.

Мама выполняла обязанности секретаря отца, переписывала его рукописи и делала другую работу. Бабушка, Софья Ивановна Клюжева, участвовала в хозяйственных делах семьи. Те немногие скромные вещи из драгоценных металлов, которые сохранились у родителей, ушли в 30-е годы в Торгсин для покупки продуктов. Питание семьи и обслуживание детей в значительной части лежало на няне – Александре Ефимовне Кольцовой. Она еще девушкой начала работать в семье моего деда – Валентина Львовича Бианки, потом по просьбе отца стала помогать его семье. Я был очень привязан к ней. С родителями, особенно с отцом, дети общались преимущественно за обеденным столом и вечерами, когда он не работал. Отец читал нам вслух «Гайавату» Лонгфелло, другие вещи. Играли в «блошки», «рич-рач», «слова» и другие настольные игры, а также в карты – в «джокер», потом в «преферанс». Расставляли «восемь королев» на шахматной доске. В конце 30-х годов отец купил настольный бильярд, который ставили на стол в столовой. Хорошо играл мой брат Валя. В общем, отец учил нас, детей, своим любимым развлечениям, которыми он хорошо владел.

Пока была жива бабушка, мы с сестрой Еленой, по-домашнему Ноникой, младшим братом Валею и няней жили в детской. Потом сестра перешла в бывшую бабушкину комнату. В нашей комнате висела большая картина с прекрасным изображением птиц, наверное, около 30 видов, встречающихся в наших краях. Конечно, еще в детстве я знал всех изображенных там птиц.

До школьного возраста ко мне приходила заниматься грамотой Юлия Ивановна Фаусек, которая раньше заведовала детским садом при Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена на набережной Мойки, в который до его закрытия ходила сестра.

Мое детство было полным отражением жизни общества: государства, города и семьи. Думаю, я начал воспринимать более или менее сознательно жизнь общества с убийства С.М. Кирова – 1 декабря 1934 года, т.е. почти в 9 лет.

В 30-е годы из Ленинграда нередко высылали людей. Иногда это были знакомые, или знакомые знакомых, и родители покупали или брали от них вещи, которые те не могли

увезти с собой. Приходилось ходить с няней или еще с кем-нибудь за вещами, везти их зимой на санках. Опережая события, уехали в Мурманск брат мамы дядя Витя с тетей Олей и двумя дочерьми-близнецами Соней и Любой.

В Ленинграде отец трижды подвергался аресту. В конце 1925 года он был выслан на 3 года в г. Уральск (см. его книгу «Карабаш»). Это произошло перед моим рождением, и мама назвала родившегося сына в честь отца Виталием. Кроме того, отца арестовывали еще 3 ноября 1932 года и 23 марта 1935 года. В обоих случаях через половину – два месяца его освобождали. Однако угроза очередного ареста висела над ним всю жизнь и иногда проявлялась в предупреждении знакомых об угрозе ареста. Меня долго не оставляла мысль о том, что когда я вырасту, в один «прекрасный» момент за мной могут придти и забрать в тюрьму, лагеря или выслать, как это происходило с отцом. Моей песней на долгие годы стала:

Там вдали за рекой громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине позабыт от людей.
Позабыт, позаброшен с молодых юных лет
Я остался сиротою, счастья доли мне нет.

У меня рано проявились склонности к коллекционированию. Мне нравились политические карикатуры Бориса Ефимова, которые печатали на первой странице газеты «Известия». Отец посоветовал мне их собирать. Я с удовольствием вырезал их из газеты и наклеивал в самодельный «альбом», сшитый из оберточной бумаги. Потом политическая ориентация СССР изменилась и карикатуры Бориса Ефимова перестали печатать. Я стал собирать почтовые марки, что помогло мне познакомиться с государствами мира и их столицами. Родители разрешали мне подолгу гулять на улице, кататься на коньках около дома. Коньки у меня были «английский спорт» на ботинках. Катаясь, я развлекался подобно другим ребятам, цепляясь за проезжающие подводы или автомашины руками или проволочным крючком. Весной и осенью играл с ребятами из нашего дома в «колдуны», «лапту», «фантики» и другие игры. Дома самостоятельно освоил элементы квартирной электрической проводки. Настоящих товарищей у меня не было. Я чувствовал себя отличающимся от других ребят нашего и соседних домов, но не сторонился их. Временами возникали товарищеские объединения, но друзей не было. Драться не любил и не дрался. Моей обязанностью дома было выводить гулять собаку, спаниеля Джима, любимую охотничью собаку отца. Еще не научившись бегло читать, я взялся за чтение книги «Последние орлы» Берга. Вещь эта не детская и не художественная, скорее научно-популярная, однако я одолел ее. Потом читал, как и полагается, книги соответствующие возрасту. Любил рассказы Э. Сетона-Томпсона, прочитал все его вещи, которые были дома. Особо запомнился «Крэк – кутенейский баран». Возможно, сыграло роль хорошее отдельное издание. Потом читал Чарльза Робертса и других писателей пишущих о природе, особенно о зверях и птицах.

В это время я начал подкармливать на кормушке за окном голубей и воробьев, потом держать дома птиц: снегиря, зеленушку, синиц. Покупал их в зоомагазине на Большом проспекте Петроградской стороны. Какое-то время жили у меня две очень симпатичные мыши-малютки. Из Испании кто-то из знакомых отца привез испанских тритонов, которых поселили в аквариум. Семья была проникнута атмосферой отцовской любви к природе, к охоте, к научному познанию животного мира, особенно птиц. На высоком пьедестале всегда стоял дед, Валентин Львович Бианки, известный ученый-зоолог. Отец хорошо знал местных птиц в природе, определял их по виду, голосу, повадкам, гнездам, неплохо знал и зверей. Он понимал о животных то, чему научил его отец, Валентин Львович в Лебяжьем и что его интересовало как охотника. А охотник он был хороший. В конце 30-х годов он выделялся своим умением на медвежьих охотах, на

которые иногда ездили писатели. Ежегодно с 1 августа начинался охотничий сезон. За день-два перед этим отец садился вечером заряжать патроны. Мы с сестрой помогали ему. Пользуясь бездымным порохом, отец обязательно взвешивал его на аптекарских весах. Дробь отмерялась специальной меркой. Конечно, пользовались специальными пыжами. Выстрелы должны были быть технически надежными. Бой Шольберга был сильный, заряд предельный. Отец любил свою бескурковку двадцатого калибра, часто фотографировался с ней и восьмикратным биноклем. Он не любил охоту с легавой, которая, найдя птицу, встает перед ней и ждет, когда хозяин прикажет вспугнуть птицу, а предпочитал более сложную охоту со спаниелем.

Все 30-е годы у нас жил спаниель Джим, любимец отца. Пес был слишком крупный для этой породы, с вьющейся коричневой шерстью, что не положено спаниелям. На собачьих выставках он никогда не бывал, но помощником на охоте был прекрасным. Обладая хорошим чутьем, он надежно находил, например, тетерева. Идя по следу, спаниель лаял, охотник занимал выгодную для него позицию, птица взлетала, гремел выстрел, она падала или исчезала за деревьями. Минут через пять – пятнадцать Джим с найденным им тетеревом в зубах уже догонял отца. При охоте на озере Джим приносил добытую птицу из воды. Он всегда работал радостно и надежно. Его сыновья значительно уступали ему во всем, кроме экстерьера.

В последние предвоенные годы начал наблюдения за температурой воздуха, фенологические наблюдения, первые знакомства и освоение пригородов. Воскресные загородные поездки для ловли птиц запомнились лучше, чем городские будни. На станции Ольгино ловил больших синиц в западни, в Дачном, вместе с товарищами, - разных птиц тайником. Даже юннатский кружок оставил мало воспоминаний, настоящего удовлетворения от кружковских дел не было.

С 1933 года мы стали ездить на лето в Новгородскую область, где состоялось моё настоящее знакомство с деревней, ее делами, нравами. *Предвоенные 1930-е годы в Новгородчине, особенно в Михееве, считаю местом своего отроческого роста, начала становления как зоолога. В городе - масса народа, школа, уроки, дома клетки с птицами, мышами-малютками и аквариумы с рыбками и тритонами. Хозяйственные дела. В деревне жизнь шла ярче, заметнее, хотя ничего особенного тоже не было. Но вокруг была родная новгородская природа, постоянные экскурсии в одиночку по лугам и полям, перелескам и по лесу, везде держались птицы и другая живность. Никто не мешал размышлять. В детские и отроческие годы – 8-14 лет – происходит становление самостоятельности, потом в юности – 15-21 год – сознательное освоение окружающего, вхождение во взрослую жизнь. Однако моя юность прошла в годы войны, большая часть в армии, а это иная жизнь. Живя в дер. Михееве, кроме семейных дел, я освоил окрестности в радиусе около 1,5-2,0 км, ходил по лугам, лесам и перелескам, полям, жил в природе. Это позволяло размышлять на разные темы, вырабатывать понятия, строить желаемые планы на жизнь. Приглашения поехать весной с родителями на юг меня не соблазняли. Новгородчина была несравненно привлекательнее. Кроме постоянных экскурсий, летом занимался ловлей кротов, мышевидных, добычей птиц. В те далёкие 1930-е годы в Мошенском районе не было крупных зверей. Ни лосей, ни медведей, ни волков. Самый крупный зверь, с которым пришлось встретиться весной на вальдшнепиной тяге, была косуля. Очень симпатичный козлик вышел на ту полянку, где я стоял, "обругал" меня и ушёл.*

Отец был знающий и увлечённый охотник, хороший стрелок и приучал к охоте своих сыновей. Охотился он только "для стола", не стреляя ради количества, увлекаясь возможностью. Однако настоящих охотников из нас не получилось. Не было увлечённости, азарта, всепоглощающей страсти. Участвовать в охотах на лосей,

волков и других крупных зверей потом приходилось, но безрезультатно. Всё же помощь в жизни охота принесла. Благодаря охоте, я чаще и больше бывал в конце лета и осенью в природе, когда гнездование птиц заканчивалось. В трудные времена охотничьи трофеи были хорошим добавлением к семейному столу. Не было сложностей с добычей изучаемых видов и в профессиональной деятельности. Охота происходила преимущественно на пернатую дичь: тетеревов, рябчиков, серых куропаток, крякв, чирков-свистунков, дупелей и бекасов. Реже попадалась ещё какая-нибудь добыча. Отец любил охоту со спаниелем, который не делает стойки, а только находит и вспугивает птицу. Кроме хорошей работы на суше, спаниели прекрасно плавают и работают в воде. Дело охотника занять правильное место, куда полетит вспугнутая птица, чтобы успеть выстрелить. Потом спаниель должен найти и принести хозяину поверженный трофей. Осенью отец любил охоту с гончей на русаков. По своему характеру, красоте она очень увлекательна. После того, как собака найдёт и погонит зайца, охотник выбирает себе лаз, место, где должен пробежать заяц, когда делает очередной широкий круг, убегая от собаки, которая идет по его следу. Готовый к выстрелу, охотник слушает лай собаки, ждет зайца или другого зверя, которого гонит гончая, и наслаждается красотой осеннего пейзажа. Если зайца не удалось взять на первом кругу, он сделает следующий... В некоторые годы в Михееве у нас было по три собаки: прекрасный спаниель Джим, его сын или другая собака и гончая. В Ленинграде обычно находился только Джим. Остальные собаки оставались в деревне.

Семья Бианки на охоте. Фото из семейного архива. 1939-40 гг.

В 1934 году мы провели лето на хуторе «Сосенка». Дорога от станции до хутора была длинная, около 30 км. По дороге останавливались для отдыха. Во время одной из остановок я обратил внимание и навсегда запомнил, что отец узнавал и называл каждую пролетающую птицу. Сначала это не породило у меня желания так же, как он знать птиц, но, видимо, привлекло внимание к окружающей природе. В то лето я начал самостоятельно осваивать окрестности хутора. Отец доверил мне маленькую винтовочку – монтекристо, и я с ней часто ходил по окрестным перелескам. Начал ловить на удочку мелкую рыбешку в речке около дома.

В начале 30-х годов в стране стало развиваться юннатство, как одна из форм внеклассной работы со школьниками. В школе на углу Среднего проспекта и 7-й линии В.О., где мы с сестрой учились, был создан юннатский уголок. В его руководстве оказалась моя сестра. В это же время «в целях пропаганды зоологических знаний» при Зоологическом институте АН СССР был организован кружок юных натуралистов. В 1936 году в нем занималось около сорока человек. Руководителем кружка был А.М. Котон. Занятия проводили орнитологи Зоологического института А.Я. Тугаринов и Б.К. Штегман. Будучи в руководстве школьного кружка, в институтский кружок попала и моя сестра. Ей там нравилось. Один или два раза и я ходил с ней.

После того, как Б.К. Штегмана арестовали в 1938 году и выслали из Ленинграда, юннатский кружок при Зоологическом институте перестал существовать. Однако А.М. Котон продолжил руководство юннатским кружком при Педагогическом институте им. Покровского, недалеко от мечети на Петроградской стороне. Туда я стал ходить регулярно. Кроме растений и всякой живности в клетках и аквариумах в двух комнатах, предоставленных кружку в здании института, был у нас еще небольшой огороженный забором кусочек институтского двора. Там сделали пять – шесть вольер, в которых жили местные птицы и звери. В кружок ходили, видимо, около тридцати человек старших школьников. Желающих присылали осенью из школ со всего города. Кому нравилось, оставались. Общие занятия в кружке проходили за большим столом в одной из комнат. Кроме того, практически у всех были свои темы. Например, «старички» занимались подбором местных растений для выращивания гусениц бабочек-шелкопрядов, видовым составом и численностью мышевидных грызунов в скирдах соломы в окрестностях Ленинграда, наблюдением за животными, которых содержали в клетках, и другими темами. С наиболее значимыми темами кружок выходил в Москву на выставку Всесоюзных достижений народного хозяйства. В кружке меня привлекало наличие различных животных, наблюдения за ними, общение со сверстниками-единомышленниками, участие в общих делах. Для некоторых ребят участие в юннатском кружке сыграло большую роль, определило их дальнейший жизненный интерес, отвлекло от «улицы».

Три или четыре года по приглашению отца юннатский кружок А.М. Котона выезжал летом в окрестности д. Михеево Мошенского района Новгородской области, где мы тогда жили. Первое лето юннаты устроились в д. Кочерово, потом располагались ближе, в здании Яковищенской школы, в 3 км от Михеево. Школьные здания стояли на отшибе, в километре от деревни Яковищи, на берегу р. Удины. Юннаты распределялись по интересам и по одному, по двое работали по своим темам. Орнитологи были поделены на пары, каждая из которых проводила наблюдения за насиживанием и птенцами. Иногда все желающие ходили рано утром недалеко от школы слушать пробуждение птиц. При завершении экспедиции некоторые из старших юннатов оставались жить в соседней деревне Сивцево. Они постоянно общались с отцом, он советовал им, чем и как заниматься. Дружеские отношения с некоторыми из юннатов Зоологического института – А. Меженным, Н. Сладковым, Р. Меллум и юннатов педагогического института – В. Кулачковой, Л. Мироновой, Т. Ульяновой (Котихиной) и другими сохранились с семьей Бианки на всю жизнь. Регулярные дружеские встречи бывших юннатов продолжались и спустя 60 лет. Осознанно я заинтересовался птицами, стал искать их гнезда в 1937 году, когда семья стала жить в д. Михеево. Было мне 11 лет. Началось с того, что выйдя первый раз из дома в незнакомой деревне, я пошел по дороге за околицу, в перелески. Там в одной из лядинок около меня стали сильно беспокоиться птицы, и я увидел на пне хорошо заметное гнездо. Чье оно, конечно, не знал и вернулся домой, чтобы рассказать о нем отцу. Он пошел со мной и сказал, что это гнездо дрозда-рябинника. Рядом нашли еще два-три таких гнезда. С этого начались мои постоянные экскурсии по перелескам, лугам и лесу в радиусе около 1 –

2 км. Ходил я обычно один. Искал гнезда птиц, потом периодически проверял их, наблюдая, как шло насиживание и рост птенцов. Дома все сделанные во время экскурсии находки и наблюдения переписывал в специальную общую тетрадь, заведенную отцом. Каждому гнезду в ней была отведена страница. На ней записывались сведения о том, где найдено и как расположено гнездо, что в нем находится: сколько яиц или птенцов, насколько птенцы оперены и как вели себя птицы-родители. Если гнездо находилось на дереве, определяли на какой примерно высоте оно, в дупле или на ветке, у ствола или в его развилке. Тетрадь была общая для всех – и для отца и для юннатов. *Летом, в июне - июле мы вели наблюдения за гнездованием птиц. Мы, это отец, в меру своих возможностей, юннаты и я. Братишка Валя тогда был ещё слишком мал, на первом десятке лет, да и позже птицы его не интересовали. Юннатские экспедиции - кружки при Педагогическом институте под руководством А.М. Котона, которые отец пригласил жить в одной из соседних деревень, занимались разнообразными объектами. Были ботаники, гидробиологи, териологи и, конечно, орнитологи. Общей группой ходили ранним утром слушать пробуждение птиц. Те, кто постоянно ими занимался - человек шесть - распределялись на пары, у каждой из которых был свой участок. На нём пары должны были найти все гнезда и вести за ними наблюдения. Сделанные наблюдения записывали в одну общую тетрадь, где на каждое гнездо отводилась страница. Описывалось где гнездо находится, как устроено, если на дереве, то у ствола или в развилке ветвей, на какой высоте, другие особенности. Наблюдения включали определение количества яиц, сроки вылупления и количество птенцов, их рост и развитие, время вылета из гнезда, а также поведение родителей. К сожалению, многие гнезда оказывались разорёнными и не только животными, но и людьми, что особенно огорчало отца. Виталий Валентинович собирал небольшую коллекцию птичьих яиц для характеристики их видовой и индивидуальной окраски. Из заинтересовавших его кладок брал по одному яйцу. Сам выдувал содержимое, аккуратно укладывал на вату с этикеткой в спичечный коробок или другое помещение и в ящичек с крышкой. В пятидесятых годах коллекцию передали в Зоологический институт Академии Наук.*

В середине 1930-х годов отца заинтересовало поведение насиживающей птицы при замене её яиц на яйца других видов и особенности роста чужого птенца. Были проведены многочисленные опыты по перекладыванию яиц. Обычно заменяли по одному яйцу, но бывали случаи, когда заменяли несколько и разных. Трогательной матерью были многие самочки чечевиц, которые очень неохотно сходили с гнезда при приближении человека и принимали все яйца других видов, которые им подкладывали. Проводили опыты и на реакцию птиц на необычный цвет яиц, выкрашенных в красный или черный цвет. Эти опыты Виталий Валентинович назвал "Кукид" - кукушкина идея. Постоянные многочисленные наблюдения за птицами так или иначе вошли в его рассказы и "сказки", а научной публикации собранных материалов не было.

Я поставил понятие "сказки" в кавычки, потому что они написаны на достоверных материалах, где животные не воображаемые автором, как три медведя Л.Н. Толстого, а натуральные, их вид и поведение точно соответствует естеству. Автор сам специалист-зоолог и не мог допустить искажения в их описании. В первых книжечках он рассказывал о разнообразии клювов, ног, пения, способов защиты. Дальше - больше и интереснее описывает разнообразную жизнь насекомых, зверей и птиц, старается познакомить с ними читателей. Описанные в "сказках-несказках" они узнаваемы в природе, многие становятся любимы. Ведь и "мышонок Пик", и "заблудившаяся" ласточка-береговушка показывает читателю, какие у кого гнёзда. Дополнительно проникаешься любовью к симпатичным героям рассказов. Конечно, и от художников писатель требовал правдивости и точности в изображении героев и

участников описанных им историй. Определяет-то характер произведения обычно писатель, но единомышленник-художник разговаривает нашим, человеческим языком. А как иначе автор может описать их "разговор", сделать их живыми?

Участвуя во всех делах отца в природе - в фаунистических наблюдениях и в наблюдениях за гнездами птиц, сопровождая его на охоте, конечно, многому можно было научиться, что и происходило. Тем более что знания отца, его опыт и любовь к природе, особенно к птицам, встречали благодатную почву в интересах сына к родной природе. К сожалению, нелегкая жизнь отца, да и всего народа - войны, репрессии, экономические и общественные изменения общества - ограничили возможности передачи сыновьям "биологического задела", полученного им в своё время от своего отца и потом развитого в течение жизни. Некоторые из трудностей достались и сыновьям.

С помощью отца мне удалось познакомиться с птицами - зверями, освоить многие наблюдения в природе, регистрацию сделанных наблюдений и др. Помогали и старшие товарищи - юннаты, некоторые из них оставались после отъезда юннатской экспедиции жить в соседней деревне, становились добрыми друзьями. Добывая различных птиц и зверьков, учились их определять, обрабатывать, снимать шкурки, делать коллекционные тушки, писать этикетки. Искать гнезда птиц и проверять потом найденные, интересно само по себе, но ещё интереснее, когда следишь за гнездованием птиц из года в год. (Например, одно лето колония дроздов-рябинников находилась в ольшанике около берега ручья, где часть гнезд была устроена на заборе, другое - на большой поляне с отдельными большими берёзами, на которых птицы сделали гнезда высоко и недоступно). Или наблюдать, как в одной и той же развилке сучьев один год сделал гнездо зяблик, а в следующем - дрозд. А если взвесить кладку в начале насиживания, а потом в конце, то окажется, что яйца "похудели", стали весить меньше. И вопросы: почему, почему, почему...

С местными ребятами ходили на речку Удину и на озёра ловить рыбу, а иногда и раков, ловили кротов. Проехав на лодке до устья Удины, можно было поймать на дорожку щучек и окуньков не на одну уху. В свободные вечера молодёжь развлекалась играми в лапту, волейбол и другие "городские" и "деревенские" игры. Иногда отец тоже играл в волейбол. В 1941 году, когда мужчин призвали в армию, мы, пятнадцати - семнадцатилетние юноши заменили их в колхозе на уборочной: косили и убирали сено, метали стога, убирали зерновые, лён, возили сдавать государственные поставки. Кстати на ст. Хвойной, где сдавали сено государству, его взвешивали прямо на возу, как в старину в "важне".

В эти же годы я учился снимать шкурки с добытых птиц, делать коллекционные тушки. Мое освоение природных «промысловых» знаний и навыков шло преимущественно в деревне. По примеру ребят я ловил на удочку мелкую рыбу и кротов. Больше всего ловили уклейку, которая брала на поденок. Весной, пока вода в реке была мутная, ходили в вечерних сумерках ловить в реке саком, т.е. большим сачком, рыбу. Ставили жерлицы, вятери, сети, ловили раков. Все это освоение «промысловой ловли» происходило в д. Михееве постепенно в течение предвоенных лет.

Мое беззаботное отрочество кончилось летом 1941 года, с началом войны началась ответственная юность. В 1941 г. я окончил седьмой класс средней школы и 11 июня приехал в д. Михеево к родителям. Война началась в пригожий летний день. В нашей и соседних деревнях и даже в сельсовете д. Яковищи о разразившейся войне население узнало благодаря нашему радиоприемнику. Другой информации в тот день не было. И в последующие дни наш приемник оставался единственным источником сведений о ходе войны и ситуации в стране, пока его не отобрали. Я почувствовал себя «кормильцем» семьи, так как литературного заработка у отца не было, а физически работать он не мог. И

до этого моей обязанностью в городе была доставка дров из дровяника в квартиру. Это около 100 метров по двору и улице и по лестнице на второй этаж. Носил сколько мог, себя не жалел. С июня 1941 г. начал работать в Михееве в колхозе «Искра» на уборке урожая. Было тревожно, но безвыходно. Все ждали свою судьбу. Еще до начала войны я перешел спать на сеновал к товарищу Коле Муравину, или как его обычно звали – Бредову. Ранними утрами ходил с ним косить. Теперь стал участвовать во всех полевых работах наравне с колхозниками. Мама Вера Николаевна, сестра Елена, няня Александра Ефимовна, или Сашенька стали зарабатывать трудодни, таская лен и выполняя другую работу. Иногда к ним присоединялись мы с братишкой. Бригадир, наряжая колхозников на дневную работу, старался поручить нам, юношам, хорошо оплачиваемую работу, чтобы мы могли заработать. В основном это была уборка сена, метание стогов и другая мужская физическая работа по уборке урожая. Я часто работал на лошади. Для сдачи государству колхозной продукции мы отвозили ее на ст. Хвойную. Так проходила уборочная кампания. В первых числах июля на ст. Хвойную привезли эвакуированных из Ленинграда ребят младших классов, которых надо было развезти по деревням. Как-то мы отвезли на станцию сено, а обратно привезли ребят. Через месяц за ними стали приезжать родители и забирать их.

Вскоре на восток начали пролетать немецкие самолеты со своеобразно гудящими моторами. Фронт катастрофически приближался, напряжение населения возрастало. Ситуация была трудная. Эвакуироваться мы не могли: ни документов, ни денег не было. С трудом выживая в деревне, родители старались с помощью писем (почта работала) обеспечить сохранение хотя бы части наших вещей в ленинградской квартире и помочь близким.

До войны отец любил приглашать на лето знакомых в соседние деревни. В последние годы вначале в д. Тумашеве на берегу оз. Карабожа, потом в д. Морозове в километре от нас летом жила семья И.С. Соколова-Микитова. В августе – сентябре отец с Иваном Сергеевичем нередко устраивали совместные охоты по перу и с гончей. В 1941 году семья Ивана Сергеевича – Лидия Ивановна, дочь Алёнушка и сеттер Ирэна тоже вынужденно остались зимовать в д. Морозово. Объединенные усилия двух писателей, невольно застрявших с семьями в деревне, помогли выжить во все усложняющейся обстановке.

Стремясь захватить Ленинград и Москву, немцы прошли на восток севернее нас до Тихвина и южнее взяли Калинин (Тверь). Мы остались в дальнем полуокружении. Однако жизнь шла своим порядком. Колхозников ежедневно наряжали на работу, на земле работ всегда хватает, кого-то из молодежи брали готовить оборонительные линии, копать окопы. Хозяин дома, у кого мы жили, отказал в дровах и молоке. У Виталия Валентиновича заработка почти не было, надо было приспособливаться жить. Ружья в июле отобрали. Полученных на заработанные трудодни продуктов на зиму, конечно, не хватило. Отцу с Иваном Сергеевичем приходилось просить районное руководство о продовольственной помощи. За выделенным нам картофелем с оказией ездили за 10 километров в с. Устреку. Хлеб по норме покупали в магазине в 3 километрах в Яковищах.

В свободное от колхозной работы время я продолжал экскурсировать по окрестностям Михеева, ловил кротов для продажи шкур, наблюдал за гнездами, ежедневно записывал особенности погоды. Перед отъездом в Михеево Виктор Богданов, мой ленинградский товарищ, дал мне несколько яиц пекинских уток. В Михееве их удалось подложить под курицу, которая и высидела утят. Кроме того, наша подсадная кряква вывела и вырастила выводок утят. И те и другие утята выросли на вольном выпасе, и периодически их приходилось разыскивать на ближайшем озере или реке и приводить к дому. И молодые, и взрослая утка были достаточно послушны, хотя нередко и не сразу слушались человека.

В конце лета и осенью я ездил на лодке с «дорожкой». Это блесна на длинном шнуре, который тянется за лодкой. Едешь один, взяв конец шнура в рот, и гребешь, сидя на корме, одним веслом. Когда рыба клюнет, хорошо чувствуешь ее рывок, и вытаскиваешь добычу. Так проплывал по 1,5 – 2 километра вниз по реке Удине до ее низовьев. Постоянно ловились щучки, реже окуни. Ловил немного, но обед обеспечивал, для заготовки впрок улова не хватало. В середине октября начались снегопады, а в середине ноября температура стала опускаться за -20° С. Осенью и зимой ставил капканы на зайцев, пытался ловить в различные ловушки белок, рябчиков и других птиц, но успеха не имел.

Занимался обеспечением дома дровами: их надо было нарубить в лесу, привезти, распилить и расколоть. Обычно ходили рубить с ребятами вдвоем – втроем, дрова нужны были всем. Да и лошадь для доставки дров так было проще получить. Только распиловка и колка дров проводились каждым у своего дома. Ходил в д. Яковищи за хлебом. Подшивал домашним валенки. В общем, делал всё, что мог, считая себя достаточно взрослым. Участвовал в вечерних «посиделках» михеевской молодежи. А она собиралась вечерами у кого-нибудь в избе, чтобы веселее было заниматься необходимым рукоделием.

Зима 1942 года была холодной, морозы стояли нередко за -30°С. В декабре 1941 года взяли на военную службу Колю Муравина – Бредьку, моего товарища. После непродолжительного обучения его направили в партизаны и через два месяца он погиб.

В колхозе зимой мне делать было нечего. Я сидел дома, вечером часто у печки, наблюдая за тем как горят дрова. Описывал способы ловли рыбы, которые применяли в Мошенском районе – ужение, переметы, наживки (жерлицы), дорожка (блесна на длинном шнуре за лодкой), вятерь, мережа, сеть, лучение, сак, бредень, невод. А также сделал краткое описание р. Удины, озер Карабожа, Ямное, Федосово, Тошник, Чуховские, Горские, Карасиное (Полуночное) и Полуденное (два последних у д. Михеево).

Используя подвернувшуюся около 30 марта 1942 года возможность полететь в оккупированный Ленинград, отец благополучно пролетел туда, а обратно выехал по «дороге жизни» по Ладожскому озеру. Вернулся он в Михеево 6 апреля и несколько дней приходил в себя.

После поездки отца в Ленинград удалось эвакуироваться в г. Молотов (Пермь), где находился Ленинградский Литфонд. Перед отъездом отцу вернули ружья, его любимую двустволку двадцатого калибра «Шольберг». Из Михеево и Морозово вместе с Соколовыми-Микитовыми и приехавшим из Ленинграда писателем А.Г. Барминым выехали на станцию Хвойную 21 мая 1942 г. Там погрузились в выделенную писателям теплушку – товарный вагон с нарами по обе стороны и печуркой в середине: с одной стороны на нарах Соколовы-Микитовы, с другой – Бианки и Бармин. Вечером 22 мая нашу теплушку прицепили к поезду, и мы тронулись в путь. На станциях, где стояли достаточно времени, ходили за водой, кипятком и продуктами. В Ярославле удалось увидеться в госпитале с Юрой Бурчиком, бывшим юннатом. Он был очень угнетен тем, что видел на фронте.

Виталий Валентинович и Иван Сергеевич отстали в Ярославле от нашего поезда и догнали нас через двое суток на ст. Шарья в санитарном поезде на «собственной популярности». Конечно, все здорово перенервничали. В Котельниче опять простояли весь день. Цены там за пуд были: картофеля – 300-400 р., лука – 700 р., хлеба – 1000 р., десяток яиц – 100 р. и литр молока – 20 р. Из Котельнича выехали 3 июня. В Молотов (Пермь) приехали ночью 7 июня, и нас поместили в общежитие дома 7-а на ул. Островского. Соколовы-Микитовы остались в Молотове, а отец хотел устроиться поближе к земле. 8 июля переехали на юг Молотовской области в районный г. Осу, маленький приятный городишко ниже по р. Каме.

Однако г. Оса – это только городское зимнее место жительства, а на конец лета – осень мы устроились в д. Первое Мая в 11 км от города. Там можно было охотиться, благо ружья теперь были. Этим я и занимался почти каждый день один или с отцом. Удавалось успешно подкарауливать утром голубей – клинтухов и вяхирей – вылетающих кормиться на поля, а вечером – уток, крякв и чирков-свистунков, прилетающих на озерко недалеко от деревни. Изредка ходили в лес, где добыть дичину было труднее, хотя не пропускал и зайцев-беляков, и белок. Все были съедобны и желательны. Всех добытых птиц и зверей взвешивал, что показывало не только их непосредственную массу, но и различие веса разных видов и его изменение во времени. Многие молодые птицы еще продолжали в августе расти, увеличивать массу тела и все, независимо от возраста, накапливали жировые запасы перед приближающейся осенней миграцией к местам зимовки. Взрослые утки, кроме того, восстанавливали свою массу после окончания одновременной смены маховых перьев крыла, которая происходит у них после окончания периода размножения. Одновременный рост у них таких крупных перьев требует много энергии и вещества, которые не удается полностью получать с кормом.

В город Осу учиться в школе я ушел только в начале октября, но еще в ноябре выбирался на охоту из города. Однако охотничьи выходы стали результативнее только в конце апреля, когда легко было добывать рябчиков. Удивленно отметил на добытых птицах, что во второй половине апреля – в мае самцы рябчиков теряли в весе, худели в период наступившего брачного периода. А во второй половине мая трижды взвесив яйца скворца в гнезде у дома, обнаружил, что их вес уменьшается во время насиживания. Да! Ничто не вечно под луной! Вес птиц, оказывается, закономерно изменяется в течение года!

ГОДЫ УЧЕНИЯ

В 1943 году с окончанием в г. Осе восьмого класса средней школы кончилась моя вольготная жизнь с родителями. Пришел вызов в г. Куйбышев (Самару) в московскую военно-морскую спецшколу. Пришлось бросить учеты начавших гнездиться птиц в разных типах леса и прощаться с родителями. Добрался до Куйбышева на пароходе по Каме и Волге. Я был зачислен в четвертый взвод второй роты. На сельскохозяйственных работах в окрестностях г. Куйбышева заболел малярией, которая потом периодически сказывалась несколько лет. Осенью нас – курсантов посылали помогать деревне в уборочной. Подружился с москвичом Юрой Чекаловым. После спецшколы мы с ним не встречались, хотя жил он – моряк, офицер – в Ленинграде. Только после его смерти встречался с его супругой.

Весной 1944 года переехали со спецшколой в Москву. Во время приезда отца в Москву познакомился с Михаилом - моим братом, сыном отца от первой его жены Зинаиды Захаревич. Он был офицер, капитан, юрист. В июне спецшколу закрыли. Военкомат направил меня в Ленинградское военно-инженерное училище, которое находилось в г. Костроме. Ехал туда с интеллигентным парнем Андреем Оболенским, бывшим до призыва студентом МАИ. Нас обоих зачислили курсантами в первый взвод второй роты первого понтонного батальона (командир батальона подполковник И.Е. Нагорный, заместитель по строевой части старший лейтенант Сидоров, командир взвода старший лейтенант Ярославцев). Весь батальон был из моих сверстников, неожиданно попавших в училище. В одном взводе со мной оказался знакомый по спецшколе Зорикто Баторун, сын монгольского маршала и казачки. Подружился и с сибиряками Евгением Сафрыгиным и Владимиром Кашниковым. До начала занятий нас отправили – кого раньше, кого позже – в район ст. Буй, на зачистку лесозаготовок, проводившихся там силами училища. Занимались вывозкой на берег заготовленного леса и потом сплавом его по р. Костромке.

Занятия в училище начались в августе. Сначала шестимесячный курс учения продлили до восьми месяцев, потом еще. Нас учили работать на металлическом парке

«Н2П» (новый понтонный парк) строить из готовых элементов мосты и паромы под нагрузку от 16 до 60 тонн, а также деревянные мосты. В конце зимы выезжали километров за пятнадцать – двадцать практиковаться и достраивать деревянный мост через небольшую реку.

Виталий Бианки – курсант Ленинградского военно-инженерного училища. Середина 40-х гг. Фото из архива семьи Бианки

В мае 1945 года инженерное училище вернулось в Ленинград, в Инженерный замок. Окна замка были застеклены мозаикой из стеклышек 9х12 см, фотографических пластинок. Мы сдали в мае выпускные экзамены, получили офицерскую форму и готовились разъезжаться по местам службы. Неожиданно пришел приказ об отправке нас, до присвоения звания, на стажировку в летний лагерь на Карельский перешеек. Лагерь был недалеко от ст. Саккола на р. Вуоксе. В середине июня я заболел там левосторонним плевритом и около месяца находился в стационаре санчасти. В июле наша рота участвовала в учениях близ ст. Луга, потом еще на Карельском перешейке.

В сентябре нас отправили в месячный отпуск, который я провел у родителей близ ст. Заветы Ильича, в Подмоскowie. Вернувшись в училище, мы узнали, что нам добавили по одному, два, три года учения в зависимости от послужного списка и оконченных классов средней школы. Мне выпало учиться еще два года. Командиром взвода у меня был младший лейтенант Ю. Корольков. Командиром другого взвода нашей роты, в котором был Женя Сафрыгин, был младший лейтенант Н. Ермошкин. Оба взводных были умные приятные люди. Нам здорово повезло. Помощником командира взвода был старший сержант Крутихин, достаточно строгий, но справедливый.

Перед отпуском в августе было сказано, чтобы мы – курсанты написали рапорта на имя командира училища о продолжении учения, но я не написал. Меня и не принуждали к этому. Потом я узнал, что от моего имени требуемый рапорт написал наш ротный писарь. Однако почерк и подпись в «моем» заявлении настолько не были похожи на мои, что сомнений в подделке, когда это потребовалось, не возникло. Мне это заявление показывал командир училища, когда я был у него при переходе из курсантов в рядовые весной 1947 года. Он вызвал меня, когда из канцелярии А.А. Жданова в училище пришло «разрешение» уволить меня из курсантов.

Но в 1946 году я еще продолжал учиться в Ленинградском инженерном училище. Все курсанты получили медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Учился, продолжал ходить в увольнения и в самоволки. Выходить из Инженерного замка и возвращаться было легко через поврежденную во время войны часть здания со стороны Фонтанки.

Приближался мой выпуск из училища командиром взвода. Это беспокоило не только меня, но и отца. В результате, согласовав со мной, отец обратился к Первому секретарю Горкома ВКП(б) Ленинграда А.А. Жданову с просьбой разрешить мне перейти из курсантов в солдаты. Разрешили. Меня перевели солдатом в комендантский взвод и назначили экспедитором при Строевом отделе. Командиром комендантского взвода был тогда старший лейтенант Б.П. Савич, знакомый мне через сестру. К сожалению, Борис Савич, с которым мы дружили потом многие годы до его кончины, вскоре демобилизовался и передал взвод лейтенанту Подлесному. Отношения с новым командиром были более сложными, но он не изменил разрешения постоянно мне

находиться вне училища, ночевать дома. Моим делом была доставка и отправление всей простой и секретной почты.

Осенью 1948 года я поступил в заочную среднюю школу, которая находилась против Мариинского оперного театра. Однако страшно устав от недосыпов, и зная, что демобилизации зимой не предвидится, я в декабре бросил учиться.

В декабре следующего 1949 года стало известно, что в 1950 году будет демобилизация рядовых моего возраста. В связи с этим поступил в январе в десятый класс вечерней школы на углу Среднего проспекта и 4-й линии Васильевского Острова. Все произошло как планировал: в середине марта демобилизовался и в июне получил аттестат зрелости. Дорога дальше была открыта.

На майские праздники ездил с братом Валей в Михеево. Повидался там со сверстниками – девочками Настей, Нюшей Кругловой и демобилизованным Тимофеем Кругловым, Василием Маланьиным (Григорьевым) и другими михеевскими знакомыми.

В июле и августе ездил на оз. Боровно, где летом жили родители. В начале августа сдал вступительные экзамены на Биолого-почвенный факультет Ленинградского университета. Учиться не умел, было нелегко. Экзамены по общим предметам часто сдавал по подсказкам. Преподавательско-профессорский состав университета после лысенковской сессии ВАСХНИЛ 1948 года был слабый. Последствия этой разгромной сессии продолжали сказываться на судьбах биологов, медиков и др. Кто-то еще «калялся в заблуждениях», кого-то из заслуженных профессоров уже не было в Ленинграде. От университетской кафедры генетики мало что осталось. Заведующим кафедры Зоологии позвоночных был по совместительству сотрудник Зоологического института АН доктор биологических наук Борис Степанович Виноградов, хороший человек и специалист, но не работник университета. Спецкурсы читали доценты А.С. Мальчевский, О.В. Петров и др. Весной 1951 года знакомая по юннатскому кружку, аспирантка профессора В.А. Догеля, Валентина Геннадиевна Кулачкова пригласила меня поехать с ней в Кандалакшский заповедник на Белое море, чтобы добывать для нее птиц. Она была паразитологом и занималась паразитами гаги, у которых происходила массовая гибель птенцов. Для того, чтобы в июне поехать в заповедник, надо было освободиться от учебных практик, что мне помог сделать В.А. Догель. В начале июня я прошел сельскохозяйственную практику со студентами второго курса, получил задание по ботанике и поехал на Белое море.

Двадцать первого июня приехал в Кандалакшу и явился к директору заповедника В.К. Бахареву. А 22 июня старший наблюдатель Т.А. Жидких отвез меня на остров Лодейный, где жили В.Г. Кулачкова, орнитолог З.М. Баранова и их лаборантки Зоя Васильевна Сабурова с детьми – Федей, Вовой и Валей и Валя Герасимова (Вощикова). Жили дружно, питались все вместе. Возможности сотрудников работать на островах архипелага были ограниченные из-за отсутствия моторного транспорта. Охрана заповедника в то время была оснащена деревянными лодками с подвесными трехсильными моторами. Научные сотрудники перемещались на весельных лодках. Хозяйственные и другие общие работы обеспечивал катер «Дозорный».

Свободного времени у меня было много и можно было знакомиться с орнитофауной островов. Используя круглосуточный день, часто не спал до начала пробуждения птиц. Выходил на соседнюю скалу и регистрировал их первые песни, крики, появление – и только после этого ложился спать. Таежные птицы были мне знакомы, так что вести наблюдения было просто. Никаких планов кроме сбора фаунистического материала у меня не было.

Ездили на соседние острова на весельной лодке, ловили треску, следили за гнездованием птиц на ближайших лудях. Кроме того ездил на о. Ряшков. В один из первых дней наткнулся в лесу на лисий выводок, из которого поймал двух лисят. Некоторое время они прожили на привязи на Лодейном, а потом перекочевали, если не ошибаюсь, в дом

пионеров г. Кандалакши. При учете гнезд гаги на лесных островах и сборки пуха побывал на всех островах Северного архипелага. В этом мероприятии участвовали не только все работники научной части и охраны, но и часть конторских работников. Кроме того, набирали еще ребят-старшеклассников с Нижней Кандалакши.

Пятого августа по плану З.М. Барановой выехали на шлюпке с подвесным трехсильным мотором в Порью губу. Кроме Зинаиды Михайловны ехали В.Г. Кулачкова и З.В. Елисеева (юнатка из Москвы). За моториста был я. Хотя до этого с моторами дела не приходилось иметь, но помогли знания по автоделу, приобретенные в Инженерном училище. Мотор работал хорошо, съездили благополучно.

С Лодейного выехали к вечеру, заехали на о. Медвежий, где жила Ефросиния Максимовна Вошикова с детьми: Раей и Борей. Потом через Кибринские луды направились к Кибринскому берегу Кольского полуострова. Там заночевали в палатке на самом берегу. Утром обнаружили близ палатки медвежьих следы. День были в пути. Мотор работал исправно, погода была спокойная. Только во второй половине дня решили пристать в пологой бухточке для отдыха и еды. Однако, не успел я заглушить мотор, как первая же небольшая волна накрыла нас с кормы. Разгрузились благополучно, но вещи подмокли и лодку пришлось удерживать пока шел прилив, чтобы ее не выбросило на берег и не разбило. Пока вода прибывала, нам пришлось продолжительное время провести по пояс в воде. Наконец начался отлив и лодка оказалась в безопасности. Поужинали, «согрелись». На следующий день доехали до Порьей губы, обследовали ее заливы и берега. Обратный путь прошел без приключений. На о. Лодейный вернулись в первом часу дня 12 августа.

Из Лапландского заповедника приезжала М.И. Владимирская, жена О.И. Семенова-Тянь-Шанского. Пятнадцатого августа выехали на той же шлюпке на о. Великий в том же составе, плюс художник-анималист В.В. Трофимов из Москвы. Заехали в магазин в пос. Княжой и отправились дальше вдоль Карельского берега. Ночевали, не доехав до о. Торосихи. С 17 на 18 августа ночевали на Беломорской биостанции у Н.А. Перцова. На следующий день Николай Андреевич дотащил на буксире нашу шлюпку до о. Большой Величаихи. Женщины ехали с Перцевым, а в шлюпке кроме меня были В.В. Трофимов и лесник заповедника с Городецкого порога И.Н. Николаев.

Когда выехали за Большую Величаиху, нас встретила встречная волна. Буксир лопнул и мы в лодке остались среди волн. Мои помощники сели на весла, а я повесил на корму мотор, завел его, и мы благополучно добрались до берега о. Малой Величаихи, где уже находились наши женщины. Это было для меня достаточно серьезное испытание.

В Ленинград вернулся в последних числах августа. С октября начал работать экскурсоводом в Зоологическом музее АН СССР. Это была «станция переживания» для временно оказавшихся в затруднительном материальном положении аспирантов и других закончивших вуз молодых людей. Там подружился с Николаем Голенищевым. В это время экскурсоводами работали В.Н. Никольская (старшим), А. Соколов, З.В. Красюкова и др.

Осенью по предложению физорга факультета Редькина меня выбрали председателем факультетского спортбюро. Всю зиму пришлось заниматься организацией участия спортсменов факультета в университетской спартакиаде.

В 1953 году продолжал работать экскурсоводом в Зоологическом музее. Летнюю полевую практику провел в Кандалакшском заповеднике на о. Ряшкове. Был оформлен лаборантом и выполнял часть плановой работы орнитолога З.М. Барановой. Основным местом работы была Девичья луда, куда ежедневно ездил за 2 км на весельной лодке. Там вел наблюдения за гнездованием ржанкообразных, прежде всего полярных крачек. Благо их гнездилось на Девичьей луде 250-300 пар. Занимался кольцеванием птенцов куликов-сорок, чаек, крачек. Таежным птицам уделял мало внимания. Двадцать восьмого июня выехал с В.Г. Кулачковой на о. Великий, прошлись по окрестностям Белой губы, на Кумяжьих

озера и в губу Лобаниха. Второго июля вернулись на о. Ряшков. 15-16 июля нас с Игорем Райковым и Диной Бекжановой отвезли на Кибринский берег. Там мы поднялись на сопки, где и переночевали на краю горной тундры. 8-16 августа сопровождал на семь островов на Восточном Мурмане В.Г. Кулачкову. До базы на о. Харлове добрались 10 августа. Побывали на всех островах. Полазил по птичьему базару на о. Кувшине, фотографировал кайр и других птиц. Высокие отвесные скалистые щели о. Харлова, куда била волна, напугали. С тех пор многие годы плохо переносил высоту.

В Ленинград вернулся 28 августа. В газете «Смена» №183 (8383) от 5 августа 1953 г. была опубликована заметка «Исследовательская работа студента» о моей персоне. А в газете «Вечерний Ленинград» №244 (2406) от 15 октября 1953 г. была напечатана статья «Научные исследования студентов университета» с упоминанием о моей работе в Кандалакшском заповеднике.

В 1954 году преддипломная практика в Кандалакшском заповеднике началась 21 мая. Имея материал по гнездованию ржанкообразных птиц за два года (1951 и 1953), было естественно продолжить собирать здесь же материал и для дипломной работы. Привез из Ленинграда трехсильный подвесной мотор и все лето ездил на нем. Жили на о. Ряшкове с Игорем Райковым и Диной Бекжановой. Работал главным образом на Девичьей луде. Ловил лучками на гнездах полярных крачек. Поймал птицу, окольцованную птенцом в 1940 г. М.С. Протопоповым. Собирал материал по гнездованию куликов, чаек и чистиков. В предыдущие годы были написаны курсовые работы по орнитофауне вершины Кандалакшского залива и по гнездованию здесь обыкновенной гаги. При кольцевании птенцов крачек, чаек и куликов записывал степень развития у них оперения - плечевых и маховых перьев, что позволило потом примерно определить их возраст и рассчитать по пятидневкам сроки гнездования крачек в этом году.

Ю.А. Исаков привез из Дарвинского заповедника на Рыбинском водохранилище гоголиные яйца, которые 6 июня подложил в 4 гнезда гаги. А взятые из гнезд гагачьи яйца он взял с собой, чтобы подложить в гнезда гоголей. Положительного результата опыт не дал, гнезда были брошены гагами. Юрий Андреевич посоветовал развесить на островах искусственные гнездовья для гоголей. Ближайшей же зимой было сделано и повешено на берегах о. Лодейного 30 гнездовий.

В июле ко мне приезжала Лала, моя будущая жена. Вернулся в Ленинград в конце июля. В октябре перестал работать экскурсоводом в Зоологическом музее АН СССР.

В начале учебного года треугольник нашей группы зоологов (староста В. Бианки, комсорг Е.К. Тимофеева, профорг О.М. Татарина) написал заявление зав. кафедрой П.В. Терентьеву, чтобы нам заменили лектора А.М. Андрушко. По-видимому, это заявление сыграло свою роль при распределении нас на работу по окончании университета. Меня направили в Кандалакшский заповедник, а девчат – в противочумную систему.

Виталий Витальевич Бианки

АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВНА КОЛЬЦОВА – УРОЖЕНКА МОШЕНСКОГО РАЙОНА⁷

Где бы не жила родительская семья, в ней находилась Александра Ефимовна, наша няня. На Сашеньке, Александре Ефимовне, многое держалось в семье В.В. и В.Н. Бианки. Она занималась питанием семьи и обеспечением детей, пока они были маленькими,

⁷ Воспоминания, вероятно, были написаны в 2008 году, но полностью не публиковались. Фрагменты использованы Н.Н. Герасимовой в статье «Мошенский район в жизни Виталия Бианки и его семьи» - Материалы научно-практической конференции «Виталий Бианки и Новгородский край: новые известия»: Великий Новгород, 28-29 февраля, 2008.

освободила от многих ежедневных дел Веру Николаевну, что позволило ей оказывать необходимую помощь мужу, Виталию Валентиновичу. А забота и помощь требовалась постоянно. Трижды арестованному и постоянно жившему в городе под угрозой ареста и высылки, Виталию Валентиновичу требовалась душевная помощь и не только. Вера Николаевна вела дом, выполняла роль технического секретаря, занималась договорной документацией с издательствами, от руки переписывала тексты готовых произведений. Пишущая машинка у писателя появилась только в послевоенные 1940-е годы.

Александра Ефимовна родилась 30 мая 1890 г. и выросла в дер. Слизенихе (Мошенской район). Если не ошибаюсь, после смерти её матери, отец женился повторно и жизнь с мачехой у Александры не сложилась. Она поехала в Санкт-Петербург, где у неё жили и работали тетушки. В С.-Петербурге в 1907 г. Александра Ефимовна перешла по совету тетушки работать в семью Валентина Львовича и Клары Андреевны Бианки. Во время Первой мировой войны, когда у призванного в армию Виталия Бианки и Зинаиды Захаревич родился сын, Виталий Валентинович попросил Александру Ефимовну помочь им. Она согласилась и с тех пор жила в семье Виталия Валентиновича, сопровождая его во всех его переездах и семейных изменениях.

Стараясь вывозить семью на лето из города, не сразу удалось найти хорошее место. Выезжали в Новгородчину, в пригород Ленинграда, наконец, в 1933 г. съездили зимой к знакомым на ст. Пестово, а лето провели недалеко от станции - в деревне Комзово. На следующий год обосновались подальше от железной дороги, на хуторе Сосенка. Весной 1935 г. Александра Ефимовна предложила поехать в деревню Яковищи, Мошенского района, где жила семья её сестры, Чистяковы Степан и Евдокия (Дуня). Помню, что у них было 2 сына: Николай и Александр.

В этой деревне мы прожили два лета, после чего перебрались в маленькую, из 10 дворов деревню Михеево, в 3-х км от Яковищ, где поселились у Я. М. и А. Н. Кругловых. Здесь была ещё большая мозаичность сельских угодий с лядинками, поросшими ольхой с березой, елками и соснами, ближе находился лес, рядом было больше воды: два маленьких озера и речка Удина. Там и осели на много лет.

В августе 1938 г. мы с сестрой, дядей, Анатолием Валентиновичем, и двоюродной сестрой, Нереей ходили из Михеева за 9 км в деревню Слизениху, на нянину родину. В памяти почти ничего не осталось. Довольно большая по тем местам деревня, рядом жальник немного крупнее яковищенского, вокруг поля.

В ленинградской квартире Александра Ефимовна имела только "угол" в общей комнате с детьми. Почти всё её имущество помещалось в корзине под кроватью. Она практически была на содержании семьи Бианки, получая мизерную зарплату, была по-деревенски непритязательна и терпелива. Да и время, надо сказать, было нелёгкое. Литературные заработки были незначительны, денег катастрофически не хватало. В начале тридцатых годов даже трудно было обеспечить питание семьи продуктами из магазина. Несколько наследственных мелких ценных вещиц, которые принимали в Торгсине за продукты, не могли спасти положение. Приходилось Софье Ивановне, теще Виталия Валентиновича, каждый день ездить в центр города в распределитель за обедами и привозить их в судке.

С няней. 1928 г. Фото из архива семьи Бианки

Наша няня была мне очень близка, отношение к ней было сравнимо с отношением к маме. Не равным, но сравнимым. Мы долго жили в одной комнате. Она будила нас утром, кормила, отправляла в школу. Потом успевала сходить в магазины за продуктами и приготовить завтрак, обед и ужин. А также успевала сделать другие домашние дела, которых всегда много. Когда выдавалась свободная минута, играла с нами маленькими, читала нам.

В 1932 году после рождения младшего сына Валентина у нас поселилась нянина тётюшка Груша. К большому сожалению, ни отчества, ни

фамилии её я не знаю. При отъезде летом всей семьи в деревню тётя Груша оставалась в квартире. Если кто-то приезжал в город, она обеспечивала его по хозяйству.

Скончалась наша няня в августе 1974 г.

Виталий Витальевич Бианки

ПИСАТЕЛЬ ВИТАЛИЙ БИАНКИ КАК ОРНИТОЛОГ

Детство и отрочество моего отца Виталия Валентиновича Бианки проходило под сильным влиянием его отца – Валентина Львовича Бианки – учёного - орнитолога. Кроме того, раннее детство писателя совпало с обустройством выставочных залов Зоологического музея Академии Наук в новом помещении и по новому плану. Заведующий Орнитологическим отделением – Валентин Львович был членом комиссии по внутреннему устройству музея. Будучи летом с семьёй на даче, он не только как всегда вел разносторонние наблюдения за птицами, но и собирал материал для экспозиций музея.

Отец с раннего детства брал любознательного сына на прогулки в лес, на берег моря. В 1935 году Виталий Валентинович так писал о своём детстве, отвечая читателям на вопрос «Отчего я пишу про лес» (журнал «Колхозные ребята», 1936, №10-11): «Отец рано начал брать меня с собою в лес. Он каждую травку, каждую птицу и зверюшку называл мне по имени, отчеству и фамилии. Учил меня узнавать птиц по виду, по голосу, по полёту, разыскивать самые скрытые гнёзда. Учил по тысяче примет находить тайно от человека живущих зверей. И – самое главное – с детства приучил все свои наблюдения записывать. Так приучил, что это вошло у меня в привычку на всю жизнь».

Важно на самом деле всё. И то, что отец приучил постоянно вести дневник, и то, что познакомил с окружающей природой, с её растениями, насекомыми, птицами, зверями, и привил величайшую любовь к ним и удивление ими. Кроме того, он познакомил мальчика с научными способами познания окружающего мира, с методиками изучения птиц того времени.

Сам Валентин Львович познал окружающую природу в отрочестве и юности, полюбил ее и «заболел» ее изучением. Однако его путь к работе профессионала-орнитолога был долгий и сложный. Пришлось учиться не в университете, а закончить

Медико-хирургическую (Военно-медицинскую) академию и стать врачом. Даже став сотрудником Зоологического музея, он первое время был вынужден заниматься насекомыми, хотя его страстной любовью были птицы. Пройдя такой путь, Валентин Львович естественно вводил сына в свой мир любви и работы, упрощая его путь становления специалистом-последователем.

Уже в 1908 году, когда Валентин Львович собирался ехать в экспедицию на Камчатку, он оставил четырнадцатилетнего сына своим «заместителем» по наблюдениям за птицами в Лебяжьем, где на берегу Финского залива семья проводила каждое лето. Обладая зорким глазом и музыкальным слухом, Виталий к тому времени не только хорошо знал птиц, но и легко определял их в природе. К тому же увлекшись охотой, он хорошо стрелял и мог добыть нужную птицу для определения ее видовой принадлежности или в коллекцию. Валентин Львович мог спокойно оставить сыну на лето серьезную программу орнитологических наблюдений.

Виталий собирался стать, как отец, орнитологом. Интерес к птицам, как и к другим животным, сохранился у него на всю жизнь. Открытые на птиц глаза и слух помогали ему всю жизнь видеть и слышать их, будь то на прогулке в деревне, или в шумном большом городе. Стремление рассказать другим об увиденном, удивившем, познанном и пережитом появилось позже, когда накопилось много впечатлений и знаний о мире птиц, зверей, насекомых.

Когда судьба забросила Виталия Валентиновича на Алтай, в Бийск, он много и интересно рассказывал ученикам в школе о жизни птиц и других животных. Там же в Бийске он познакомился и подружился с Гансом Христиановичем Иогансенем, в то время студентом Томского университета. На Алтае Ганс Христианович занимался «выживанием» в то сложное время и коллекционированием птиц. Летом друзья организовывали экспедиции в окрестности Телецкого озера для изучения фауны птиц, работали в краеведческом музее в Бийске. Им удалось собрать значительную коллекцию, после обработки которой в Зоологическом музее в Петрограде, они надеялись опубликовать свою работу.

Однако судьба распорядилась иначе. В январе 1920 года скончался отец. В следующем, 1921 году Виталий Валентинович женился, а в 1923 году был вынужден срочно уехать с семьей в Петроград. Коллекция птиц была отправлена багажом по железной дороге. Однако до Петрограда она не дошла, застряв где-то в пути. К тому же ситуация в Зоологическом музее изменилась, поступить туда на работу не удалось. Семью же надо было кормить.

Вернувшись в Петроград, Виталий Валентинович начал серьезно заниматься литературным творчеством. Выходят его первые книжки, в которых он начинает рассказывать об удивительном мире птиц и других животных. Желание поделиться своей радостью общения с птицами, с природой, рассказать о них любознательным слушателям, как уже упоминалось, проявилось ещё в Бийске. Вначале слушателями были юноши и девушки, позже наиболее восприимчивые к услышанному, увиденному и прочитанному – дети, школьники. Однако Виталий Валентинович всегда говорил, что он пишет и для взрослых, сохранивших в душе ребенка. Занятие птицами отошло на второй план, хотя вопрос, что для него важнее – литературное творчество или наука – долго оставался открытым.

Под рукой на столе и этажерке у писателя всегда была научная литература.

После трудных двадцатых и начала тридцатых годов, Виталий Валентинович с семьей постепенно утвердился летом в Новгородчине. Вначале жили летом в Пестовском районе, в 1933 году в деревне Комзово и в 1934 – на хуторе Сосенка, близ села Устюцкого, потом в Мошенском районе, в 1935 и 36 годах в деревне Яковищи и, наконец, в 1937-1942

годах в Михееве. В деревню приезжали чаще всего в мае и жили в ней до сентября, когда детям надо было в школу. Когда дети подросли, родители стали задерживаться и на всю осень, а то и до окончания школьных зимних каникул. В деревне спокойней было жить, лучше работалось.

Во время этих прогулок и охоты с любимым спаниелем или с гончей, Виталий Валентинович постоянно фиксировал все встречи птиц. Их список постепенно увеличивался. Кроме «рожденного» интереса к животным и привычки записывать все наблюдения, была ещё одна немаловажная причина их фиксации. В 1910 году Валентин Львович опубликовал статью «Наши сведения о птицах Новгородской губернии» и в 1915 году – «Первое дополнение к статье «Наши сведения о птицах Новгородской губернии» (обе в «Ежегоднике Зоологического музея Академии Наук»). Виталию Валентиновичу интересно было отметить максимум видов птиц, которые вошли в работу отца, выяснить, какие новые виды появились, каких нет в Мошенском районе, какие произошли изменения. Продолжалась как бы общая работа с отцом, начатая в счастливом детстве.

В середине 30-х годов Виталий Валентинович познакомился с кружком юных натуралистов вначале при Зоологическом институте (бывшем музее), потом при Педагогическом институте им. М.Н. Покровского, которым руководил А.М. Котон. Экспедиция юннатов стала приезжать летом в Новгородчину и устраивалась недалеко от Михеево, в одной из соседних деревень. Орнитологи работали под непосредственным руководством Виталия Валентиновича. Они разбивались на пары, каждая из которых имела свой участок, на котором старалась найти все гнёзда и провести за ними наблюдения. Часто наблюдали за утренним пробуждением птиц. Вся экспедиция занималась «Открытием страны Див», краеведением. В ней были специалисты разных направлений – ботаники, энтомологи, териологи, гидробиологи. Всем хватало места и интересных объектов для наблюдения. Нередко кто-то из юннатов, или уже студентов, оставался после отъезда основной группы, устраивался жить близ семьи Бианки и продолжал свои исследования.

К тому времени и собственный сын (автор этих строк), ещё раньше «заболевший» птицами и другой живностью, подрос и стал сознательно относиться к своему интересу. Научился узнавать птиц в природе, находить птичьи гнёзда, вести за ними наблюдения. Подрастал помощник.

Виталий Валентинович предложил интересный научный эксперимент в природе, который назвал «Кукидом» - «кукушкиной идеей». Было интересно выяснить особенности родительского отношения воробьиных птиц к своим кладкам, птенцам. Предполагалось подкладывать в их гнёзда яйца других видов. А если подложить яйцо, выкрашенное в ярко красный или черный цвет? А как они будут выкармливать чужих птенцов? Как это отразится на «пасынках» и «падчерицах»?

Обычно подкладывали по одному яйцу, вместо изъятых яиц хозяев. Но в гнезде некоторых самок иногда оказывалось смешение яиц разных видов. Особенно часто это происходило в гнездах чечевиц. Они так самоотверженно, трогательно заботились о своих кладках и птенцах, что принимали все чужие яйца.

Описание найденных гнезд, наблюдения за ними, проведенные опыты, Виталий Валентинович вместе с юннатами тщательно записывал в тетради, где каждому гнезду отводилась особая страница. Отмечалась дата находки гнезда, его местоположение на дереве или на земле, величина кладки или число птенцов, состояние развития оперения и другие особенности птенцов, поведение родителей. Обычно тот, кто нашел гнездо и проводил за ним наблюдения, сам вел записи в общей для всех тетради.

Найти много гнезд не стремились, многочасовые наблюдения у гнезд не проводили. Хотя часто старались увидеть, как поведет себя птица при замене у неё в гнезде одного, реже двух яиц, как поведут себя птенцы, получая несвойственный корм от приёмных

родителей, как это отразится на них. В опытах участвовали зерноядные и насекомоядные птицы, виды с хищными наклонностями, как сорокопут-жулан. Материал собрался интересный. В послевоенное время, в годы «Сталинского преобразования природы», формирования лесополос на южных пахотных землях, орнитологи проводили похожие работы для скорейшего заселения птицами ползающих полос.

Одновременно с наблюдениями за гнёздами Виталий Валентинович собирал коллекцию птичьих яиц, стремясь показать характерную для каждого вида форму, окраску и ее варианты. Из гнезда брал одно яйцо, чтобы не нарушить кладку. В 50-х годах коллекция была передана в Зоологический институт Академии Наук.

С годами копились тетради с записями о найденных гнёздах, их судьбе. Часто гнёзда разоряли местные мальчишки и хищники, что всегда было очень обидно. Научной обработкой собранных материалов Виталий Валентинович не занимался, не хватало времени. Только в тяжелую первую военную зиму 1941/1942 годов, которую семья провела в Михееве, он написал по договоренности с С.Н. Поршняковым, директором Боровичского краеведческого музея, и передал в музей рукопись с описанием птиц, которых удалось наблюдать за 7 лет в Мошенском районе. Эта рукопись сейчас и публикуется, так как она не потеряла своего интереса ни для любителей и краеведов, ни для преподавателей и орнитологов.⁸

Позже, уже после войны в 1946 году Виталий Валентинович с семьёй жил на берегу оз. Пирос, а потом – на оз. Боровно. Уже больной, не имея возможности совершать длительные экскурсии, он продолжал свои записи встреченных птиц и решал загадки, которые они задавали. Например, его заинтересовало поведение сизых чаек на о. Еловике на оз. Боровно. В гнездовое время чайки из года в год держались на острове, поросшем высокоствольным ельником, беспокоились как у гнезда, когда невдалеке появлялся хищник. Однако гнёзд на берегу острова не было. Не было их и на небольшом болоте в лесу. Оставалось предположить, что чайки гнездятся в старых гнёздах ворон. Такое необычное гнездование было известно для сизых чаек. К сожалению, удостовериться в своем предположении Виталий Валентинович не смог. Не оказалось в нужное время умелого помощника.

Среди близких знакомых Виталия Валентиновича всегда были профессионалы-орнитологи. Это и Виталий Андреевич Хахлов, и Борис Карлович Штегман, и иллюстрировавший в 20-х годах первые издания некоторых рассказов Александр Николаевич Формозов. Долгое время жил в квартире В.В. Бианки на 3-ей линии Васильевского острова в Ленинграде А.И. Иванов. С Александром Ивановичем знакомство произошло еще в Бийском музее, куда приходил любознательный юноша. А в 30-е годы, живя в Михееве, Виталий Валентинович приглашал поселиться на лето по соседству не только друзей-литераторов, но и орнитолога С.К. Красовского. В 40-х годах Виталий Валентинович близко познакомился через Елизавету Вячеславовну Лукину с Александром Николаевичем Промптовым, с которым их объединял интерес к изучению поведения птиц. В 50-х годах на третью линию ВО регулярно приходили Алексей Сергеевич Мальчевский и Константин Алексеевич Юдин, нередко с женами. Обсуждались новые идеи, работы, публикации. Различной степени знакомства были и с рядом других зоологов.

Виталий Валентинович всегда оставался исследователем, который знакомил с научно-достоверными результатами познания не узкий круг учёных-профессионалов, а

⁸ Вит. Вит. Бианки написал статью об отце для Бианковского альманаха. Вып. 2, где была опубликована его работа «Птицы Мошенского района». Данный альманах подготовлен семьей Бианки при участии сотрудника Валдайского национального парка Л.Э. Бриккера. Он вышел в свет в 2001 г. при поддержке Санкт-Петербургской Лесотехнической академии под названием «Птицы Боровичского края». Художником – иллюстратором издания была дочь писателя Елена Витальевна Бианки.

широчайший круг читателей, закладывая в них любовь и бережное отношение ко всему живому.

Сохранилась на всю жизнь и крепкая дружба Виталия Валентиновича с Гансом Христиановичем, который стал известным орнитологом. В 1937 году, будучи датским подданным, Г.Х. Иогансен был вынужден покинуть Советскую Россию. Несмотря на то, что после отъезда переписки не было и встретиться удалось впервые только в январе 1956 года, дружба между ними осталась такой же прочной.

В пятидесятых годах Виталий Валентинович параллельно с литературной работой, увлеченно создавал «Опознаватель птиц в природе». Это было давнее желание дать любителям птиц руководство к определению птиц в природе не только по их внешнему виду, но и по поведению, голосу, другим признакам. Хотелось создать определитель, построенный и написанный художником слова на всестороннем восприятии птицы, встреченной в ее месте обитания. Подталкивали на его создание и опубликованные А.Н. Промптовым пособия для любителей птиц, в которых он учил определять птиц в природе, вести за ним простейшие наблюдения. Особое место среди них заняла книга «Птицы в природе. Руководство для определения и изучения птиц в природных условиях», изданная в 1937 году. Создание Опознавателя неоднократно обсуждалось с А.С. Мальчевским и К.А. Юдиным. Закончить его Виталий Валентинович не успел, совсем, совсем немного оставалось сделать...

До конца своих дней он оставался писателем-орнитологом, много и с любовью рассказывая людям об удивительном и прекрасном мире птиц.

Обложка Бианковского альманаха. Вып. 2

ПИСЬМА ВИТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВИЧА БИАНКИ

ЛЕОНАРДУ ЭДУАРДОВИЧУ БРИККЕРУ

На конверте: *От Бианки В.В.*
Комсомольская, 6-а, кв. 8,
г. Кандалакша Мурманской обл.
184048
Кому: *Бриккеру Л.Э.*
ул. Коммуны, д.6
пос. Кулотино Окуловского р-на
Новгородской обл.
174710

13 февраля 2000 г.
Кандалакша

Глубокоуважаемый Леонард Эдуардович!

Ваше письмо получил уже давно. Оно повергло меня в смущение и расстройство. Вы просите меня написать об отце как об орнитологе. Но у меня здесь нет никаких материалов. То, что есть, находится в Петербурге. Основываться же только на памяти нельзя. Она часто подводит, да и многое не сохранилось в ней, не говоря уже о деталях. В то же время понятно Ваше желание дать в книге такой материал.

В Питер я приеду не раньше второй половины марта, что будет поздно. Как быть?

Всё же я пытаюсь дать краткое описание отца как орнитолога. Сказал об этом по телефону Елене Витальевне и просил её в случае необходимости исправить мой текст или дополнить его.

Вначале думал, что смогу отправить Вам сразу и то и другое, но вижу, что описание отца затягивается. Постараюсь прислать его Вам в конце февраля – начале марта. Раньше никак не удастся, уж больно сильный цейтнот.

Благодарю Вас за «карточку» наблюдений на оз. Боровно за сизой чайкой. Я помню разговоры отца на эту тему, и знаю, что сизые чайки не только гнездятся в старых вороньих гнёздах, но могут и сами строить гнёзда на горизонтальных достаточно плоских ветках. На островах Кандалакшского залива отдельные пары так гнездятся. Особенно в случае опасности для кладки на земле, например, наличие на острове лисицы. Но я отвлёкся.

Спасибо за текст «Труды научные» Л.Р. Фрумкина. К сожалению, ни то, ни другое не решает моих сложностей.

В ноябре меня очень здорово провезли по Новгородчине мои московские друзья О.В. Суханова и А.Л. Мищенко. Да и в самом Новгороде я был в первый раз. Всё было очень интересно, и я очень благодарен всем, кто мне организовал эту поездку. К сожалению, дни были уже довольно короткие, начиналась зима.

Простите, пожалуйста, за задержку с ответом.

Благополучия Вам и успехов!

/Подпись/

Ваш Вит. Вит. Бианки

(текст отпечатан на принтере)

20 февраля 2000 г.

Кандалакша

Глубокоуважаемый Леонард Эдуардович!

Вскоре после отправки Вам предыдущего письма получил Ваше от 7 февраля. В нем список птиц Боровичского края и упоминание о Викторе Михайлове.

В отношении списка птиц Боровичского края. Я думаю, что не надо пытаться дать полный фаунистический список. Этим занимаются современные орнитологи, им и карты в руки. В связи с публикацией материалов Виталия Валентиновича, надо дать его материалы, не претендующие на полноту.

Боюсь, что заняться подготовкой к печати таблицы, которую Вы прислали, мне не удастся в ближайшее время, при всём желании. В лучшем случае руки дойдут в апреле. Наверное, это слишком поздно. Во всяком случае, большое спасибо за то, что прислали мне её.

А чьи данные по окрестностям Бологова за 1924 г.?

Всего Вам наилучшего!

Ваш (В.В. Бианки)

(Текст отпечатан на принтере)

12.3.2000

Кандалакша

Глубокоуважаемый Леонард Эдуардович!

Посылаю Вам то, что удалось написать об отце-орнитологе, не имея конкретных материалов, по памяти. До марта приеду в Питер и согласую текст с сестрой, у которой находятся все семейные материалы. Апрель буду в Питере.

Фаунистическую таблицу начал набирать на компьютере.

Всего Вам наилучшего! Ваш В.В. Бианки

P.S. Связь в апреле возможна через Елену Витальевну. ВВ.Б.

(Автограф, рукопись)

ПИСЬМА СОТРУДНИКАМ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. В.В. БИАНКИ

19 февраля 2005 г.

г. Кандалакша

Глубокоуважаемые организаторы Бианковской конференции⁹!

Благодарю Вас за хорошо организованную и проведенную конференцию! Очень приятно и полезно было услышать о том, как библиотекари и учителя на практике используют произведения отца в работе с подрастающим поколением. Не менее приятно было услышать, что принято, стремление отца писать не только для детей, отроков,

⁹ Научно-практическая конференция "Виталий Бианки – писатель, ученый, педагог", 14-15 февр. 2005 г.
<https://bianki.biblioteka.info/biblioteka/vitalij-bianki%E2%80%93pisatel-uchenyij-pedagog.html>

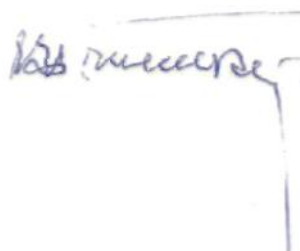
юношей и девушек, но и для взрослых. Как ему хотелось больше и серьезнее писать для взрослых!

Спасибо Вам!

Надеюсь, что прекрасные ландшафты Новгородчины, и в частности, окрестностей Великого Новгорода, удастся сохранить и приумножить своеобразную растительность и животных, которые являются частью ландшафта!

Еще раз благодарю Вас!

Посылаю документы, по Вашему списку.

 Вит. Вит. Бианки

Письмо О.А. Носковой от 11.01.2006 г. (сокращенный текст)

Глубокоуважаемая Ольга Анатольевна!

Простите, пожалуйста, за задержку моих данных. Если я правильно Вас понимаю, то: Родился 12 января 1926 г в г. Ленинграде. Учился в средней школе с 1935 по 1943 г. в Ленинграде и в эвакуации в г. Осе Молотовской (Пермской) обл.

Служил в Советской армии с июля 1943 г. по март 1950 г. В 1950 г. получил аттестат зрелости в школе рабочей молодежи и поступил на Биолого-Почвенный факультет Ленинградского университета, который и закончил в 1955 г.

С 1955 г. по настоящее время работаю в Кандалакшском гос. природном заповеднике, с 1955 по 1992 гг. – старшим научным сотрудником, зоологом, с 1992 г. по н/время – ведущим научным сотрудником.

Работаю с водоплавающими и околоводными птицами. В 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экология куликов, чаек и чистиковых Кандалакшского залива». В 1972 г. получил ученое звание «Старший научный сотрудник». В 1992 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Птицы Белого моря (Современное состояние, сезонное размещение и биология)». Имею около 200 научных публикаций.

Сейчас по-прежнему продолжаю работать в заповеднике. Постараюсь завтра послать фотографии (не последние) – свою и жены Аллы Владимировны Бианки. Она работала невропатологом, сейчас давно пенсионерка.

Какие материалы Вас интересуют? Пишите, пожалуйста.

Всего наилучшего! С уважением Вит. Вит.

13.01.2006

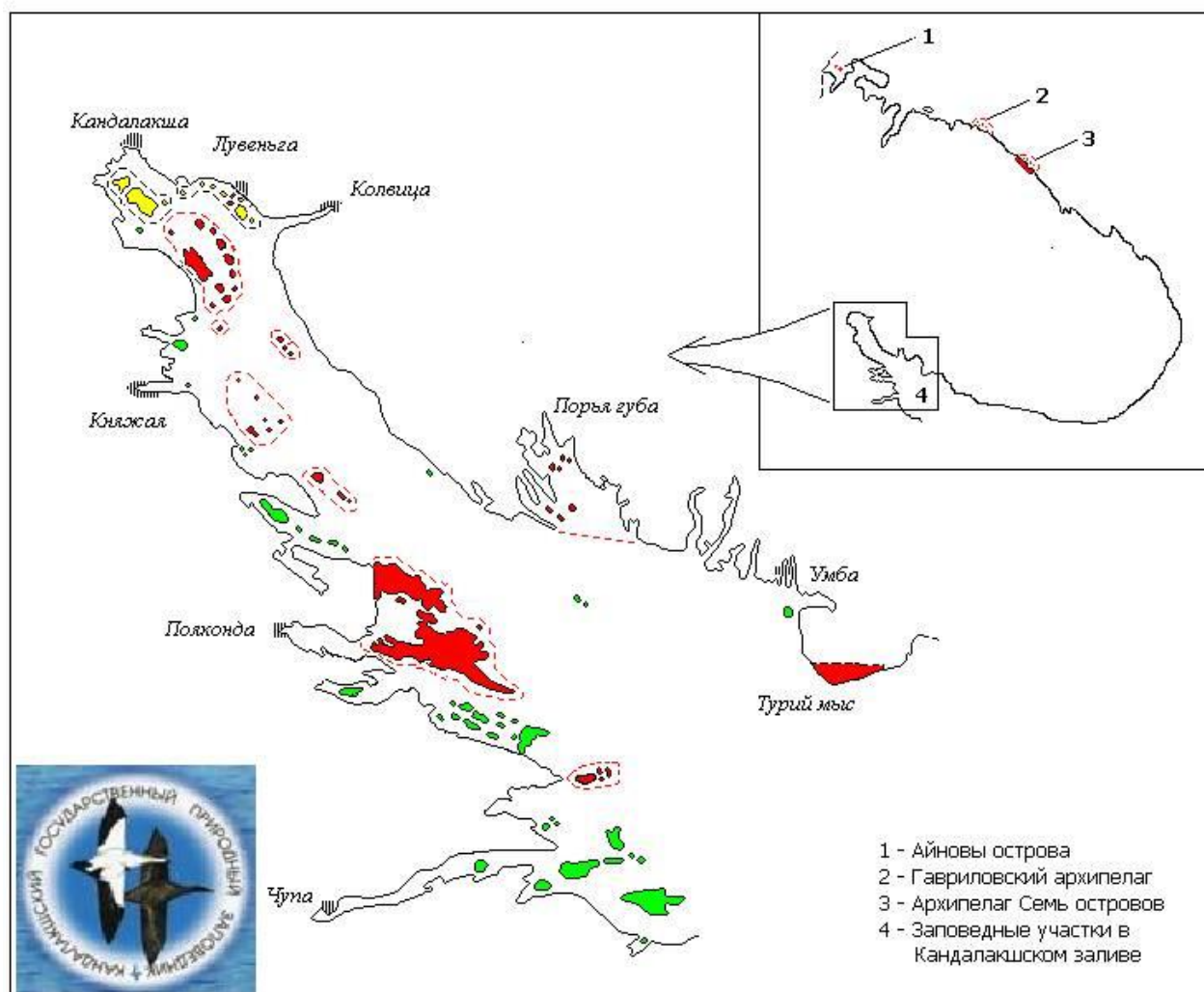
Дорогие Ольга Анатольевна, Любовь Ивановна и весь коллектив библиотеки. После отправления фотографий получил ваше поздравление. Спасибо! Посылаю вам то, что было подготовлено для вас. Перед этим был отправлен «сокращенный текст», отвечая на предварительные вопросы. Радуюсь общению. Ваш Вит. Вит.

Всего доброго Ольга Анатольевна, Любовь Ивановна и весь коллектив библиотеки.

ЧАСТЬ II. В ЗАПОВЕДНИКЕ. СВОБОДА ОДИНОЧЕСТВА

Расположение участков Кандалакшского заповедника

(красным - участки со строгим заповедным режимом, желтым - с особым режимом, зеленым - незаповедные острова)

Виталий Витальевич Бианки

В КАНДАЛАКШСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ¹⁰

В Кандалакшу я впервые приехал 22 июня 1951 года, будучи студентом первого курса Ленинградского университета как лаборант-охотник аспирантки-паразитолога В.Г. Кулачковой. На остров Лодейный, где тогда жили орнитологи заповедника З.М. Баранова, В.Г. Кулачкова и их помощники, отвез меня старший наблюдатель Т.А. Жидких. Лодки с трехсильными подвесными моторами были только у охраны заповедника – наблюдателей. Жизнь еще восстанавливалась после войны. Север осваивали, даже автобусов в Кандалакше не было.

З.М. Баранова четвертый год самозабвенно исследовала особенности гнездования в Белом море обыкновенной гаги, «заповедообразующего вида». Помогали ей

¹⁰ В статье использованы фотографии из архива Кандалакшского заповедника. Больше фотографий по ссылке <https://kandalaksha-reserve.ru/gallery>

наблюдатели. На изучение остальных массовых видов сообщества птиц Белого моря возможностей почти не хватало. Отмечали только их весенний прилет и осенний отлет, размещение летом по островам, сроки гнездования и немного кольцевали птенцов.

Многочисленные морские птицы Белого моря – кулик-сорока, сизая и серебристая чайки, полярная крачка и атлантический чистик невольно привлекали внимание, не говоря уже о том, что они не могли быть безразличны для других видов птичьего сообщества и для человека. Так студентом я и занялся вначале знакомством, а потом изучением преимущественно этих птиц отряда Ржанкообразных. В 1953 и 1954 годах собирал материал для дипломной работы, а в 1967 г. экология их в Белом море была опубликована в Трудах заповедника (вып. VI) и стала темой моей кандидатской диссертации.

Закончив в 1955 г. курс университета, получил направление на работу в Кандалакшский заповедник, в начале июля приехал в Кандалакшу и занял место уволившейся по состоянию здоровья З.М. Бариновой. Она успешно закончила тему по экологии обыкновенной гаги Белого моря и написала содержательный отчет (Герасимова, Баринова, 1960).

Острова Кандалакшского заповедника расположены группами вокруг Кольского полуострова от границы с Норвегией в Баренцевом море до г. Кандалакши в Белом море. Мне выпало работать на Северном архипелаге (часть Кандалакшских шхер в вершине одноименного залива), где работала Баринова. Полевая база, где стационарно живут научные сотрудники заповедника и приезжие, находится на острове Ряшкове. Это второй по величине остров Кандалакшских шхер, где относительно обильны таежные виды и мало гнездится гаг и других морских птиц. Меня часто спрашивают, просят рассказать, как возник тот «Ряшков», который у многих школьников и студентов надолго остался в памяти. Я не организовывал его. Посещение студентами и юннатами заповедника началось задолго до моего появления на Ряшкове. Для учёта гнёзд гаги и сбора гагачьего пуха на островах Северного архипелага заповедник приглашал школьников Кандалакши ещё в 30-х гг. В 1951 г. на о. Лодейный приезжала Зоя Елисеева, московская юннатка. В своих экспедициях по Кольскому полуострову использовала помощь студентов (А.А. Кищинского и др.). Это была значительная помощь научным сотрудникам и польза юннатам и студентам.

Вит. Вит. Бианки в заповеднике. 1950-е гг. Автор фото не известен.

Когда же я начал работать в заповеднике, мне понадобились помощники. Лаборанта у меня не было. Пришлось просить у знакомых преподавателей Ленинградских педагогических институтов прислать ко мне на практику студентов. Прислали. Весть о возможности приехать на Белое море, на заповедный остров Ряшков, видимо, распространилась. Значительно позже заместитель директора по научной работе В.Н. Карпович стал в декабре – январе рассылать по профильным вузам (университетам и педагогическим институтам с зоологическими кафедрами) предложение приехать к нам на острова для сбора материала по темам заповедника, список которых прикладывался. Темы для студентов определяли научные сотрудники. Кроме того, я продолжал использовать договоренности со знакомыми преподавателями – В.В. Макаровым (Курский пединститут), И.В. Покровской (Ленинградский пединститут им. Герцена), А.В. Молодовским и Н.А. Хохловой (Горьковский университет) и др. После того, как Лев Осипович Белополюский стал заведующим кафедрой зоологии Калининградского университета, он постоянно присылал своих студентов на острова Мурмана и в Кандалакшский залив. Его интересовал сбор материала студентами по гнездованию одних и тех же видов на трех морях – Баренцевом, Белом и Балтийском. Студентов Псковского педагогического института присылал М.М. Мешков, а потом его преемница.

О. Ряшков. Дом научных сотрудников. Вид с моря. 2005 г. Фото Н. Колупаевой

Со многими студентами у меня складывались товарищеские отношения, да и разница в возрасте вначале была не очень большой, около 10 лет. Мы были доброжелательны друг к другу и делали общее дело. Я был руководителем, учителем, извозчиком. Ведь жили мы все, как правило, на Ряшкове, а ежедневно работали на других островах, куда помощников приходилось возить на моторной лодке. Утром развозил по местам работы, вечером привозил обратно на о. Ряшков. У самого оставалось мало времени для того, чтобы что-то делать своими руками. У некоторых работников заповедника в 50-х годах подрастали дети, родившиеся до и после войны. Случалось, что они жили летом с родителями на островах заповедника. Такие девочки и мальчишки, как правило, были хорошими помощниками. Они хорошо знали и любили природу островов и были привычны к условиям жизни и работы на островах. Для прочесывания островов в несколько десятков гектаров при учете гагачьих гнезд и сбора гагачьего пуха заповедник издавна набирал группу школьников, живших преимущественно на Нижней Кандалакше.

Это была компания около пятнадцати человек. Когда в сборе пуха стали участвовать организованные юннатские группы, стало ясно, что с ними работать гораздо легче. Юннатским группам тоже было полезно участвовать в этом мероприятии заповедника. С 1953 г. руководители юннатов П.Н. Митрофанов, потом Е.А. Нинбург, его преемники А.В. Полоскин и В.М. Хайтов и др. считали полезным для своих ребят участие в сборе пуха.

Работая с молодежью надо было заинтересовать своих помощников теми делами, которые они выполняли, чтобы им интересно было работать. Это касалось всех – и студентов, и юннатов, и просто детей сотрудников. Такое общение превратилось в ежедневные «планерки». На них молодежь рассказывала, что им удалось сделать за вчерашний день, отчитывались в сделанном, и мы планировали дела на текущий день. После этого все готовились к работе, и я по очереди развозил группы по несколько человек на разные острова. После возвращения вечером на Ряшков я редко спрашивал, как прошел день, считая, что людям надо поесть, отдохнуть и как-то привести в порядок сделанное. Поскольку мы все жили на острове заповедника, приходилось постоянно поддерживать строгую дисциплину. Однако, если «отбой» всегда был в одиннадцать часов, это не значило, что контролировалось дальнейшее поведение. Студенты могли спать или не спать, находиться в доме, или уйти на берег. Важно было не шуметь, чтобы не мешать отдыхающим людям и животным. Студенты активно пользовались этой свободой. Юннаты, приехавшие без руководителя, брали пример со студентов. Организованными группами школьников – юннатов и туристов – руководили, естественно, их руководители. Причем спрос был одинаковый со всех, независимо от возраста. На острове все были взрослыми, все участвовали в общем интересном деле, нужном заповеднику.

*О. Ряшков. Комната, в которой летом жил и работал Виталий Витальевич.
Фото И.А. Харитоновой. 2021 г*

Обеспечение быта шло постепенно, годами. Организовывали сбор бревен плавника на дрова на берегах островов, доставку воды из ручья, расположенного в полукилometре от места жительства. Начинали с того, что школьники готовили пищу на костре. Потом

построили своими силами кухню-столовую с дровяной печью. Доставку воды в ведрах сменили бидоны, в которых воду привозили в прилив на лодке. Потом удалось сделать дощатые мостки вдоль берега, и воду стали возить на тележке. Организация ежедневного быта была наша, а выполнение по мере возможности – дежурных. Керосиновые лампы и свечи заменило электричество, которое давала дизель-электростанция. Весельные лодки, используемые гидробиологическими группами, сменили моторными. Все это делалось общими усилиями. Старались сотрудники заповедника, старались руководители юннатских групп. Взрослели школьники, учились жить без родителей и отвечать за свои поступки, хорошо выполнять порученную им часть общей работы.

Вся деловая и строго регламентированная жизнь протекала на островах настоящего моря с приливами и отливами, соленой водой, проплывающими небольшими китами – белухами, любопытными тюленями и постоянно меняющимся освещением и восприятием окружающих пейзажей. И такая необычная особенность Севера – круглосуточный день в мае, июне и июле, который только в середине августа сменяется серыми ночами, привлекала всех работающих в заповеднике. Они видели, что Белое море – это не суровая ледяная пустыня, а северо-таежный лес в сочетании с незабываемыми северными красотами, широкими ландшафтами, сочетающими приливную морскую акваторию, многочисленные острова и возвышенные берега материка. Юннаты и студенты ценили доброжелательство взрослых, которые не вмешивались в исполнение порученного им дела, но готовых помочь при необходимости.

В самом начале работы в заповеднике мне выдали деревянную лодку со стационарным трехсильным мотором. В середине 60-х гг. ее заменили на дюралевую плоскодонку с десятисильным подвесным мотором. Возможности работы увеличились. Со временем промышленность усовершенствовала эти лодки, они стали значительно надежнее и мощность моторов на них возросла до 30 л.с. Кроме лодки единственной «техникой» долгое время оставался шести- и двенадцатикратный бинокль.

В заповеднике, как и везде, исследовательские возможности ограничены. Просто надо использовать все доступные и изменяющиеся возможности. Большой плюс заповедника – возможность собирать многолетний материал.

Вид с моря на здание управления заповедника в Кандалякше. 2007 г. Фото М.Н. Кожина

Постоянная научная тема заповедников, которой занимаются все научные сотрудники и частично охрана – это «Летопись природы». В нее входит ежегодное описание погоды, фенологии, размещения, численности, особенностей размножения и

питания, миграций наиболее многочисленных и важных в биологическом и хозяйственном отношении видов растений и животных. Каждый орнитолог Кандалакшского заповедника постоянно работает на определенной группе островов. Полевая работа занимает обычно около 4-5 месяцев навигации со вскрытия моря в мае до сентября – октября. Для работы в библиотеке и общения с коллегами остается зима, а вне заповедника – командировки на всесоюзные орнитологические конференции и другие совещания, а также отпуск. Очень помогал Реферативный журнал, особенно если готовишь для него рефераты. Постоянно работали с местным населением – читали лекции и писали в местные газеты.

В первые годы работы в заповеднике я собирал материал для «Летописи природы» о гаге, гнездовании ржанкообразных птиц и расширил кольцевание. Еще в 1954 году мне удалось привезти из Ленинграда десять автоматических лучков, в которые хорошо ловились на гнездах насиживающие полярные крачки. Из 136 пойманных тогда птиц одна оказалась окольцованной здесь же студентом Михаилом Протопоповым, погибшем в 1941 г. на фронте. В 1955 году я приезжал в заповедник во время государственных экзаменов в университете, чтобы удостовериться, что окольцованные в 1954 году крачки снова гнездятся здесь. Поймал несколько птиц, удостоверился, что они вернулись на прошлогоднее место.

Для определения детальных сроков гнездования записывал при кольцевании степень развития плечевых и маховых перьев у птенцов, что позволило выяснить их возраст и рассчитать ход гнездования в популяции с точностью до пятидневки.

Стационаром было 68 островов Северного архипелага заповедника на площади около 100 км². Кроме того, выезжал на доре (большой лодке для хозяйственных дел) со своей командой обследовать острова вне заповедника в Кандалакшском и Онежском заливах, летал на АН-2 зимой для описания мест зимовки и численности гаг в полыньях Белого моря.

Опираясь на одно из мероприятий, порученных мне для разработки темы «Сбор материала по экологии внегнездового периода гаги», я предложил поручить наблюдателям, при обходе своего участка, ежемесячно проводить с лодки два раза в месяц 10 и 25 числа с мая по октябрь количественные учеты гаг на воде (отдельно самцов, самок, выводки и птенцов). Учеты привились, их стали проводить ежегодно, а в 1959 г. на II-й Всесоюзной орнитологической конференции в Москве я доложил о их первых результатах. («Сезонные наблюдения за численностью гаги в Кандалакшском заливе» // II Всесоюз. орнитолог. конф. Тез. Докл. III. – М. – С. 23-24). В летние месяцы, когда на острове были студенты, их привлекали к подсчету птиц в помощь наблюдателям. Постепенно вместе с гагами стали подсчитывать других птиц и тюленей.

К сожалению, в 1987 г., когда заповедник очень плохо финансировался и ни научные сотрудники, ни охрана заповедника почти не имели бензина для работы лодочных моторов, количество учетов пришлось сократить вдвое и проводить их только первого числа каждого месяца.

Кроме Летописи природы у меня в плане были еще три мероприятия: «Орнитофауна луд Белого моря и ее хозяйственное значение»; «Количественный учет колониальных птиц» и «Кольцевание птиц». Всем этим занимался еще будучи студентом и продолжал это делать все годы работы в заповеднике. Меня интересовали также условия жизни массовых морских птиц, тем более, что они были теснейшим образом связаны с гагой – основополагающим, основным охраняемым и изучаемым видом заповедника. Я занимался выяснением условий жизни гнездящихся ржанкообразных: кулика-сороки, камнешарки, сизой и серебристой чаек, полярной крачки и атлантического чистика. После 1958 года численность полярных крачек стала резко уменьшаться из-за гибели морской травы зостеры, что повлекло уменьшение подхода к берегам нерестившейся в ней

трехиглой колюшки, важнейшей рыбки в питании крачек. К середине 60-х годов крачки почти перестали гнездиться на Северном архипелаге. Основные особенности экологии Ржанкообразных птиц на Белом море были описаны и опубликованы в Трудах Кандалакшского заповедника (Вып. 6), а в 1977 году изданы на английском языке. В 1967 году я защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Экология куликов, чаек и чистиковых Кандалакшского залива».

Активное развитие миграционных исследований в Прибалтийских республиках, организованных и возглавляемых академиком Э.В. Кумари, подтолкнуло заповедник участвовать в этой коллективной работе. Ведь Белое море лежит в русле пролета многих европейских птиц, особенно Пластинчатоклювых, мигрирующих через Балтику. В 1958 году при заповеднике была организована Северная орнитологическая станция. Ее главной задачей было изучение миграции и кольцевание птиц, выяснение размещения и численности малочисленных видов, занесенных в Красные книги, и промысловых птиц в Мурманской, Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Псковской и Калининградской областях, в республиках Карелии и Коми. Возглавляла работу станции в первые три года кандидат биологических наук Н.Н. Скокова, а после ее ухода из заповедника пришлось это делать мне. Осенние наблюдения за пролетом водоплавающих птиц в 1958-1963 годах проводили по методике академика Кумари преимущественно в Онежском заливе (Бианки и др., 1975). Мой наблюдательный пункт в 1958-1962 гг. был южнее г. Беломорска на западном берегу Онежского залива у с. Вирьмы, а в 1963 г. – еще южнее у д. Унежмы. В 1963 г. Северную орнитологическую станцию закрыли. Однако, в начале 70-х и 80-х годов осенние наблюдения в Онежском заливе за пролетом мы продолжили по измененной методике академика Кумари с исследованием питания гагар и уток, их размещения на Сорокском мелководье между Поморским берегом материка и островами Жужмуями.

В 1958-1963 годах мы рассылали кольца школьникам вышеназванных областей и республик, выразившим желание кольцевать птенцов скворцов (Бианки, 1968). Собирали анкетные сведения о распространении, численности и миграциях охотничьих и малочисленных птиц, главным образом в районе Белого моря.

В середине 60-х годов передо мной встал вопрос: какой следующей группой птиц заниматься после ржанкообразных – воробьиными или утками? Занялся утками как птицами, имеющими непосредственно практическое значение и экологически близкими к особенностям Кандалакшского заповедника. После изученной обыкновенной гаги остальные виды ждали своего часа. Как позже выяснилось, период для изучения здесь уток был очень подходящий. В 70-х годах они были многочисленнее и разнообразнее в островах заповедника, чем до и после этого. Возросла численность и ряда других видов птиц Белого моря. Возможно, сказывалось уменьшение радиационного загрязнения Белого и Баренцева морей.

В 1954 году по совету Ю.А. Исакова вначале на о. Лодейном, потом на ряде других островов Кандалакшского залива повесили искусственные гнездовья для гоголей. Птицы хорошо стали их занимать. Вначале только следили за заселением гоголятников, обрабатывали кладки и ловили насиживающих самок. С 1965 года начали ловить и кольцевать всех насиживающих самок гоголя, а с 1968 года кольцевать всех вылупляющихся птенцов уток. Специальные кольца для этого прислали латышские коллеги. Поскольку утята покидают гнездо вскоре после вылупления, пришлось разработать способ определять день и часы их появления на свет. Использовали водяной тест, который показывает изменение положения яиц в воде вследствие уменьшения их веса во время насиживания. Так при минимальном беспокойстве самок стали получать значительно больше сведений об их гнездовании. С 1985 года наблюдения за гоголями

проводились также в Вороньей губе, вдающейся в Карельский берег материка, в 1984-1994 годах – на о. Колвицком и Княжегубском водохранилище, расположенных недалеко от Северного архипелага. На водоемах материка гоголятники были повешены работниками охотхозяйств, они помогали нам и с транспортом. Работа с утками, занимающими искусственные гнездовья, позволила значительно увеличить сведения об особенностях их гнездования и других вопросах экологии. На некоторых лудах Северного архипелага были поставлены ящичные гнездовья для длинноносых крохалей, которые они охотно занимали.

Особо исследовали линьку уток. Закончив брачный период, самцы уток в большем или меньшем числе собираются в благоприятных для этого местах. Старые маховые перья крыла утки теряют сразу и временно лишаются возможности летать. В это время самцы ведут скрытый образ жизни и должны быть недоступны для хищников. Кроме того, им необходимо полноценное питание. В Кандалакшском заливе линяют тысячи самцов обыкновенной гаги, турпана, гоголя и большого крохалея. Самки линяют близ мест гнездования. С 1964 года на озерах заповедника проводили отлов линяющих речных уток (род *Anas*). Кроме гнездящихся самок сюда прилетают линять самцы чирка-свистунка, которых в основном и удается ловить. Описание и кольцевание линяющих птиц позволило детально выяснить сроки смены маховых перьев у особи и птиц популяции, их сезонное размещение и ряд вопросов, связанных с линькой.

После получения сведений о гнездовании уток, их сезонных миграций через Белое море и местах зимовки встал вопрос о том, куда летят весной, где гнездятся и откуда мигрируют осенью через Кандалакшский залив гуси, лебеди и утки. Провели авиаучеты от средней Карелии до Хайпудырской губы восточнее устья р. Печоры. Кроме того, благодаря материальной помощи Северного филиала Географического общества СССР, я направлял летом наиболее подготовленных студентов для сбора сведений об утках и других птицах в необжитые места Кольского полуострова и в дельты Печоры и Северной Двины. Так получили дополнительное представление о летнем размещении лебедей и гусей в Северной Карелии, Мурманской области и в Ненецком национальном округе. Определили также места зимовок гаг в полыньях и остановки осенью других видов уток и казарок, мигрирующих через Белое море. В авиаучетах принимали участие многие научные сотрудники заповедника и некоторые студенты.

За 60 лет наблюдения в заповедных островах Кандалакшского залива было отмечено 20 видов уток, из которых 10 видов здесь постоянно гнездятся, а 10 видов селезней линяют. Также были исследованы особенности сезонного размещения, питания, гнездования, миграции, линьки и другие вопросы экологии. В соавторстве с Т.А. Ильиной описано в первом приближении потребление птицами веществ и энергии в Белом море.

С 1991 по 2000 годы участвовал в организации и работе международного заповедника «Пасвик» на границе с Норвегией.

Собранные материалы, характеризующие экологию уток и других водоплавающих птиц Белого моря, опубликованы не полностью. В 80-90-х годах проходила коллективная обработка и публикация советскими орнитологами и орнитологами стран народной демократии результатов многолетнего кольцевания птиц в этих странах. На мою долю выпала обработка и написание 9 видовых очерков и 3-х очерков в соавторстве. Это затормозило обработку материалов о жизни уток.

В 1993 году я защитил докторскую диссертацию «Птицы Белого моря (Современное состояние, сезонное размещение и биология)». Результаты работы с утками и другими пластинчатоклювыми позволили рекомендовать наиболее рациональные сроки охоты и создать дополнительные места для их охраны. Объединенные усилия ряда орнитологов показали многолетние изменения состава птиц Белого моря и их особенности.

В 2003 году я был награжден орденом Почета РФ, а в 2005 году мне был вручен Почетный знак «За заслуги в заповедном деле». Так я стал первым среди трех поколений нашей линии Бианки – дед, отец и я – получившим ученые степени, звания, награды. Мне неуютно с этим официальным признанием моей работы. Чем больше «награда», тем менее удобно перед товарищами по работе и в заповеднике и в городе, где очень многие друг друга знают. Смягчает ситуацию то, что мой двоюродный брат Сева Бианки, который занимался в Ленинградском университете проблемами работы полушарий головного мозга, был признанным крупным ученым со всеми полагающимся регалиями.

Так вся моя жизнь прошла в одном заповеднике, среди сохраняющейся природы моря и леса, где природа не эксплуатировалась жестоким человеком, где можно было свободно жить в гармонии с ней и познавать ее.

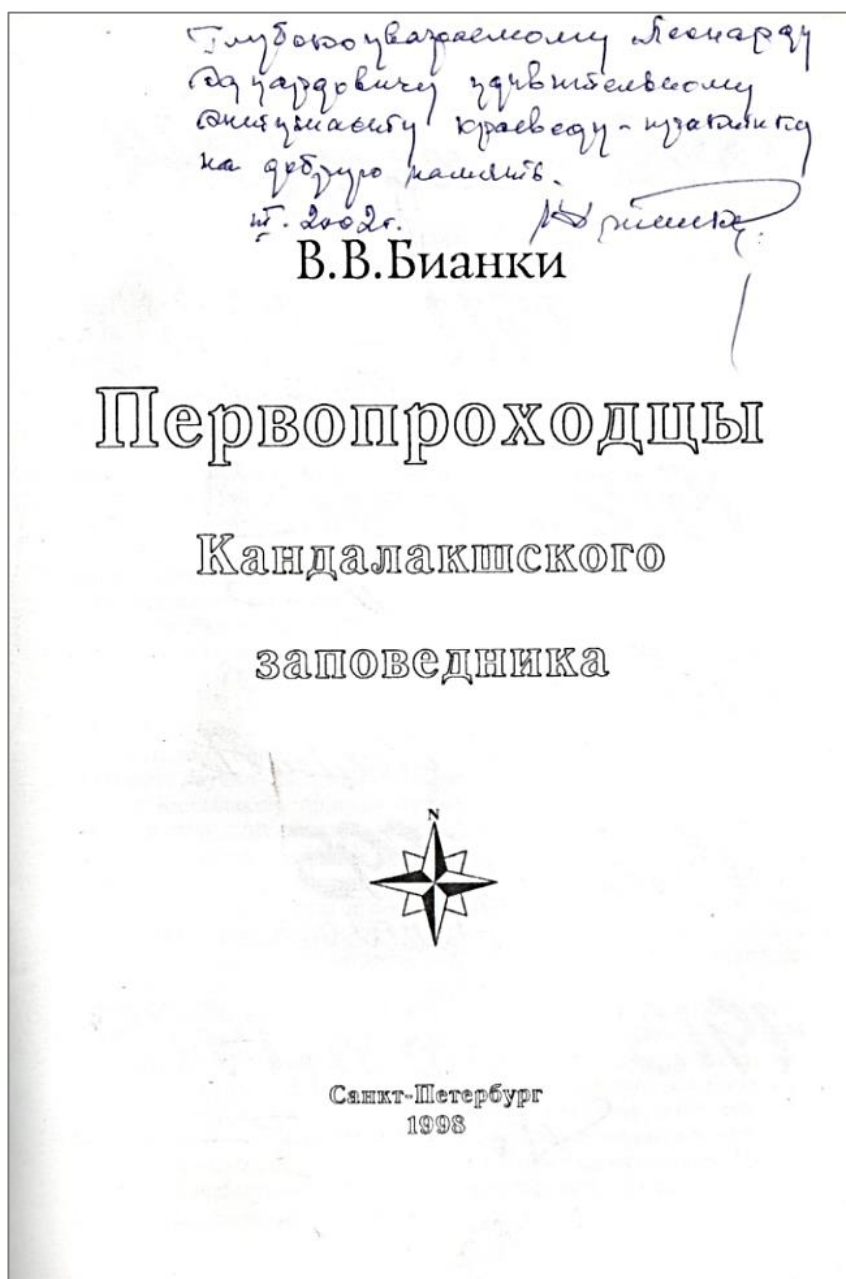
Библиография¹¹

1. Бианки В.В. Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива. //Труды Кандалакшского гос. заповедника, вып. VI. - С. 1-365, 1967.
2. *Bianki V.V. Gulls, Shorebirds and Alcids of Kandalaksha Bay.* Jerusalem. – p. 1-250, 1977.
3. Бианки В.В., Коханов В.Д., Скокова Н.Н. Осенний пролет водоплавающих птиц на Белом море. //Труды Кандалакшского гос. заповедника, вып. IX. С. 3-76, 1975.
4. Бианки В.В. Результаты кольцевания скворцов на северо-западе РСФСР //Сообщения Прибалтийской комиссии по изучению миграций птиц. Тарту. №5. С.110-120., 1968.
5. Бианки В.В., Ильина Т.А. Годовое потребление энергии и вещества птицами Белого моря //Орнитология. Вып.25.М.С.3-14, 1991.
6. Бианки В.В. Птицы Белого моря. (Современное состояние, сезонное размещение и биология). Диссертация в форме научного доклада. ЗИН РАН. СПб. С.1-50, 1993.
7. Бианки В.В., Бойко Н.С., Шутова Е.В. Введение. Питание птиц и его роль в экосистемах моря //Белое море. Биологические ресурсы и проблемы их рационального использования. Ч.II. СПб. РАН, Зоол. инст. исслед. фауны морей. 42(50). С.152-179, 1995.
8. Герасимова Т.Д., Баранова З.М. Экология обыкновенной гаги (*Somateria mollissima* L.) в Кандалакшском заповеднике //Труды Кандалакшского заповедника, вып. III. – С.8-90, 1960.
9. Кудрявцева В.И. Любовь моя – Ряшков. – М.: Практика, 2011. – С.1-192.
10. Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Бианки В.В., Нэльс Х.В. Миграции кулика-сороки Белого моря, с. 89-94. Лидель К., Бианки В.В. Камнешарка, с.143-154. – М.: Наука, 1985.
11. Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии. Морская чернеть, с.173-181. Морянка, с.181-186. Гоголь, с.186-204. Обыкновенная гага, с.205-209, 211-212. Гага-гребенушка, с.213-215. Сибирская гага, с.215-216. Синьга, с.216-217. Луток, с.223- - М.: Наука, 1989.
12. Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии //В.А. Остапенко, В.В. Бианки, Т.А. Евстигнеева, Д.Н. Нанкинов, С. Свиязь; Г.А. Кривоносов, Д.Н. Нанкинов, М. Шилохвост. – М.: Наука, 1997. – С.164-246
13. Нинбург Е.А. С любовью, Нинбург. – Пушкин, 2008. – С.1-248.

¹¹ Печатается по изданию «Бианки: история одного петербургского рода» // СПб: Издательский дом «Петрополис», т.1, 2014.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Помимо перечисленных изданий по теме, представляет интерес книга Вит. Вит. Бианки «Первопроходцы Кандалакшского заповедника» с картой-схемой Кандалакшского залива на внутренней стороне обложки (Санкт-Петербург, 1998). Экземпляр с дарственной надписью был прислан Л.Э. Бриккеру в 2002 году. (Перепечатка в «Русском орнитологическом журнале» - Экспресс-выпуск № 41, 1998 г. https://www.littorina.info/kandalaksha/kandalaksha/pervoist/bianki_pervoprohodcy.html).

Из видеоматериалов рекомендуем всем прекрасный документальный фильм о Виталии Витальевиче Бианки «Свобода одиночества», снятый в 2010 году (<https://www.youtube.com/watch?v=4XzBwOroJSo>). Фильм создан совместно телекомпанией ТВ-21 и талантливой журналисткой из Кандалакши Юлией Солнцевой. Этот фильм награждён дипломом 15-го Международного телевизионного экологического фестиваля "Спасти и сохранить" в номинации "Операторская работа". Оператором этого фильма был Александр Саницкий.

Простой секрет династии Бианки¹²

17 июля, 2010

Почему он, коренной ленинградец, сын знаменитого писателя и внук известного зоолога, остался и вот уже пятьдесят пять лет живет в тихой провинциальной Кандалакше? Ведущего сотрудника Кандалакшского государственного заповедника, доктора биологических наук, заслуженного эколога РФ Виталия Бианки этот вопрос преследует неотступно - интересуются и взрослые, и школьники, с которыми ему зачастую приходится встречаться в различных аудиториях.

В ответ Виталий Витальевич пожимает плечами и говорит:

- Просто меня устраивают те условия, что здесь есть. Они соответствуют, видимо, моему характеру и стремлению вести научную работу так, как мне хочется.

Всю свою жизнь Бианки занимается исследованием птиц Мурманской области и Кольско-Беломорского региона в целом. На сегодня, по мнению многих зоологов, никто не знает пернатых этого района так хорошо, как он. Виталий Витальевич участвовал в написании многотомных сводок «Птицы СССР», «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии», изданных Академией наук России. А его монография «Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива», переизданная на английском языке, стала для орнитологов, что называется, классикой.

Осознанно наблюдать за пернатыми будущий ученый начал еще одиннадцатилетним мальчишкой. Любил бродить по окрестностям города, самостоятельно искал гнезда. В четырнадцать лет уже точно знал, что посвятит свою жизнь науке, как его дед Валентин Львович Бианки. Пообщаться с дедушкой, к сожалению, не довелось, тот умер за шесть лет до рождения Виталия.

Валентин Львович, кстати, биологического образования не получил, хотя с раннего детства интересовался естествознанием, собирал зоологические и ботанические коллекции. Он окончил Военно-медицинскую академию, несколько лет работал врачом. Но зоология, в частности орнитология, влекла неумолимо. Поэтому при первой возможности, откликнувшись на предложение профессора Эдуарда Брандта, вернулся в академию, стал ассистентом на кафедре зоологии и сравнительной анатомии. В тридцать лет Валентин Бианки устраивается на должность ученого-хранителя энтомологического отделения Зоологического музея Академии наук, где ему приходится исследовать насекомых, а не любимых птиц. Его труды за этот период внесли серьезный вклад в энтомологию.

Спустя восемь лет Валентина Львовича назначают заведующим орнитологическим отделением музея, на этом посту он проработал до самой своей кончины, занимаясь птицами уже всерьез и официально. Опубликовал около ста двадцати работ, не считая ряда статей в энциклопедиях и популярных журналах. Написал две монографии о птицах и стрекозах.

Валентин Львович с семьей жил на Университетской набережной, в квартирном флигеле Академии наук. Большая квартира была наполнена вольерами и клетками с птицами, аквариумами с рыбами, террариумами с черепаками, ящерицами и змеями. Не случайно жизнь троих сыновей Валентина Бианки оказалась неразрывно связана с естествознанием. Двое из них впоследствии занялись энтомологией.

Младший, Виталий Валентинович, стал писателем. У него, автора знаменитой «Лесной газеты», специального биологического образования также не было. Завершить

¹² Опубликовано на сайте: Мурманский вестник <https://www.mvestnik.ru/society/pid201007172648/>. Фотографии из этой публикации размещены и в других разделах альманаха.

учебу на естественном отделении физико-математического факультета Петроградского университета помешала война. В 1916-м Виталия призвали в армию. По окончании ускоренного курса во Владимирском военном училище был направлен в артиллерийскую бригаду. События 1917-1918 годов бросали Виталия Бианки по всей стране - от Поволжья до Алтая. За это время он успел пережить кратковременное увлечение эсерством и мобилизацию в армию Колчака, чего в дальнейшем советская власть долго не могла ему простить. Дезертировав оттуда, вынужден был жить в Бийске под чужой фамилией. Настоящую скрывал вплоть до изгнания колчаковцев. А двойная фамилия Бианки-Беляев оставалась в его паспорте до конца жизни.

В Бийске Виталий Валентинович преподавал биологию в школе, участвовал в создании краеведческого музея и работе местного общества любителей природы, публиковал в газете «Алтай» заметки о птицах. Там же познакомился со своей супругой, работавшей в той же школе учительницей французского. В 1921-м был дважды арестован ВЧК, отсидел небольшой срок в тюрьме. В следующем году, узнав, что ему грозит новый арест, уехал в Петроград.

Он мечтал окончить университет и стать биологом, но оказался в литературной среде и понял, что писательство ему ближе, чем наука. В 1925-м вновь подвергся аресту и был приговорен к трем годам ссылки. О его освобождении ходатайствовали многие, в том числе Максим Горький. Вернуться в Ленинград Виталию Бианки разрешили лишь в 1929 году. В ноябре 32-го - вновь арест, но из-за отсутствия улик вскоре освободили. В очередной раз будущий знаменитый писатель арестован в марте 35-го - как «сын личного дворянина, бывший эсер, активный участник вооруженного восстания против советской власти». Особое совещание при НКВД СССР приговорило его к пяти годам ссылки в Актюбинскую область вместе с семьей. По ходатайству жены Горького Екатерины Пешковой ссылку отменили.

Умер Виталий Валентинович в 65 лет, в последнее время тяжело болел. За свою жизнь он написал свыше трехсот рассказов, сказок, повестей. Его книги, переведенные на разные языки, изданы во многих странах мира.

Виталий Витальевич Бианки родился в 1926 году, когда отец находился под арестом. Ему в отличие от деда и отца удалось получить биологическое образование. Но детская мечта стать орнитологом осуществилась не сразу. В 1943-м был направлен в военное инженерное училище. Из армии демобилизовался только в 1950-м и лишь тогда стал студентом биофака Ленинградского университета.

В Кандалакшский заповедник впервые попал в 1951-м. Пригласила помочь в полевых работах давняя знакомая, с которой еще в двенадцатилетнем возрасте посещал юннатский кружок при Ленинградском пединституте. Потом приезжал на Белое море на практику каждое лето. Тогда же привез познакомиться с Севером и свою будущую супругу.

- С Аллой Владимировной мы знакомы с детства, - говорит Виталий Витальевич. - Скажу больше, связь эта уходит корнями еще в предыдущее поколение. Ее мать в школьные годы проводила лето в Лебяжьем под Петербургом вместе с сыновьями Бианки. Насколько знаю, к ней были неравнодушны и мой отец, и его брат.

Окончательно Виталий Витальевич перебрался в Кандалакшу в 1955-м. С тех пор и трудится в заповеднике, а Алла Владимировна многие годы работала врачом в госпитале. За пять десятилетий Бианки опубликовал около 150 работ и более 400 научно-популярных статей, посвященных экологическим вопросам. Однако многое из собранного уникального материала не увидело свет: так и хранится в полевых дневниках, черновых записях.

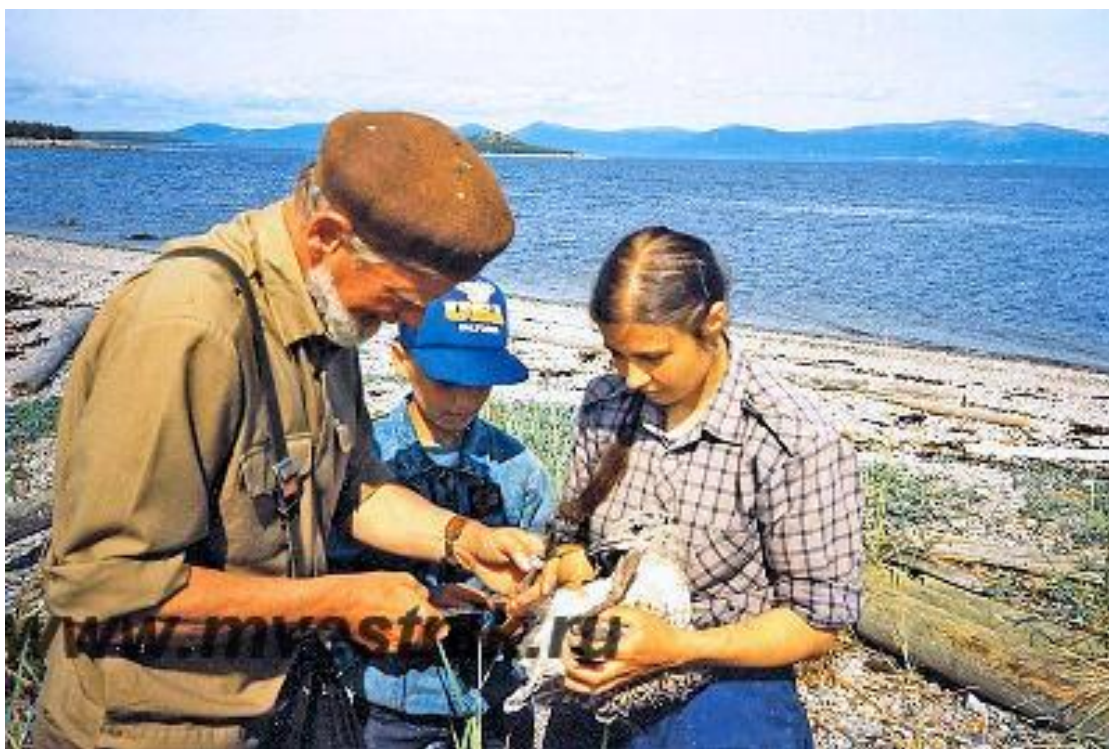
Наставника как такового у Виталия Витальевича не оказалось, о чем он очень сожалеет. Отец был хорошим охотником, много рассказывал о природе, но наукой не занимался. А в годы учебы в университете преподавали молодые доценты, опытных

профессоров после печально известной сессии ВАСХНИЛ, состоявшейся в 1948-м и объявившей генетику буржуазной лженаукой, не осталось. В результате большой кадровой чистки многие ученые-биологи были уволены или арестованы. Поэтому грызть гранит науки Виталию Бианки пришлось, как говорится, без особой учительской подсказки.

Зато сам он наставничеству уделяет очень много времени. Ежегодно летом на помощь сотрудникам заповедника приезжают юннаты, а также студенты из разных вузов страны. Некоторые из них по окончании учебы остались работать в Кандалакше: к примеру, выпускница Одесского университета Надежда Бойко или Елена Шутова, которая бывала в заповеднике еще студенткой Горьковского университета. Связал свою жизнь с Севером и Александр Корякин, приехавший сюда из Ленинграда школьником.

- Лето у нас короткое, а успеть надо многое. Когда занимаемся учетом птичьих гнезд, выстраиваемся цепочкой и прочесываем всю площадь острова, кольцевание птенцов - это тоже коллективный труд. Рабочих рук всегда не хватает. Без участия студентов-практикантов и школьников-юннатов некоторые работы нам и вовсе не удалось бы организовать, - говорит Виталий Витальевич.

И в свои 84 года он по-прежнему вместе с ребятами ездит на острова залива. Невзирая на случающиеся дождь и ветер, добирается туда на открытой палубе небольшого суденышка. Среди добровольных помощников есть и местные школьники. К слову, кандалакшских подростков привлекать к полевым работам начали еще в 30-х годах прошлого столетия.

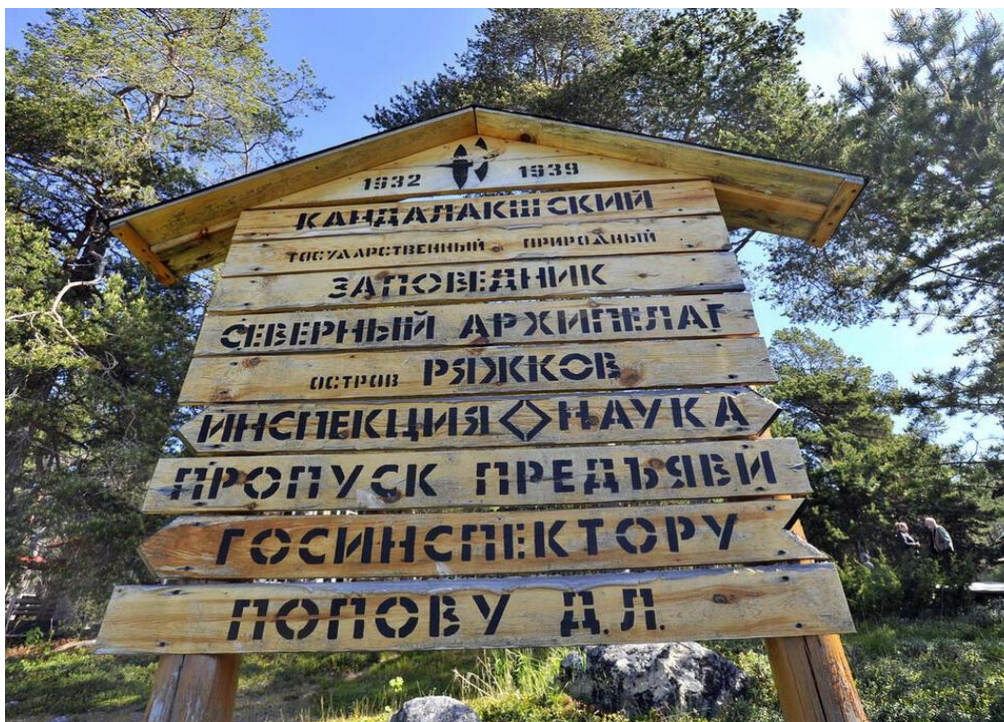
Кольцевание птиц. 2000-е? гг. Автор фото не известен.

За активное участие в воспитании подрастающего поколения и общественной жизни (его четырежды избирали депутатом городского совета), большой вклад в науку в 1992 году Виталию Витальевичу Бианки присвоено звание Почетного гражданина Кандалакши.

Каждый из династии Бианки добился в своей жизни признания. А ведь секрет успеха прост - люди занимались любимым делом, сочетая неутомимый интерес к природе с неиссякаемым трудолюбием.

КАК ПОНЯТЬ ЯЗЫК ПТИЦ¹³

Его титулы и награды можно перечислять долго. Известный российский орнитолог, заслуженный эколог, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Кандалакшского государственного заповедника. Виталий Витальевич награжден орденом Почета, является почетным гражданином Кандалакши.

На острове Ряшков. 2002 г. Фото Льва Федосеева.

- *Описать природу полностью совершенно невозможно. Тем более что мы ее всю и не видим. Звери прячутся от человека, стараются, чтобы мы их не увидели. Птицы относятся спокойней, потому что знают: человек за ними полететь не может, а они могут в любой момент взмахнуть крыльями и упорхнуть, - так говорит Виталий Витальевич своим студентам - будущим орнитологам, проходящим практику на острове Ряшков¹⁴, расположенном в Кандалакшском заливе Белого моря и являющемся одним из центров изучения пернатых, обитающих на заповедных территориях.*

«Экология куликов, чаек и чистиковых Кандалакшского залива» - так называется его первая большая научная работа, которая вышла в 1967 году. Этой же теме посвящена и кандидатская диссертация.

Рабочее место - заповедный остров

- *«Чтобы собрать подробную информацию о гнездах, росте и развитии птенцов, линьке взрослых птиц, летом необходимо было почти каждый день выезжать на лодке на разные острова. А полевой сезон в заповеднике длится с середины мая, когда море*

¹³Опубликовано на сайте: Мурманский вестник от 13.01.2021 - <https://www.mvestnik.ru/society/kak-ponyat-yazyk-ptic/> . Публикуется с небольшими сокращениями.

¹⁴ Википедия: Ряшков (Ряжков) — крупный остров в Кандалакшском заливе Белого моря. Правописание названия острова варьируется в разных источниках и у разных авторов.

освобождается ото льда, до конца сентября. Вот так большая часть лета проходила на воде при проведении различных учетов и переездах с острова на остров для проверки гнезд, кольцевания птенцов, отлова уток», - так описывает в своей статье первые годы работы Бианки его коллега Елена Шутова.

Кроме Кандалакши, он трудился и в Онежском заливе Белого моря - исследовал там колонии морских птиц. Довелось принимать активное участие и в экспедиции по проектированию заповедника «Пасвик» - самого маленького и самого молодого на Кольском полуострове.

- Виталий Витальевич обследовал фауну водоплавающих птиц долины реки Паз, - рассказала заместитель директора по научной работе «Пасвика» Наталья Поликарпова. - И тогда сделал заключение о необходимости создания здесь нового заповедника. Позже он десять лет ежегодно приезжал в заповедник, изучал экологию птиц-дуплогнезdnиков - гоголя и лутка.

И все же большую часть жизни наш юбиляр посвятил Кандалакшскому государственному заповеднику. Он опубликовал более 200 научных работ и более 180 научно-популярных статей, написал три книги. Бианки является одним из авторов изданных РАН многотомных сводок «Птицы СССР» и «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии», а также ответственным редактором Красной книги Мурманской области.

Писал он долгими зимними вечерами в тихом, теплом кабинете. Материал же для своих работ искал на птичьих островах Кандалакшского залива.

- Говоря о научной деятельности Виталия Бианки в Кандалакшском заповеднике, нельзя обойти вниманием и его огромную работу с молодежью - студентами и школьниками-юннатами, которых с первых лет своей работы в заповеднике он начал приглашать в качестве помощников на летний полевой сезон на остров Ряшков, где бесценно проработал несколько десятилетий. Вначале это были только студенты ленинградских вузов, позднее география сотрудничавших с заповедником вузов расширилась - от Калининграда до Иркутска. Юные помощники уважительно называли его Шефом. В результате через практику на острове Ряшков за годы его работы прошло около тысячи студентов и почти 2000 школьников. Для большинства из них работа, проведенная в этих летних экспедициях, стала незабываемой. Многие здесь научились трудиться всерьез, связав впоследствии свою жизнь с бережным отношением к природе, - рассказала сотрудник Кандалакшского заповедника Людмила Бей.

Свобода одиночества

На острове Ряшков находится кордон заповедника. Отсюда Бианки со своими коллегами отправлялся на моторной лодке в путь на другие многочисленные острова. Из рабочих инструментов - измерительные приборы да лестница, чтобы можно было забираться вверх, обследовать гнезда, расположенные на деревьях в дуплах или специально сделанных учеными гоголятниках. Условия жизни там, вдали от цивилизации, непростые. Но к этому ученый всегда относился спокойно - десятилетия проведены на заповедных островах.

- Здесь жизнь своеобразная, можно сказать, деревенская. Только это не деревня, не хутор, а северный остров среди моря, - рассказывал он в одном из своих интервью.

Его спросили:

- А такая жизнь - это свобода или одиночество?

- Это свобода одиночества, - ответил он.

А еще Виталий Бианки убежден и всячески это доказывает своим трудом, что человек и природа - единое целое.

- Оторваться от природы мы не можем, мы все от нее зависим и связаны с ней всеми своими деяниями. К сожалению, язык птиц мы пока еще не понимаем, но будем надеяться, что когда-нибудь научимся делать это, - убежден наш герой.

Счастливым ли он человек, даже спрашивать не надо. Его трудовая биография длиной в семьдесят лет огромна, вклад в развитие отечественной орнитологии - не измерить. Понятно, что в 95 лет уже трудно дотянуться до любимого Ряшкова, но мыслями он всегда там.

Вчера, в день юбилея, он принимал поздравления от многочисленных коллег, знакомых, единомышленников, учеников. Позвонили ему и мы, журналисты «Мурманского вестника». От имени всей редакции поздравили Виталия Витальевича с днем рождения, пожелали ему крепкого здоровья, бодрости, оптимизма и хорошего настроения.

Гоголятники. 2002 г. Фото Льва Федосеева.

Александра Горяшко

ДЕТСКИЕ И ВЗРОСЛЫЕ СКАЗКИ СЕМЬИ БИАНКИ (фрагменты)¹⁵

Отец передал Виталию не только начальные знания по орнитологии, не только бесконечное терпение и внимание ко всему живому, но и талант заражать этим интересом других. Все Бианки собирали вокруг себя интересных людей, притягивали их, а во многом,

¹⁵ Химия и жизнь, №8, 2002. - С. 34 – 39. Полный текст статьи доступен по ссылке: [file:///C:/Users/USER/Desktop/Детские%20и%20взрослые%20сказки%20семьи%20Бианки%20\(Александра%20ОГоряшко\)%20_%20Проза.py.html](file:///C:/Users/USER/Desktop/Детские%20и%20взрослые%20сказки%20семьи%20Бианки%20(Александра%20ОГоряшко)%20_%20Проза.py.html). См. также подборку материалов о Вит. Вит. Бианки: <https://alexandragor.livejournal.com/342526.html> от 14 сентября 2015 г.

видимо, и формировали. Может быть наиболее очевидно, зримо это прослеживается в деятельности Виталия Витальевича в Кандалакшском заповеднике.

Остров Ряшков – один из сотен заповедных островов. Кордон на нем – один из десятков кордонов заповедника. Но и остров, и кордон эти – совсем особые, у них свое лицо, которое ни с чем не перепутаешь. Это остров и кордон Виталия Витальевича Бианки, работающего здесь с 1955 года. Отличается кордон редкой добротностью построек, любовью даже, с которой они сделаны, и концентрацией интересных людей. Почти все нынешние научные сотрудники заповедника, начинавшие свой путь к профессии юннатами или студентами (а их около половины всего штата) прошли именно через Ряшков, а значит – через Бианки. Всего за 45 лет работы в Кандалакшском заповеднике под его руководством прошли практику более тысячи студентов и школьников. История Ряшкова, как никакого другого кордона заповедника, богата легендами, имеет свою мифологию и историографию. Для давних друзей и коллег несомненно – Ряшков сделал Бианки. Но сам он об этом не говорит, заслуг своих не признает. Ни в строительстве и порядке на острове («просто я, как человек активный, обращал на это внимание»), ни в концентрации интересных, талантливых людей. Как ему это удалось? Производил ли он сознательный направленный отбор или само его присутствие выполняло роль отбирающего фактора? Отвечая на мой вопрос о причинах притягательности заповедника для молодежи, он отвел себе последнее место (и даже на этом последнем месте укрылся за безличным «мы»): «Я думаю, что это в первую очередь - море, потому что такого моря никто больше нигде не увидит. Это и, мне кажется, очень красивые пейзажи. В какой-то степени, очевидно, и те порядки, которые мы стараемся здесь выдерживать. А мы стараемся поддерживать определенные принципы работы, отношения к людям, к природе... Это, прежде всего, отношение и к школьникам и к студентам как к взрослым людям. Меня раздражает, когда старшеклассников называют детьми. Я с этим никак не могу согласиться и думаю что это большая ошибка. Это не дети, это взрослые люди. Да, у них нет опыта, у них много чего еще нет, но это уже взрослые люди. А вообще со стороны надо смотреть, Бог его знает какие принципы. Ведь это все делаешь не потому, что это обдуманно и сформулировано, просто так получается. Все, что сейчас есть, делалось десятилетиями. А формулируют и оценивают пусть другие. Но, когда удастся что-то дать, это очень приятно. И я думаю, что, давая другому, человек получает и сам».

А еще один из его друзей вспоминает, как, незадолго перед смертью, глядя на кусочек моря, видный из окна санатория, Отец говорил: "У большой воды приходит равновесие, тут обретаешь свой ритм". Внук прожил у большой воды Белого моря всю свою жизнь ученого. «Условия работы здесь как раз соответствуют и моему желанию и, видимо, моему характеру, и стремлению так вести научную работу, как мне хотелось бы. Здесь я все полевое время - а это несколько летних месяцев - самостоятелен. Надо мной нет непосредственной руки руководства и это очень ценно. И еще - меня привлекает многолетняя стационарная работа».

Все годы работы в заповеднике Виталий Витальевич, ведущий научный сотрудник, доктор биологических наук, Заслуженный эколог Российской Федерации, работает в одном районе, на одних островах, живет в небольшой квартирке бревенчатого дома на острове. Вся его жизнь связана с исследованием птиц Мурманской области и Кольско-Беломорского региона в целом. По мнению многих зоологов, на сегодняшний день никто не знает птиц этого района так хорошо, как В.В. Бианки. Его монография «Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива» стала классической, переиздана на английском языке. Он участвовал в написании многотомных сводок «Птицы СССР», «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии», издаваемых АН России. Есть у него любимые виды – полярная

крачка, гоголь. Благодаря ежегодному кольцеванию самок и птенцов гоголя на протяжении 30 (!) с лишним лет Виталий Витальевич получил уникальный материал о династиях.

Всего Виталий Витальевич опубликовал более 150 научных работ и более 400 научно-популярных статей об охране природы, по экологическим вопросам. Но еще огромное количество уникального материала не опубликовано, хранится в его полевых дневниках, черновых записях. Все, знающие его, в один голос жалеют, что он мало пишет. Но он предпочитает полевую работу.

- Наверное, с какого-то момента Вы уже и не смогли бы вернуться к кабинетной работе?

- Не знаю, не берусь сказать. Зимой я с удовольствием сижу за письменным столом.

- Но Вы знаете, что будет лето...

- Да, я знаю, что будет лето. А вот без лета... Я никогда не был в таком положении, чего же гадать.

- Наверное, Вы счастливый человек...

- Конечно, счастливый. Я достаточно прожил так, как мне хотелось, в общем, удовлетворен тем, что мне удалось сделать, ну а разве это не счастье? Зарабатываю я на жизнь тем, что мне очень нравится, работаю с людьми, с которыми мне нравится работать, что же еще лучше может быть? Боже мой, конечно!

Виталий Витальевич Бианки

ИСТОРИЯ ОСТРОВА РЯШКОВ¹⁶

1 июля 2002 года, о. Ряшков.

Рассказ Виталия Витальевича Бианки, ведущего научного сотрудника Кандалакшского заповедника, для юннатов и руководителей ЛЭМБ, Санкт-петербургской группы под рук. Е.А. Нинбурга, В.М. Хайтова и А.В. Полоскина.¹⁷

Приезжающие на наш Ряшков бывшие юннаты, студенты, говорят, что надо написать историю Ряшкова. Естественно, что каждый подразумевает под этим что-то свое... Я попытаюсь сейчас ответить на те вопросы, которые в какой-то мере по моей просьбе написала Лена Лебедева, и под которыми подписались ваши руководители. И первый из этих вопросов, – **что же здесь было до того, как был организован Кандалакшский охотничий гагачий заповедник.**

А я не знаю, что тут было, на Ряшкове. Может быть, не было и ничего. Когда-то поморы ставили на селедку сетки, ловили ее осенью, и все. В северной губе, как мне представляется, – документов я не видел, – кордон (место жительства охраны) был поставлен в 1939-1940 году. Сейчас его там нет, – была потребность в небольшом доме в Кандалакше, и его перенесли в Кандалакшу. Довольно долго сохранялась банька, сейчас и баньки нет, не знаю, есть ли там ее следы. Первоначально охрана заповедника жила в рыбацких избушках. Рыбацкие избушки были на Лодейном, и сейчас там можно увидеть основу старой, рыбацкой, по всей видимости, избушки. Такие же избушки были на

¹⁶ Территория острова включена в Кандалакшский государственный природный заповедник. В южной части острова на берегу небольшого залива расположен самый старый кордон заповедника, построенный в начале 50-х годов. Несколько домов, баня, кухня, причал и ряд хозяйственных пристроек используются работниками кордона и частыми экспедициями. Здесь же размещена центральная научная база Кандалакшского природного заповедника.

¹⁷ Расшифровка с видеозаписи сделана Е.А. Лебедевой-Хоофт (ЛЛХ) в январе-феврале 2003 года. Оригинал текста в блоге Е.А. Лебедевой-Хоофт: <http://lenaswan.livejournal.com/1010366.html> и <http://lenaswan.livejournal.com/1010629.html>

Большом Медвежьем и Большом Ломнишном. Во всяком случае, есть упоминания о том, что был проведен их капитальный ремонт, и они приобрели тот вид, который имеют сейчас. Там настелили пол, наверное, сделали пристройку, небольшую кухню, может быть сделали крышу. Потому что в старых избушках как таковых крыш не делали, а крышей служили настланные наверху деревянные плахи, бывшие и потолком и крышей. Здесь на Ряшкове, по всей видимости, ничего не было... Почему думаю, что осенью ловили селедку в сети? В 1950-х годах, когда жизнь после войны еще только налаживалась, сюда заезжали по просьбе администрации района и с разрешения заповедника колхозные рыбаки, пытались здесь ловить селедку, ставили сети. Но при мне ничего не поймали. В Северной губе треска попадалась и попадает сравнительно неплохо... Но треска никогда не была здесь чем-то промысловым. Из промысловых рыб были только селедка беломорская и семга, а остальное так, для себя, для ухи – и не больше того...

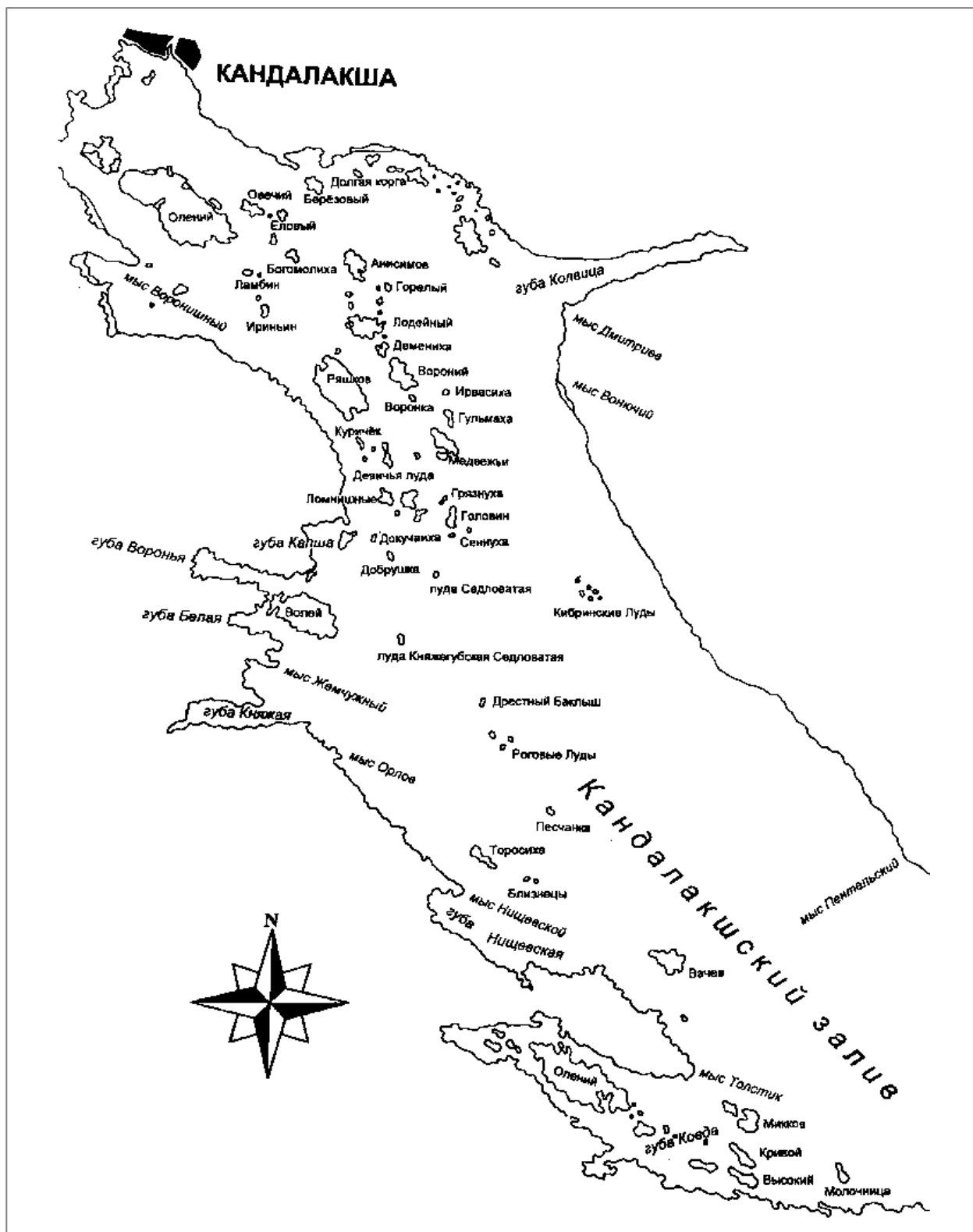
После того, как заповедник стал государственным (а не ведомственным), и в нем появилась научная часть, произошло это, если не ошибаюсь, в 1938 году. А раз появился научный отдел, то появился руководитель отдела, и пригласили на эту должность аспиранта МГУ, который делал диплом и значительную часть своей кандидатской работы на Мурмане, на островах... Это был Владимир Михайлович Модестов, близкий друг Юрия Михайловича Кафтановского, вместе они работали на Мурмане... Как потом мне говорили в Москве будто бы было не два друга, а три, и третьим был К.Н. Благосклонов, все эти три друга были орнитологами... Имена их хорошо известны не только у нас в стране. В.М. Модестов стал организовывать научную работу, надо было помещение для того, чтобы где-то жили научные сотрудники. Одновременно с этим на Киндо-мысе, недалеко от станции Пояконда организовывалась Беломорская биологическая станция кафедры зоологии беспозвоночных МГУ.

Организуя возможности научной работы, составляя планы научной работы, было начато строительство домов-лабораторий – на о. Великом в губе Лобаниха и на о. Лодейном. Весной 1941 года дом на Лодейном был доведен до такого состояния, что в него смогла переселиться единственный тогда научный сотрудник заповедника Наталья Владимировна Миронова, и В.М. Модестов с супругой Н.Д. Соколовой, и те студенты, которых пригласили помогать в работе. Этот дом пережил на Лодейном войну (заповедник во время войны не закрывался, хотя был в прифронтовой полосе), хотя там никто не жил, научные сотрудники все разъехались – они были из Ленинграда и из Москвы. Охрана заповедника тогда сохранялась, конечно, она была мало действенной... Семь островов вообще были законсервированы, никого из сотрудников там не оставалось, там базировалась воинская часть, а заповедник был восстановлен в 1946-1947 году.

После войны заповедник уже в 1945 году стал проявлять активность. Миронова, тогда аспирантка ЗИН в Ленинграде, хотела продолжить работу по гаге, начатую еще в 1941-1942 гг. Она приехала в 1945-м, потом в 1946-м, убедилась, что условия очень сильно изменились. Если до войны ей в работе помогали мужчины (студент Протопопов) и наблюдатели, а работников охраны всех в Советском Союзе тогда называли наблюдателями, то после войны помогать ей было некому, а поскольку сроки аспирантуры строгие, в три года надо было уж если не защититься, то обязательно собрать материал, она была вынуждена оставить свою золотую мечту работать здесь... В то же время профессор Л.А. Зенкевич из МГУ хотел проводить студенческую практику на Белом море... Белое море вообще наиболее достижимое из наших «настоящих» морей... Белое море – самое морское и наиболее достижимое. А станции московской на Киндо-мысе еще организовано не было, и приглашать туда студентов и проводить там занятия было нельзя... Поэтому Московский университет заключил договор с Кандалакшским заповедником, и

студенты приезжали туда. Уже в 1946-м году база была на Лодейном, на практику приезжали туда...

Карта Кандалакшского залива¹⁸

¹⁸ Карта опубликована в книге Вит. Вит. Бианки «Первопроходцы Кандалакшского заповедника».

Из тех студентов, которые тогда приезжали как зоологи-беспозвоночники (практикой по зоологии беспозвоночных руководила В.И. Броцкая, а орнитологией – К.Н. Благосклонов) вышло много и давно уже хорошо известных исследователей-зоологов. Но в то же время, очевидно в 1946-47 годах решили, что использовать остров Лодейный как базу для практики студентов и проживания своих сотрудников нерационально. Слишком биологически интересный остров, слишком он хорош, жалко его портить... На острове в 100 га, из которых значительная площадь – водоемы, болота, то 10-20 и больше человек окажут такое отрицательное влияние, что биоценозы там будут нарушены. И дом-лабораторию (построенную рядом с тем домиком, который и сейчас есть на Лодейном) было решено перенести на Ряшков. Его там разобрали, сбросили на море, притащили – как вчера вы притащили дрова, вытащили также, – и собрали вот этот дом на Ряшкове. Он был чуть-чуть другим, не было окна большого. Конечно, переделки небольшие потом были сделаны.... Судя по всему, он был здесь поставлен в 1950-51 году (документов я пока не видел).

Дом, который называется Белым, видимо, в то время уже существовал. В 1951 году в том доме жила семья наблюдателей (а жили тогда семейно, с женами, с детьми) и гидробиолог Е.П. Дорош со своими помощниками, – а помощниками тогда были школьники старших классов Кандалакши. Очень часто среди этих школьников были дети работников заповедника. С тех пор эти два дома совершенствовались и приобрели тот вид, в каком они сейчас находятся.

В 1952 году сюда на Ряшков приезжал Павел Николаевич Митрофанов, сын известного зоолога-фотографа Николая Дмитриевича Митрофанова, который много очень сделал, начиная со второго десятилетия 20 века, как фотограф животных. Павел Николаевич тогда увлекался гидробиологией. Дома у него было несколько аквариумов, террариумов, и держал он много всякой живности, – несмотря на то, что комнатка у него была очень маленькая. Павлу Николаевичу здесь понравилось, он тогда в 1952-м году работал во Дворце (тогда пионеров), и в 1953 году он привез сюда группу своих юннатов. И началась эта юннатская эпопея. В течение скольких лет он сюда приезжал, я не помню. Документы все, как сказал мне этой весной П.Н. Митрофанов, у Евгения Александровича Нинбурга, надеюсь, что Е.А. Нинбург напишет по документам или наговорит историю этой первой юннатской экспедиции. Е.А. Нинбург считает себя последователем этой экспедиции. Между их приездами был какой-то перерыв. П.Н. Митрофанов точно был в 1957-м, может и позже, а Е.А. Нинбург с 1964-го, т.е. был промежуток... Надо смотреть по документам, поскольку годы в памяти не сохранились.

Один из вопросов, написанных Леной – **как собирался, и собирался ли вообще гагачий пух на островах**. Он собирался. Перед войной в 1941 году его еще и В.М. Модестов собирал. А вспомнил я об этом потому, что в сборке пуха (одновременно и в учете гнезд) на островах тогда участвовали практически все работники заповедника, включая директора, в конторе оставались только секретарь и бухгалтер (он был инвалид войны, обе ноги у него были на протезах). А все остальные участвовали. Кроме того, поскольку работников было немного, набирали школьников из Кандалакши – ребят и девчат старших классов.

Перевозили их на катере «Дозорный», естественно, что население часто называло его «Позорный»... В конце концов, этот катер затонул на берегах Колвицкой губы, темной ночью осенью наскочил на корягу, затонул, найти его там не удалось... Куда девали пух тогда – естественно собирали, его приходилось дустировать (избавляться от блох), его надо было просушить, потом его немножко чистили на крупноячеистой сетке, а потом отправляли либо на пухо-перовую фабрику, либо туда, куда предписывалось из Москвы руководству заповедника. Естественно, что помощники нужны были не только во время сборки пуха, не только на лесных островах, – на лудах, правда, большого числа

помощников не требуется. Поэтому Зинаида Михайловна Баранова (орнитолог заповедника, приехала после работы в Черноморском заповеднике, а вообще она из Нижнего Новгорода) работала или с кем-нибудь из детей работников заповедника, или брала кого-то из старшеклассников Кандалакши. В виде исключения приезжали студенты, но именно в виде исключения. Скажем, в 1951 году приезжала московская девушка, к сожалению, не помню ее фамилию. Пока З.М. Баранова работала по экологии гаги – она с этим очень хорошо справилась, она собрала обширный материал, он опубликован в 3-м выпуске трудов заповедника.

Следующим вопросом надо было выяснить экологию (тогда называли «условия жизни») других массовых птиц – ржанкообразных – куликов, чаек и чистиковых, в массе гнездящихся на островах и лудах заповедника. А вид-то не один, только куликов минимум два вида (кулик-сорока, камнешарка), серебристая чайка (тогда с ней велась не то чтобы отчаянная, но все же борьба, – поскольку в задачи заповедника входило не только сохранение природы, но, в первую очередь даже, увеличение численности наиболее ценных видов животных и растений; а серебристые чайки успешно ловят птенцов гаги, так что вид этот считался вредным хищником, и ее кладки и птенцов старались уничтожить). Такое же отношение было к серой вороне. Такое же отношение было к орлану-белохвосту, над которым мы теперь трясемся, вид внесен в Красную книгу, осталось их мало не только в заповеднике, не только на Белом море, но и вообще на Земном шаре. А тогда он считался вредителем, его старались уничтожить. Ту пару, которая пыталась гнездиться, на о. Вороний, его старались уничтожить, гнездиться им не удавалось. У меня сохранилась фотография, на которой мальчонка держит двух оперяющихся птенцов орлана... Так вот, количество видов увеличилось, а материал надо было собирать.

Кроме того, был и специальный, свой интерес, а не только то, что утверждено было по официальному плану. И когда я здесь появился, в 1951-м году, я уже зимой того же года обратился к знакомому преподавателю института им. Покровского с просьбой прислать студентов, и он прислал мне трех девчат: Гольневу, Багнюк и... не помню. Жили они здесь в доме, работали на Девичке. Когда я приехал, мне дали небольшую деревянную лодочку с приспособленным стационарным мотором, маленький моторчик был Л-3, его можно было очень просто разобрать (совсем!) и собрать на воде, не то что нынешний... Вот, эти девчата работали у меня на Девичке – кто по чайкам, кто по куликам, работали достаточно успешно, хотя и были некоторые недоразумения. Скажем, здесь был сделан маленький загончик из рыбацкой сетки. Гольнева должна была выращивать в нем птенцов чаек. А на острове тогда свободно паслись овцы (наблюдательские), свободно ходили, и вот эти овцы обсосали крылышки у чайчат... Не все, конечно, шло гладко. Но, в общем, девчата очень хорошо помогали собирать материал: утром на Девичку, к вечеру оттуда сюда...

Но пух-то собирать надо было с кем-то. И попросилась как-то сюда на остров в заповедник Директор Дома пионеров – такая Галина Харитоновна Зернюк. Приехала со своими ребятами – они у меня лето здесь поработали, занимались главным образом кольцеванием и учетом морских птиц... И для того, и для другого очень хорошо подходят небольшие группы помощников, которые таким образом и возникли...

Да, надо сказать о некоторых делах, которыми занимался П.Н. Митрофанов со своими юннатами. Они закартировали растительность на Поперечных лудах, эти карты сохранились, и никто с тех пор, т.е. с конца 50-х годов этого больше не делал... Представляете, как интересно было бы сейчас закартировать и сравнить... Если не ошибаюсь, было снято и озеро наше (Ряшковское).

С Девичкой была проблема у меня довольно долгие годы. Это сейчас нам очень просто протянуть руку и взять с полки или из шкафа (на худой конец из библиотеки) лоцию Белого моря, и все что надо оттуда вычитать. Или взять карту, посмотреть... В те годы ничего

у нас такого не было, а работали мы так, что вот что видим – то и видим. Я говорил уже, что Лодейный освободили от постоянного присутствия там людей потому, что он очень интересен биологически. Вот также биологически очень интересна и Девичья Луда. Сейчас она очень изменила свой облик. Леса тогда ни в северной, ни в центральной части не было, а было несколько небольших молодых сосен, да еще кое-где разбросаны небольшие сосенки, а в основном вороничник, в основном луга. Гнездились там около 250 пар полярных крачек, постепенно увеличивалась число сизых, численность которых дошла до 200, серебристых было мало, их старались всячески уничтожить, чистиков 2-3 пары, куликов-сорок несколько десятков, камнешарок десятка полтора, ну и гаги гнезд 50.

Поскольку на Девичьей Луде шла основная работа по экологии этих массовых видов птиц, то естественно очень хотелось, чтобы гнезда там были закартированы. Не просто учтены, а закартированы. Но луда-то большая, 12.5 га. Поэтому очень хотелось, чтобы луда была «расчерчена» на квадраты... Первую такую простую карту сделала студентка Псковского института. Потом уже, позже, когда проводилось у нас очередное лесоустройство, удалось упробить лесоустроителей и они разбили Девичью луду на сетку квадратов 50х50 метров. Сейчас от нее, конечно, мало что осталось. При желании, конечно, восстановить это можно, была бы такая возможность.

В начале 1960-х годов, точно не помню когда, может в 1960-м, может в 1962-м, каким-то образом к нам приехала туристская группа из Москвы под руководством Марии Алексеевны Леоновой. Со старшими школьниками и с помощницей Л.Г.???. Потом эта группа (позднее под руководством Лидии Григорьевны) приезжала много лет – главным образом на сборку пуха, и естественно использовали их для кольцевания птиц. Кольцевали главным образом птенцов куликов и чаек, надо было ходить и высматривать – для этого нужны были и глаза, и ноги, и руки... Количество студентов постепенно росло. Росло главным образом за счет студентов педагогических институтов. Потому что студенты университетов тогда (а может и сейчас так) использовались своими же преподавателями... Приезжали к нам и студенты из университетов, но их было значительно меньше. Кроме того, в пединститутах были хорошо знакомые мне преподаватели. В Питере – в Институте Герцена – работала Елена Владимировна Покровская, и она готовила и отбирала студентов для Ряшкова. В Пскове не то чтобы очень готовил, но во всяком случае отбирал студентов Михаил Михайлович Мешков, потом его преемница Л.П. Урядова. В Курске был Виктор Васильевич Макаров... То есть были знакомые преподаватели, которые помогали и готовить студентов. Студенты приезжали только на практику (после 3-4 курса), собирали материал для курсовых и дипломной работы.

Уже в 56-м году осенью после окончания всех практик во время своего отпуска приехала сюда Таня Блюменталь, сейчас и известный орнитолог и, по моему, очень известный работник зоологического музея Питера... На следующий год в 1957, а потом в 1958 здесь работала группа студентов Ленинградского университета. Зимин Володя, Люлеева (тогда Бегжанова, она попросилась со мной приехать сюда, когда еще студенткой была) – фамилии вам мало что скажут.

Количество студентов постепенно росло. Е.А. Нинбург тогда был молодым и зеленым, сам учился и руководить, и работать с юннатами, слава богу, опыт беломорский тогда у него уже был. Как видите, все это было успешным, и Евгений Александрович Нинбург передал уже руководство своим преемникам, которым, с одной стороны, намного легче работать, с другой стороны, я думаю, что уровень вашей работы сейчас намного выше. Хотя и тогда, проработав несколько лет здесь, Евгений Александрович Нинбург стал публиковать в научных изданиях собранный здесь материал. Вот такая потихоньку складывалась ситуация.

Когда набралось много студентов, появилась проблема, чем же их занимать. Выручили наблюдения за поведением – в первую очередь гаг. Для суточных наблюдений надо человека 3-4, чтобы сутками наблюдать за выводками. Таких материалов собрано очень много, к сожалению, большая часть их не опубликована и лежит, сказал бы – мертвым грузом, в заповеднике. Нашелся бы человек, – можно было бы опубликовать.

О вертолетной площадке...

Авиация, предположительно должна была использоваться для тушения пожаров и для заброски наших сотрудников на острова. В частности, на Ряшков весной приезжала Надежда Степановна, иногда ее доставляли по воздуху. Так что было время, когда вертолеты использовались, могли здесь садиться. Использовали также вертолеты и самолеты для учетов морских зверей, и не только морских. С вертолетов и самолетов учитывали и по всему Белому морю, по Мурману. Было такое время, когда Главк выделял средства для этих учетов. Много летали здесь. У военных был керосин, и были средства, у лесхозов были средства. В общем, авиация использовалась.

Был коротенький период в 1960-х годах, когда администрация заповедника для налаживания работы на островах Мурмана приобрела судно. Называлось оно «Солнцево». Теперь его давно нет, теперь ***есть «Кречет».*** И, ***кроме того, есть ваши собственные лодки,*** на которых вам, гидробиологам, приходится работать. И без лодок вы бы работать и не смогли. Особенно В.М. Хайтов – сублиторальщик... А вообще вся жизнь здесь, как вы убедились на своем опыте, связана с переездами с острова на остров на моторных лодках... Появились лодки в 1940-х годах, сначала они были 3-сильные, а позже появились 10-сильные, 30-сильные. И если от Кандалакши до Ряшкова раньше ездили за 1-50, то сейчас это можно сделать (если мотор хорошо работает и в лодке не больше трех человек), то минут за тридцать. А вообще наука начиналась здесь на веслах. И лесники на веслах работали, и я начинал. Можно было догрести до Ряшкова, а потом не знаешь, как руки распрямить. Другие были условия. Е.А. Нинбург, по-моему, уже показывал площадку, где готовили завтраки, обеды и ужины...

А как-то весной было время, и возникла идея построить ***место для кухни...*** Навес, стол, печку сделали... Вы ее, кажется, «летней кухней» называете. Существует она, как мне помнится с конца 1950-х годов (***Евгений Александрович Нинбург:*** в 1965-1967 ее еще не было). В общем, вспомнить вряд ли сможем, и вряд ли есть где в документах (***Евгений Александрович Нинбург:*** в бортжурналах наших есть). Во всяком случае, хоть и сделана неумелыми руками, но до сих пор она существует. Каждую осень говорят, что она развалится и крыша не выдержит, но она выдерживает, и каждое лето служит и вашим предшественникам и вам....

Кстати, ситуация такая, и вы о ней наверное знаете, что те дрова, которые вы заготавливаете, тоже используются всеми. Ведь в июне, когда птицы гнездятся, дрова заготавливать нельзя. Можно этим заниматься только в августе, в сентябре, но в сентябре некому. Так что большое спасибо вам, за то, что Ряшков живет с дровами. Очень здорово в этот год летом топить баню, потому что в прошлом году вы их привезли, ДН их вытащил, Владимир Дмитриевич их распилил, сложил... В общем, большинство таких хозяйственных дел делается руками школьников, студентов и сотрудников, и главным образом юннатом...

Другие здания на кордоне.

Тот дом, в котором живет Дмитрий Леонидович, – на нем есть дата, кажется 1977 год. Как он строился, сейчас представить трудно. Тот директор, который тогда был, когда он решил построить дом для работников охраны, – он считал, что дом должен быть кирпичным, чтобы не сгорел. А кирпич надо было сначала в Кандалакше погрузить, а потом здесь разгрузить, а причала не было. Так что надо было разгружать на берег, а потом носить. Я своими глазами не видел, но слышал, что население вот этого дома [Желтый

дом], когда подходило судно, выскакивало из дома и быстро убегало в лес... Для того, чтобы не заниматься разгрузкой этих кирпичей. И в итоге все равно занимались. В общем, деваться было некуда. Так или иначе, дом был построен, в нем достаточно толстые стены, потому что думали о строительстве второго этажа, но пока этого не потребовалось. Дмитрий Леонидович обжил дом уже достаточно хорошо, половина его служит для приезжих.

А здесь [Желтый дом] – науке было тесно, донельзя тесно. Не только тогда, когда – как кто-то посчитал, – население до 70 человек доходило. Представляете, как здесь спали (может, по очереди, или под столом). А работала здесь московская группа почвенных зоологов, руководила ею Юлия Борисовна Бызова, работали они в течение ряда лет. Ю.Б. Бызова привозила разных специалистов, которые нужны были ее группе по той или иной группе животных. И работать было, в общем-то, негде. Работали они не так как вы (под тучками, под солнышком): по-моему, на всех окнах стояли эклекторы, там выгонялись всякие твари, которые боятся тепла, света и сухости. В общем, было очень трудное положение. И возникла мысль взять и построить легонький домик для того, чтобы группа Юлии Борисовны могла где-то и жить, и работать. И таким образом за 3 года был возведен, – каким его видите, – так называемый Голубой Дом.

Строили его совсем не специалисты. Сергей Шувалов (*ЕЛ: Граф*) был студентом – филологом, Володя Карпов (*ЕЛ: Шабашка*) биохимик, и Сергей Киселев (*ЕЛ: Куса*) – бывший юннат Валь Ивановны, биофизик. Специальности у них были далекие. Руководил этой стройкой Василий Иванович Возчиков, наш наблюдатель-лесник, который жил на Анисимове. Кажется раз в неделю я привозил его на час-два на Ряшков, он ходил с топориком по стройке, где-то подправлял, говорил, что и как сделать надо, и уезжал, потом опять приезжал через неделю... Вот таким образом за три года был возведен этот летний домик. Но в конце понадобилось довести его до окончательного состояния, пришлось пригласить двух профессионалов, которые недели за 2 поставили рамы, отчистили его... Так был сооружен этот дом.

Сейчас я бы сказал, что очень надо в первую очередь перестроить вашу кормокухню, которую официально надо бы назвать «пищеблоком». Директор этой задачей мучается уже около 5 лет, но пока осуществить это никак не удастся – надо обеспечить это и материалом, и плотников найти, которые согласились бы это сделать за возможную для заповедника умеренную плату – пока не удастся. Если думать о будущем Ряшкова, а такой вопрос на бумажке с вопросами есть, то, наверное, надо думать о замене этого дома, конечно же, домом современным. Естественно, двухэтажным. Но думать можно о многом, а предполагать, что это можно будет осуществить в обозримом будущем – вряд ли. Жить приходится реальностью. По крайней мере, у заповедника вряд ли будут деньги в ближайшие пять лет...

Но эта база как была первоначально, так и остается, и, думаю, и останется первой научной базой заповедника. Потому что другие базы – на острове Великом, в Порьей губе, уж не говоря о Мурмане – они далеко, и добираться туда очень трудно, долго и дорого. Людей в заповеднике всегда бывало много. Специалистов было много. Были тут и чудачки, которые хотели посмотреть и заповедник, и острова. А какой в будущем будет коллектив, какие будут проводиться здесь работы – я сейчас предполагать не берусь, ответить на это, наверное, просто невозможно. По крайней мере, сейчас ситуация сложная.

Кандалакша город маленький, жилья в нем мало, заповедник сам не строит. Так что приглашать заповеднику людей некуда. А молодые специалисты, как правило, не имеют возможности купить здесь квартиру. Нынешний коллектив, как вы видите, весьма немолодой, и обновить его сейчас очень трудно. Так что стоит вопрос такой, что надо выращивать в Кандалакше своих сотрудников. Для этого надо, чтобы в Кандалакше была

своя группа, свой юннатский коллектив, чтобы потом вырастить сотрудников, способствовать их обучению в ВУЗах. Так вот, сейчас, спасибо, появилась у нас местная сотрудница-ботаник. Не исключено, что в ближайшие годы может появиться еще кто-то. А ведь кроме этих островов, кроме Кандалакшских шхер, кроме Порьей губы и острова Великого, в заповедник входят три группы островов на Мурмане. С ними и в советское время было трудно справляться, теперь и подавно.

Когда появилось электричество?

Электростанция маленькая (на 1 кВт) в небольшом сараюшечке появилась в 1970-х. Был симпатичный лесотехник, который иногда ее заводил. Потом он, к сожалению ушел. Потом постепенно, я деталей этого не помню, электростанция увеличилась. И для электростанции построили то помещение, в котором она находится. А потом в какой-то момент пришлось науке взять ее в свои руки, поскольку охране она была не нужна... И свет то был, то не был...

Но и теперь со светом совсем не просто. Мощность этой станции настолько велика, что мы ее всю не используем, сюда можно привезти еще сколько угодно электроприборов. В этом году станция капитально отремонтирована (а ее возраст 10 лет). В последние годы мы имеем на острове электрика-дизелиста, Владимира Дмитриевича, так что есть надежда, что со светом будем каждым годом все лучше, лучше и лучше. Да и в этом году, если бы не капитальный ремонт, то станция работала бы с начала или с середины июня, но практически только недавно начала работать, в августе. Все то электрооборудование, которое в последние годы появилось, обеспечено Владимиром Дмитриевичем. Спасибо ему великое. Во всяком случае, горючим дизель обеспечен, и работать когда надо будет. И электричество может быть тогда, когда надо. Не по часам, а когда надо. Так что в августе, в темные вечера, свет будет ежедневно до 11 часов, а сейчас стараемся давать свет тогда, когда это вам нужно, для ваших разборок, и когда солнышка нет или когда дождик мешает... Чтобы вы могли работать, потому что заповеднику ваша работа очень нужна. Я не останавливаюсь на значении вашей работы для заповедника, потому что ваши руководители это могут сделать гораздо лучше меня. По крайней мере, наши гидробиологи в одиночку справиться бы не могли. Это все-таки был один человек, во-вторых, это была женщина, а работа гидробиолога тяжелая, достаточного обеспечения у нее никогда не было... По литорали прекрасную работу сделала Е.П. Дорош, – что за население литорали, и т.п. И было написано, что увеличение численности гаги не может лимитироваться кормовой базой. Все наши птички, – а Кандалакшский заповедник считался и по-прежнему считается птичьим заповедником, – они питаются вашими объектами. И поэтому знания ваших объектов очень нужны, крайне необходимы и нужны в намного большем объеме, чем вы можете это дать, потому что методики ваши страшно трудоемки.

Вот сейчас между Девичкой – Поперечкой - Ломнишными Ирина Харитонова учла одновременно более 6000 гоголей. Она называет это «супом». Так они же должны что-то есть. Так какую же долю ваших объектов (моллюсков и прочих беспозвоночных) они выедают, – а питаются они донной фауной? Евгений Александрович Нинбург еще в старые годы начал картирование литорали. И какое бы примитивное оно не было, но все же это был и есть большой шаг вперед. Мы хоть имеем какое-то представление о том, что под водой делается – не на всей площади, но на значительной части.

ЛЛХ: *Анналы* Ряшкова – студенческие хроники – ведутся с 1975 года. Было ли что-то «до»? Права ли я, что «Анналы Ряшкова» – это развивалось параллельно с Вами, то, в чем Вы не участвовали, хотя, несомненно, в них отражены... Как Вы к ним относитесь?

Я отношусь к населению этого дома как к взрослым и нужным головам и рукам, нужным заповеднику. Мое дело, я считаю, чтобы население этого дома (не только этого, но и того – Голубого дома), жило здесь так, как должно жить не маленьким. Понимая, что

не природа для нас существует, а мы для нее. Чтобы наше пребывание здесь практически не сказывалось ни на растительности, ни на животных острова и прибрежной части моря. Вот это, я считаю, моя задача, к сожалению. Вторая моя задача, я считаю, в том, чтобы население этих домов «лило воду на мельницу заповедника». И на свою, естественно, но и на мельницу заповедника – обязательно. Для обеспечения этого, я считаю, что нужен определенный распорядок дня. Так скажем, в 9 часов (не нами определено, администрацией заповедника) идет связь по радию, после нее официально начинается активная рабочая жизнь. Чтобы хорошо работать, надо отдыхать. В середине дня отдыхать вам, по-моему, не удастся. Ну, хоть спать-то вы должны? И не только вы – все должны. Поэтому, чтобы можно было отдыхать, после 11 часов вечера никакого шума не должно быть. Естественно, никуда я не приду смотреть, спите вы, или не спите. Естественно, спите вы или не спите – это дело ваше. Главное, чтобы вы не мешали другим. А чем вы занимаетесь в свободное время – это ваше дело. И когда у вас есть желание что-то писать, пишете, это дело ваше. Но я в этом не участвую. И никаких анналов никогда не писал, и никогда не читал.

Надежда Степановна Бойко: А я читаю, само собой, особенно то, что написало про меня или про шефа.

ЛЛХ: Когда возникла идея с мостками и когда избавились от коров, овец, лошадей...

Лошади здесь были банковские. Было время, когда основной транспорт в Кандалакше был лошадиный (а не колесный), государственный банк имел лошадей, у банка были три лошади, которых на лето вывозили сюда отъедаться, а зимой их эксплуатировали. Это было очень давно, в конце 1950-х, и само собой прекратилось. Когда здесь недолго жил В.И. Возчиков с семьей, они держали корову. Потому что зарплата наблюдателя (лесника, инспектора) была мизерная, особенно раньше, и молоко было подспорьем. Она жила в огороженном месте, возил он ее в лодке деревянной. И что-то в этом роде было с овцами, я о них не помню (Н.С. Бойко помнит, что население вывозило на Олений, Овечий и др. – население вывозило, примерно до 1967 года). Потом перестали вывозить, потому что сами же местные жители «начали на них охоту». /Подробнее об истории кандалакшских овец можно [прочитать тут](#)>> А. Горяшко/. А потом, когда ближайшие к Кандалакше острова стали заповедными, постепенно выпас совсем запретили. Заповедный режим все время ужесточался.

Мостки вначале появились между нашими домами, – чтобы можно было ходить в тапочках. Стало все зарастать, – насколько заросло – вы видите, можно по сосенкам посчитать. А дальше мостки были крайне нужны для того, чтобы возить воду. Ручей ведь за полкилометра. Представляете, сколько нужно сил, чтобы на ваши две группы наносить воду. Сначала была лодочка, воду для групп возили на лодке. Но погода не всегда благоприятствовала, а потом надо было бидоны таскать, из лодки, в лодку, доставлять сюда. Для того чтобы решить эту проблему – добились, чтобы появилась эта тележка, и удалось провести мостки до ручья. Все это делалось, естественно, не быстро. Очень здорово подтолкнул строительство мостков от бани до ручья Александр Агапов. Была альпинистская группа, которая на Мурмане занималась кольцеванием кайр и моевок на птичьих базарах. Они на сколько-то приехали на Ряшков и занимались здесь строительством мостков. И еще был один родитель-актер, который тоже строил и капитально ремонтировал мостки года два.

ЛЛХ: В 1951-м году вы первый раз ходили по Ряшкову, а недавно опять прошли через остров в этом году. Что бросается в глаза, что изменилось за 50 лет?

Если не ошибаюсь, в 1927 году Ряшков последний раз горел, в том числе в Южной губе. За 50 лет видно, как вырос лес. Конечно, он будет еще расти, биоценозы будут меняться. Считается, что процесс не очень долгий, лет 120-150. А 50 лет назад можно было

смотреть через вершинки сосен, тогда как сейчас удобнее смотреть под соснами. А лесные ценозы в целом, практически полностью сохранились. То есть ряшковское население, как я считаю, не изменило леса, все удалось сохранить. Конечно, у домов не только мостки, но и н-ное количество тропок, но в общем удастся сохранять. И в этом большая заслуга всех приезжих, кто здесь живет и работает.

ЛЛХ: Из всех людей, кто здесь бывал, о ком Вы жалеете, что здесь не остались. Кто мог бы работать, но уехал куда-то еще?

Здесь много было хороших людей и хороших специалистов. Или кто стал хорошим специалистом. Скажем, начинал я здесь работать с С.Г. Приклонским, который потом уехал в Окский заповедник. В конце 1950-1960-х годов здесь подобралась примерно одновозрастная команда: вернулась Т. Герасимова, которая аспиранткой работала на Мурмане, на Айновы острова приехала Н.Н. Скокова – очень энергичная и знающая специалист-орнитолог. В течение ряда лет работала териолог (предшественница Н.С. Бойко) Татьяна Васильевна Кошкина. Она в заповеднике совсем мало работала, предпочитала работать на Кольском, более широко. Были Макаров, Флеров. Был одновозрастный коллектив научных сотрудников, и работать было легко. Была еще паразитолог Кулачкова, она была зам. по НИР, выяснила паразитологию гаги. Потом тоже мелькали многие интересные люди, обо всех не вспомнишь. Даже кратко рассказывать биографии...

Евгений Александрович Нинбург: Другой вопрос, наверное, личного характера. Как ты оказался на Ряшкове? Ведь это не в традициях орнитологов нашего университета?

ЛЛХ: И вдвойне удивительно для Вашей семьи...

Когда я кончал учиться на 1-м курсе биофака, моя старшая знакомая по юннатскому кружку В.Г. Кулачкова (она была здесь аспиранткой и собирала здесь материал) – ей нужен был охотник, надо было добыть какое-то количество гаг. И она пригласила меня. И лето после 1-го курса я провел здесь, занимался в основном фаунистикой. После 2-го курса никого из нас никуда не отпустили, все мы были вынуждены ехать на практику (а в общем, я очень благодарен, что меня не отпустили), после 3-го и 4-го курсов опять приезжал сюда, мне здесь было интересно. Когда я кончал университет, то из заповедника была заявка на направление меня сюда, так я сюда и попал. А на все приглашения в другие места отвечал отказом. А куда приглашали? Как-то приглашали в Польшу читать лекции, как-то приглашали в Псковский пединститут, как-то приглашали в ЗИН в Питере... Может быть еще куда-нибудь приглашали. Но, по-моему, здесь очень хорошо, и хорошо по разным причинам. Вот если вы после своих учебных заведений приедете сюда работать, то увидите, насколько здесь хорошо...

ЛЛХ: Где вы от чего отдыхаете? В Кандалакше от Ряшкова? На Ряшкове от Кандалакши? В Питере от Кандалакши?

Было несколько лет, когда мне понравилось ездить на Черноморское побережье – в Сухуми, Очамчиру, ну хоть на одну-две недели. Позже осенью, когда народу мало. Но это период кончился, в связи с перестройкой туда мне сейчас ехать не хочется. В последние

Вит.Вит. Бианки. Фото 1950-х - 60-х годов. Автор не известен

годы дальше Питера уехать не получается, разве что на несколько дней в Москву. А в общем, так и получается, наверное, как ты сказала...

Когда надо на компьютере работать – еду в Кандалакшу. В отпуск – в Питер. Теоретически понимаю, что можно и на Ряшков компьютер привести, но дальше ля-ля-ля не вышло пока.

ЛЛХ: Ведете ли вы записи про Ряшков? Или только полевые дневники?

Только полевые дневники, записные книжки, картотеку. Базы данных – надо бы. Но если бы все успевать, что надо – цены бы нам всем не было.

Зачем сейчас лежит на сетке гагачий пух?

После того, как его соберут на островах, его там надо вытрясти, высушить, потом из него изгоняют блох, кладут в мешки, и везут на склад заповедника в Кандалакшу...

ЛЛХ: Распорядок дня, который сложился на Ряшкове (9 утра сбор-планерка, в пятницу продрейс, в субботу баня, в 11 время молчания) – он складывался годами, или один раз установили и дальше – железная воля...

Здесь ничего «один раз» не складывается. Здесь все образуется годами... Все здесь делалось постепенно, никакого волонтаризма не было. А то, что сейчас этот выработавшийся за многие годы порядок поддерживается, – стараемся. К примеру, вы сейчас по мосткам по кордону идете, а вокруг сосны, травка. А было время, когда тут был голый песок, и идти по нему было неприятно.

Евгений Александрович Нинбург: У меня в Питере есть слайды старого Ряшкова, покажу, если не забудете попросить.

ЛЛХ: Есть ли какой-то фотоархив Ряшкова в заповеднике?

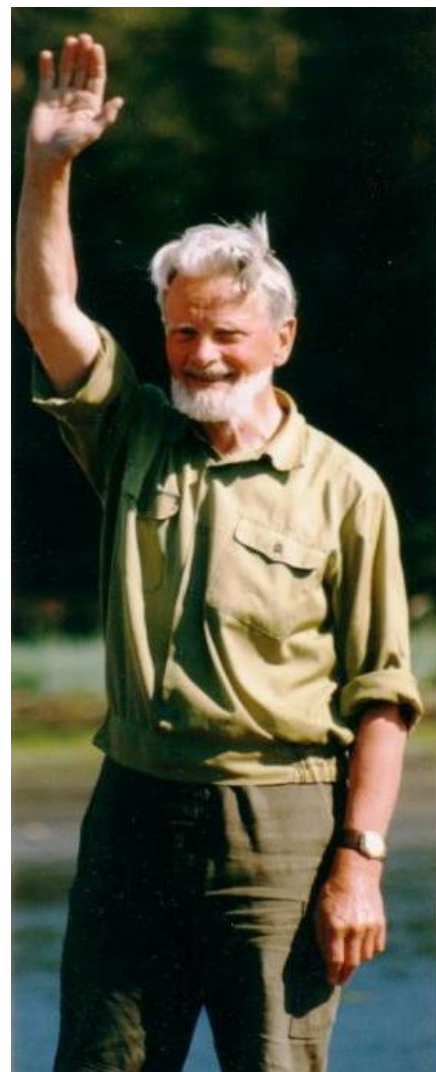
Думаю, что нет. Есть архив личный. Мне показалось года два назад, что надо бы перевести фотоархив в компьютерный вид. Но, во-первых, трудоемко, а потом меня уверяли, что и это дело недолговечное, говорят, что лет на 20... На бумаге пока кажется надежнее. А делать-то некому. И это самое существенное.

ЛЛХ: Лесники: был В.И. Возчиков, был К.А. Богданов, сейчас Д.Л. Попов. Кто еще был приметный?

Были и еще лесники, и приметные, но не обо всех хочется вспоминать...

О руководителях всех групп. Всех ли Вы помните...

Вообще если захотеть и иметь время, то можно это все восстановить. Многих я уже упоминал. Упоминал П.Н. Митрофанова, ваши группы, упоминал В.И. Кудрявцеву. Мелькнули еще группы из Мурманска, из Апатит. Были еще и группы, которые приезжали неоднократно (Е.Чистякова), но либо пропускают сейчас, либо вовсе не приезжают. К примеру, группа из Славутича перестала пока приезжать – боюсь, что это связано не только с отделением Украины, но и со здоровьем Л.С. Ладыжева. В Лувеньгу теперь (а раньше на Ряшков) приезжает группа Е. Набоковой (Кроха). Московская группа в этом году приезжала.

Вит. Вит. Бианки. Фото 2000-х годов. Автор не известен.

Кандалакшская группа О.А. Парфей очень для нас ценная, но последние годы она, к сожалению, не может приезжать с группой, ибо занимается здоровьем и растит сына. Осколки этой группы есть и среди вас.

Евгений Александрович Нинбург: Теперь клички им придумаем – «осколки»...

Народу много приезжало. Вы вот приезжаете. Кто-то не в первый раз. Может и еще приедете... Не исключено, что и ваши потомки сюда приедут.

Евгений Александрович Нинбург: детей «Муравьев» много приезжает, судя по записям в Анналах...

ЛЛХ: Возможна ли шутка: если каждый приехавший на Ряшков – это один седой волос, то вот, уже вся голова седая – столько было здесь, на Ряшкове, людей?

Здесь было очень мало людей, которые повлияли на нашу с Евгением Александровичем белизну. Здесь было больше очень хороших людей. Были, конечно, и исключения, но очень редкие.

ЛЛХ: Вы выбирали людей, или делали? Вроде бы, выбирать не приходилось.

Какой-то отбор был. Их ведь присылали из институтов. Но и «делать» приходилось. А прерывали сотрудничество нечасто. Но бывало. Раз лет в шесть-семь. Выставить отсюда, в общем, ничего не стоит. Но для этого надо здорово начудить.

О чем мы забыли Вас спросить?

Не знаю, это ваше дело. Я старался рассказывать то, что либо знаю, что вам интересно, либо то, что мне кажется для вас полезным...¹⁹

¹⁹ К сожалению, фотографии, иллюстрирующие текст интервью, не публикуются из-за ограничения объема альманаха. Больше фотографий по ссылке <https://kandalaksha-reserve.ru/gallery>

ЧАСТЬ III. УЧЁНЫЙ. НАСТАВНИК. ПОДВИЖНИК. ЛИЧНОСТЬ

Юрий Владимирович Краснов

ПАМЯТИ ВИТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВИЧА БИАНКИ²⁰

26 июня скончался Виталий Витальевич Бианки.

Этот текст был подготовлен к девяностолетнему юбилею. Увы, время безжалостно, и в 95 лет ушёл из жизни мой первый учитель в орнитологической науке. В отечественной орнитологии есть люди, одно имя которых вызывает в памяти определённые образы. Виталий Витальевич Бианки – это Белое море, Кандалакшский залив и остров Ряжков; буйство студенческой жизни среди седых скал и скрученных в узлы сосен; «муравейники» юннатов и первые опыты наблюдений за птицами.

Школа Бианки – это «делай как я» и полная самостоятельность, покоящаяся на доверии «шефа». Постоянное усложнение научных задач. Разносы за легкомысленные просчёты и широкая улыбка как награда за первую исследовательскую удачу. Через неё прошли сотни юных естествоиспытателей. Кто-то остался в науке, кто-то выбрал иную жизненную тропу. Но для всех нас тот юношеский опыт бесценен. Какую силу воли, сплав мудрости и доверия нужно иметь руководителю, формируя и направляя студенческие экспедиционные группы в нехоженые ещё орнитологами уголки Кольского полуострова, Белого моря и ещё дальше на север в орнитологический рай дельты Печоры! Студенты-практиканты Виталия Витальевича в 70-80-х гг. истоптали своими болотниками оленьи тропы, дельты рек, берега беломорских заливов и островов, с удивлением обнаруживая, как фрагменты их первых научных результатов формируют общую картину представлений об орнитофауне европейского Севера. А в сущности, иначе и быть не могло в эпоху Бианки на Белом море.

Утверждение, что по-настоящему орнитологическая наука на Белом море началась в середине 50-х гг. с приходом в Кандалакшский заповедник В.В. Бианки, если и является преувеличением, то совсем небольшим. Да, и до него на Белом море работало много других опытных орнитологов, оставивших в регионе заметный научный след. Да, в заповеднике и коллективе Северной орнитологической станции (на базе Кандалакшского заповедника) были и другие яркие и подающие надежды молодые исследователи. Но такого азарта и верности выбранной цели – изучению морских и околоводных птиц Белого моря – не было ни у кого. Судовые обследования Онежского залива и других районов Белого моря, выбор приоритетов в исследованиях птиц. И в конце 60-х первая монография «Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива». И новый поворот – начало комплексного изучения гусеобразных. Активное использование авиационной техники, в частности, для учёта лебедей уже в масштабах Прибеломорья. В центре внимания Виталия Витальевича оказываются и другие виды водоплавающих птиц: от классического представителя беломорской орнитофауны – обыкновенной гаги до гоголя, постепенно превратившегося в любимой объект исследований. Здесь и первые попытки в экспериментальных условиях оценить энергетику питания массовых видов морских птиц, и изучение их трофических связей. В 80-е гг. эти исследования получили продолжение в Онежском заливе Белого моря, в местах крупнейших миграционных стоянок на Беломорско-Балтийском пролётном пути. Их результаты позволили оценить роль водоплавающих птиц

²⁰ Опубликовано на сайте СОПР 30 июня 2021 <http://www.rbcu.ru/news/36889/>

и их влияние на морские экосистемы западной части Белого моря, выявить возможные негативные последствия для орнитофауны при осуществлении одного из проектов по повороту северных рек на юг. Как итог этого периода жизни – защита докторской диссертации, посвящённой результатам многолетних исследований птиц Белого моря.

Вся творческая жизнь Виталия Витальевича неразрывно связана с Кандалакшским государственным природным заповедником. Ряжков и Бианки в восприятии множества людей – понятия неразрывные. Вместе с родной организацией он пережил разные этапы развития и реформирования заповедной системы. И не изменил своему выбору. Ряжков осиротел. Но память о Виталии Витальевиче пронесут через свою жизнь все, кому он привил любовь к птицам, шхерам Белого моря и экспедиционной жизни.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В день 95-летия 12 января 2021 года Виталий Витальевич Бианки получил уникальный подарок – альманах «Ностальгия по Ряшкову». В альманахе собраны воспоминания группы ряшковчан разных лет (студентов и школьников) о незабываемых днях, проведенных на островах Белого моря, и общении с Шефом. Многие из авторов стали уже кандидатами и докторами наук. Адреса некоторых из них нам удалось найти в Интернете, и они согласились поделиться своими воспоминаниями об общении с Виталием Витальевичем Бианки и на страницах нашего альманаха.

Альманах
«Ностальгия по Ряшкову»
Выпуск 1. Январь 2021

Первая попытка вспомнить и написать
– с любовью и благодарностью –
сто историй про Шефа

Рассказано в группе юных и уже не очень юных обитателей «Жёлтого дома»
разных лет в Кандалакшском заповеднике
на острове Ряжкове в Северном архипелаге Белого моря

*Первая и единственная коллективная версия
копирайт и перепечатка только при согласии
каждого из авторов отдельных историй
[3 января 2021 года к событию 12 января 2021 года]*

Виртуальное Общее Пространство
Facebook и Zoom и Google
2021 год

ВСПОМИНАЯ И РАЗМЫШЛЯ...

Покойному Виталию Витальевичу я благодарен за исполнение детской мечты об островах и полярных морях. В 1973 г. я по совету мамы стал посещать занятия кружка юных натуралистов при зоомузее МГУ. Наш учитель – Анна Петровна Разоренова – обещала, что наградой за усердие будет экспедиция на остров Ряшков в Кандалакшском заповеднике.

И вот в июне 1974 г. шестеро моиповцев - Андрей Королев, Сергей Власов, Ирина Жесткова, Катя Белан, Марина Крижевская и я ступили на землю таинственного острова моих отроческих мечтаний. Но проза жизни чуть не «потопила корабль» поэзии. На зачарованном острове надо было считать биомассу на литорали или наблюдать за повседневной жизнью птиц. И то, и другое было скучным для искателя приключений. Не для этого я рвался в заполярные дали. И, как по мановению волшебной палочки, судьба в лице Виталия Витальевича, «круто повернула штурвал»: почему-то именно меня он выбрал юнгой. Далее строки из письма домой, сохраненного мамой Норавард Андреевнй: «Во вторник 18 июня у меня началась научная деятельность... я морской орнитолог... я работаю вместе с Виталием Витальевичем Бианки и студенткой Олей. Бианки интересуется всеми птицами, а у нас с Олей узкая специализация: мы ищем гнезда гаг, описываем их, кольцуем птенцов и взрослых».

На Вайгаче: Андраник Сулейманян (слева) с ненцем-отшельником (в центре) и старым евреем-геологом (справа). Фото из архива А. Сулейманяна.

«Муза дальних странствий» вела меня от Новой до Огненной земли, но это первое путешествие изменило навсегда мою жизнь. Во многом потому, что Виталий Витальевич понял мою душу, взял меня в море и – прекрасное мгновение, вожденный миг – даже один раз дал мне в руки штурвал «адмиральского катера».

Виталий Витальевич – подвижник. Таких личностей в любое время немного. Особенно в нынешней России, в которой уже тридцать лет продолжается «смутное время». Я не сомневаюсь, что слова А.П. Чехова из некролога Н.М. Пржевальскому в полной мере можно отнести и к ушедшему в лучший мир Виталию Витальевичу: «В наше болезненное время, когда... обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и

облагораживают. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, что кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть еще люди иного порядка, люди... веры и ясно осознанной цели».

13.08.2021

Татьяна Александровна Ильина

ИЗ БЕЛОМОРСКИХ ДНЕВНИКОВ СТУДЕНТКИ

Вспоминая о давних временах и о местах, где мы были счастливы, - мы погружаемся в щенячий восторг и умиление. От всего этого попытка изложить воспоминания на бумаге, образно говоря, пропитывает эту бумагу сиропом и обляпывает всякой милотой. И что еще, начинается окрашивание событий тех лет красками, замешанными на мировоззрении, сформировавшемся на сей момент, прокрадывается что-то приглаженное, а потому фальшивое. Я нашла противоядие от таких напастей в своих архивах, чудом сохранившихся после многочисленных переездов и ремонтов. Дневниковые записи, привезенные из поездок на Белое море в 1969 году, не только порадовали бесшабашностью, естественной для студентки-первокурсницы Птички Дактиль (Тани Прокудиной), но и удивили инфантильностью взглядов на науку. Немного утрирую и лишь слегка преувеличиваю, но мне тогда казалось, что открытия делаются, как щелчок пальцами, а вся рутинная работа, которая кипела на острове – лишь для того, чтобы окрасить образ жизни в романтические тона. Мухи отдельно, котлеты отдельно. Усугублялось всё тем, что я и двое моих однокурсников с биофака МГУ стихийно попали на Ряжков, как волонтеры, после летней практики на биостанции в Чашникове. Чисто из любопытства, без каких-нибудь благих целей. По договоренности с администрацией, по субботам-воскресеньям таскали кирпичи для строительства кордона на Ряжкове, а все остальное время было полностью наше. Любопытство толкало примазываться ко всем тамошним делам, от широкого фронта работ, затеваемых Виталием Витальевичем, до гидробиологических тусовок с юннатами Нинбурга²¹. Ввязывались мы во всё с большим удовольствием, но поскольку это было лишь любопытство, а не обязанность или строгая цель, у меня не было никакого чинопочтительного пиетета по отношению к фигурам, которые сейчас воспринимаю, как легендарные. Я воспринимала их скорее не как наставников, а как поставщиков экзотических удовольствий. Понимание значимости происходившего пришло позже, после того, как калейдоскоп событий сложился в целостную картину.

Но сначала в качестве нескольких блестящих стеклышек из этого калейдоскопа - фрагменты дневниковых записей того времени. Как есть, в исходном виде.

2 августа 1969 г.

Сегодня должна приплыть «Волна» и привезти всех остальных. Пока мы ее ждали, то еще раз двинулись на обследование окрестностей. Лес здесь более густой, чем на Ряжкове. Больше берез, очень много багульника. Земля устлана мягким ковром из черничника, брусничника и различных мхов: идешь, как по подушке. Литораль страшно богатая. Очень много баянусов, различных моллюсков, выброшенных аурелий и цианей. Боб с Вовкой, надев гидрокостюмы, несколько раз обследовали сублитораль. Принесли

²¹ Евгений Александрович Нинбург – в те годы учитель школы-интерната №45 при ЛГУ, руководитель школьных гидробиологических экспедиций. См. Именной указатель.

удивительно красивых розовых и зеленых губок. К сожалению, если их зафиксировать или высушить, они обесцветятся. Между прочим, у меня раньше было представление о многих морских обитателях, как о чем-то студенистом и бесцветном. На самом же деле, большинство из них очень красиво окрашено: на сублиторали можно увидеть великое множество медуз, цвет которых варьирует от слабо розового до фиолетового и оранжевого. Ребята принесли нежно розовых *Верое* (гребневик «морской огурец») и розово-красных морских ангелов – голожаберных моллюсков.

Вечером, когда мы вернулись из своего путешествия через пролив, которое можно было бы назвать «пешком на материк» и уже собирались ложиться спать, совершенно неожиданно пришла «Волна». После тонких намеков, что спать в палатке холодно и там довольно тесно (днем мы изрядно много времени и фантазии потратили на создание этой тесноты), Рязанни с Колей поместились в «хлеву», как мы называли эту разваливающуюся хибару. Апартаменты им пришлись по вкусу, во всяком случае, пока было темно и нельзя было как следует разглядеть хоромы внутри. Днем на свету разбираться будет поздно. По-видимому, мы малость переборщили, описывая тяготы палаточной жизни: Рязанни предложили нам перебраться в хлев. Мы, конечно, поторопились замять это дело и перевели разговор в другое русло.

Про учет вороники

4 августа 1969 г.

Сегодня едем (так и написано, не бейте!) на луды на учет вороники. Несколько человек поехали на Первую и Вторую Поперечки, а Лена, Саша²² и я – на Девичью луду, или, попросту говоря, на Девичку. Работа заключается вот в чем: закладывается площадка в один квадратный метр. На ней собираются все ягоды, причем их нужно считать (вот в чем «прелесть-то»! Особенно, когда их бывает больше тысячи). Мы заложили больше 20-ти площадок. Если учесть теперь все площадки, заложенные на Девичке, то их будет за 80 (восемьдесят!).

С самого утра меня забросили на Девичку. Вчера я целый день сидела и чинила лучки, а сегодня Надежда Степановна²³ отвезла меня на моторке, после чего они с Лидой уехали на учет. А я осталась одна. Расставив лучки в южной части, я отправилась в шалашик, из которого наблюдают птиц. Расстелив плащ-палатку, стала наблюдать за какими-то воробьиными. Я чувствовала себя то губернатором острова, а Девичку – своими владениями, то Гнором, отшельником Аша... А невдалеке, метрах в пяти, словно куры, бродили турухтаны.

7 августа 1969 г. Попытка ловли лучками на Девичке.

Фото из архива Т. Ильиной

Совершенно игнорируя меня, в трех метрах

нахально пробежала водяная полевка. Потом я, как следует, решила осмотреть островок.

²² Юннаты, участники экспедиции.

²³ Надежда Степановна Бойко, сотрудник Кандалакшского заповедника.

Он имеет гантелеобразную форму, расширяясь в северной и южной частях. Лида (калининградская студентка) сказала, что она читала работу КНБ²⁴ за 40 какой-то год и в ней написано, что на Девичке росло 10 сосен и 3 осины. Сейчас только перешеек, имеющий в одном месте ширину 8 метров остался совершенно без деревьев, а на самом севере и юге полно деревьев. Кроме того, в южной части растут кусты красной смородины, которая сейчас, кстати, созревает. У меня не было часов, а по солнцу я довольно туго ориентируюсь во времени. И мне казалось, что в такое понятие, как время, в мире не существует. Когда по моим соображениям было часов 6-7 вечера, за мной на моторке приехал Виталий Витальевич. В реальности было уже около девяти часов вечера. Собрал лучки, в которые так никто и не поймался, мы поплыли на Ряжков.

На Великом.

11 августа 1969 г.

Ура! Едем на Великий! Витальич отправляется туда кольцевать уток и берет с собой несколько человек. Рязанни (сокращенное от «рязанских мадонн», как мы их назвали, едут полностью. Еще едут Лидочка, Коля, Раечка²⁵ и из ленинградцев – Татьяна, Боб и Вовка-Красястер. Боб и Вовка взяли гидрокостюмы, которые они больше ремонтируют, чем надевают для погружений. Побросав свои рюкзаки на «Волну», мы вооружились биноклями и смотрели по сторонам. От Ряжкова до Великого, выражаясь грешным языком, 60 км. Будучи сугубо сухопутным человеком, на Севере я все же получила морское воспитание, которое продолжалось и здесь, на «Волне». Развернув морскую карту, **ВВ** показывал нам острова, мимо которых мы проходили. Наконец-то мне удалось выяснить, что один узел – это миля в час, а морская миля – это тысяча восемьсот с чем-то метров. Потом ленинградцев, Раечку и меня высадили на Великом, а остальные поплыли в какие-то другие места и вернутся сюда завтра. Обследовав окрестности и облюбовав здешнюю палатку, натянутую на 50%, наша Священная Пятерка решила, что Боливар, то бишь, наша палатка, не выдержит Рязанн. Чтобы не портить «великую» атмосферу, мы решили подыскать для них другое жилище. Сидя возле какой-то лачуги, мы обнаружили, что в ней никто не живет. Внутри все было довольно плачевным. Окошки, заколоченные наполовину, почти не пропускали свет, но все же можно было разглядеть охапку соломы, валяющуюся посередине, гору всяческого хлама и навешенные в изрядном количестве полки. На одной из них Татьяна с Раечкой обнаружили тушку кулика-сороки и два чучела его птенцов.

Кордон, как мы узнали по табличке на двери, назывался Купчининским. Рядом находился тот самый, знаменитый Купчининский порог. В этом месте остров подходит к материку так близко, что между ними остается полоска воды шириной метров 300. Во время прилива по нему с шумом несется вода, а во время отлива по литорали можно спокойно перейти на материк, даже не зачерпнув в сапоги. У нас, конечно, появилась идея завтра же сбегать через пролив на «большую землю».

13 августа 1969 г.

С утра отправились кольцевать утёй на озеро, которое было километрах в 2-3 от кордона. Боб с Вовкой остались проводить литоральные сборы. Я, воспользовавшись тем, что они не полезут в воду, надела на «нижнюю чакру» гидрокостюм, а поверх него тренировочные штаны, чтобы хрупкое Вовкино творение не расползлось. (Увы, костюм пополз на мне тут же, как только я его надела, да еще пополз так, что Вовке потом пришлось почти заново приклеивать ногу (костюму, разумеется)).

²⁴ Константин Николаевич Благодосклон, доцент кафедры зоологии позвоночных биологического факультета МГУ.

²⁵ Студенты, работавшие на Ряжкове.

Озеро было большое и удивительно красивое, по берегам росло чудовищное количество морошки и черники, но все это приходилось замечать лишь краешком глаза.

День был солнечный и очень приятный, но водичка – о боже! Выстроившись цепочкой, так, чтобы каждый, идущий слева, был немного впереди, мы прочесывали осоку, выуживая из укромных местечек уток, которые в это время линяли и совершенно не могли летать. Лево- и правофланговые шли с сачками, которыми ловили удиравших уток. В основном попадались свиязи, чирки-свистунки,

*Команда студентов-кольцевателей на Великом.
Фото из архива Т. Ильиной*

кряквы. За четыре с лишним часа мы успели продрогнуть, хорошенько вымокнуть (некоторые почти по шею) и поймать штук 20 уток. Удрало еще больше.

14 августа 1969г.

На моторках отправились через Бабье море к Городецкому кордону на Тростниковое озеро. Пока целый час шли, я отсняла оставшуюся в фотоаппарате пленку. В этот день самолеты, по-видимому, «играли в войну» и исчертили небо больше, чем Татьяна

Виталий Витальевич Бианки. 1969 г. Фото Т. Ильиной

осокой свои руки. Пока мы проводили параллель между тем и тем, какой-то пилот вычертил «мертвую петлю», круг от которой висел в виде нимба над головой то у Виталия Витальевича, то у Коли (в зависимости от того, куда поворачивала моторка). В результате мы сфотографировали Николу-угодника. Рязанскую идиллию заснять так и не удалось: «пугливые серны» уткнулись в свои телогрейки.

Озеро оказалось несколько меньше, чем предыдущее, но воды было значительно больше. Кроме того, искать уток в тростнике оказалось труднее, чем в осоке. Я освоила новый метод ловли

убегающих уток – ныряние рыбкой. Покупались мы изрядно, тем более что на гидрокостюме пришлось махнуть рукой. После того, как все переоделись в сухое, Витальич, влив в нас какую-то дрянь из своей фляжки, сказал: «Теперь можете говорить всем, что пили неразведенный спирт...».

15 августа 1969 г.

Когда я вылезла из палатки, был час дня. После вчерашнего «купания» и «лечения» было страшно лень раздеваться, поэтому я залезла в спальник в штормовке и брюках. Спала так крепко, что даже не просыпалась, когда меня кусали комары и мошка. Я как легла, так ни разу не повернулась, поэтому комарё пиоровало безнаказанно. Легко себе представить, с какой распухшей физиономией я проснулась. В желудке был такой вакуум, что я без особого скрипа уписывала «рязанские фантазии», или, как создательницы называли это рисо-манное творение, «кашу ассорти», которую они сварганили в одном ведре из всех оставшихся у нас круп. Потом мы начали разбираться в добыче Вовки и Боба. Когда я набивала третье за сегодня чучело асцидии, на горизонте показалась «Волна». Наскоро набив злополучную асцидию и многострадальный рюкзак, я бродила вместе с Татьяной и Раечкой у хлева и глотала слюнки по поводу лежавших там чучел – голубой мечты моего розового детства. Спереть их не хватало наглости, да и мучила откуда-то взявшаяся совесть. А попросить – бесполезно. Чучела наверняка нужны были хозяину. Так мы и отчалили на «Волне», а в сером мраке хлева осталась такая близкая и, в то же время, недостижимая голубая мечта.

На этот раз наша Пятерка расположилась на носу. Только мы устроились, как возник Витальич и ехидным голосом попросил у Раечки картишки, точно зная, что они у нее есть. Мы в свою очередь еще более ехидно заржали, а «отоваренный» Витальич скрылся с Кохановым в кубрике, по поводу чего Вовка-Красястер сокрушался, что туда нельзя проникнуть с цветной пленкой.

Когда подошли к Ряжкову, из кордона высыпала целая толпа встречающих. Не успели мы выгрузиться из шлюпки, как начался взаимный обмен новостями. Мы им взахлеб рассказывали про кольцевание, Вовик – про то, как на него напала зубатка, а он отбивался от нее сначала пинцетом, потом кулаком, причем с каждым разом зубатка росла и росла. Ряжковцы в свою очередь рассказывали, как тушили на Власихе пожар, как ходили на материк и т.п. Самое главное – у Нинбурга появились новые заплатки. Дело в том, что незадолго до нашего вояжа на Великий, Галка с Ленкой ставили Жень Санычу на брюки заплатку (на одно из живописнейших мест). Он пожелал, чтобы заплатку сделали красную, из остатков паруса «Бокоплава». Девчонки исполнили его просьбу, а заодно проявили свою фантазию – оформили заплатку в виде цветочка. И вот теперь Согдиана Ивановна²⁶⁾ привела брюки в полнейший порядок: к цветочку пришила голубые (из остатков флага) листочки и добавили симметричную заплатку в виде красного солнышка на фоне голубого неба. На одной коленке появился «Бокоплав» под парусом, а на другой – алые губки, расплывшиеся в белозубой улыбке. Обзавидуешься!

Кусок одного длинного дня на Ряжкове

19 августа 1969г.

День был настолько наполнен событиями, что описание их заняло в моей тетради больше девяти страниц. Я не буду приводить их полностью, не стану переписывать из дневника, как мы ходили с Нинбургом и его командой на драгировку в район Большого Ламнишного, как встретили на этом острове художницу, которая потрясла нас тем, что не знала, что морошка растет на земле, а не на деревьях, пропущу кусок про то, как мы на обратном пути попали в шторм, а когда в конце-концов добрались до Ряжкова, увидели на

²⁶⁾ Согдиана Ивановна Сухарева, зоолог, жена Е.А. Нинбурга.

берегу одинокую фигуру Виталия Витальевича. Он встретил нас молча, только лишь подошел к Жень Санычу, беззвучно, но выразительно пошевелил губами, резко развернулся и удалился к себе.

Перед ужином Нинбург зачитал приказ №22, в котором поздравлял нас, ходивших сегодня на «Бокоплаве» с тем, что мы родились в рубашках... После того, как мы натешились, пережевывая впечатления и помучили Боба с гитарой, народ отправился спать. Татьяна, Вовка и Лешка, решив продолжить культурные развлечения, отплясывали на крыше террасы. За этим занятием я их и застала, когда лезла спать на чердак. Не знаю, долго бы я продолжала на них глазеть, но прибежал запыхавшийся Ринтис²⁷: «Море светится!» И мы помчались за ним сломя голову, причем, когда я прыгала в темноте с третьей ступеньки лестницы, точнехонько приземлилась левой ногой в полное помойное ведро, дав тем самым Лешке пищу для анекдотов за завтраком. Выбежав на берег, мы помчались по кромке воды, шлепая по мокрому песку ногами, отчего в разные стороны летели светящиеся брызги. Мною овладел неопиcуемый восторг, и я полезла в воду прямо в шлепанцах и носках, чтобы выполоскать свою злосчастную левую ногу. Правая при этом тоже вымокла по колено, но меня это нисколько не волновало. Разбрызгивая лужицы, мы бежали по литорали к причалу. Я зачерпнула воду обеими руками. Вспыхивая и опять затухая, между пальцев стекали сотни зеленоватых искр. Море светилось... Потом мы вчетвером, сидя на крыше, вымокшие и продрогшие, молча грызли недовяленную треску и слушали, как ревело море и ему поддвывал ветер.

Татьяна с Красястером и Лешкой отправились доплясывать на кострище, а я, с головой, доверху набитой впечатлениями, залезла в спальный мешок и, засыпая, немножко жалела тех, кто лег спать раньше.

Картирование литорали на Вебремах 21 и 22 августа 1969 г.

Досыта надергавшись за веревочку своего мотора, Витальич растворился в тумане и потарахтел в сторону Ряжкова, а мы втроем остались на крошечном кусочке земли. Нам (то есть Светке, Лешке и мне) предстоит сегодня и завтра картировать по отливу литораль луд Вебрем, которые представляют собой три крошечных островка, соединяющихся огромной литоралью. Позже до меня дошло, что название «Вебремы» есть не что иное, как винегрет из кусочков названий каждой луды: **Вересовой**, **Бревнушки** и **Малышки**. Оставив свои вещи на Вересовой, мы поставили теодолит в районе Бревнушки и решили начать съемку. Но не тут-то было! Туман стал такой густой, что рейку было плохо видно. Оставив все эти побрякушки для картирования, мы стали обследовать кладбище моллюсков. Оно оказалось гораздо богаче знаменитого кладбища на Большом Ломнишном. С самого начала мне повезло: я нашла почти целую огромную нептуню и довольно интересный ризоид ламинарии, прицепившийся к мидии, имеющей несколько необычную форму и усаженную крупными баянусами. В огромных количествах повсюду валялись мии и астарты, саксикавы и серреписы. Когда туман немного рассеялся, отлив уже заканчивался. Нужно было работать, как можно быстрее. Лешка возился с теодолитом, Светлана записывала показания, а я носилась с рейкой и энтомологическим сачком (чтобы давать сигнал «Готово!») по литорали с максимальной скоростью, какую только позволяли развивать болотные сапоги, рассчитанные на то, что моя нога вырастет еще на шесть размеров. Когда линию отлива залило настолько, что и в болотных сапогах приходилось туго, мы пошли разбивать палатку. Несмотря на то, что начавшийся дождик подложил нам большую свинью, костер мы все-таки развели. Хлеба у нас не было ни крошки и поэтому

²⁷ Волонтер из Вильнюса.

после обеда Светку дернула нелегкая испечь на камнях лепешки. У-у! Врагам не пожелаю! Это было такое, что слов не хватает описывать.

Когда Светке надоело дрызгаться с тестом, она пожелала, чтобы я рассказала ей «что-нибудь страшненькое». По-видимому, я малость переборщила, потому что Светочка вдруг взвизгнула, схватилась за сердце и чуть не грохнулась на камни. Когда нервический порыв достиг апогея, бедняга начала скакать по камням и орать, что она – снежный человек. Время от времени она меняла «профессию» и в конце концов остановилась на питекантропе. К счастью, дальше дело не пошло.

Часов ни у кого из нас не было и, чтобы не проспять утренний отлив, я осталась дежурить у костра, а Светлана с Лешкой полезли спать в палатку. Сначала я тихо и мирно, как это делают порядочные люди, пила чай, а потом начала при свете костра делать записи в дневник. Дрова были сырые, костер со всех сторон был загорожен от ветра камнями, поэтому дыма пришлось поглотать больше, чем достаточно. Время от времени приходилось в темноте бродить по супралиторали и собирать дрова. В одном из таких путешествий я довольно крепко проехала на пузе по бревнам, споткнувшись обо что-то. Когда небо над сопками начало приобретать красновато-оранжевый оттенок, начали кричать птицы. По литорали, покрытой блестящими лужами, забегали стаи куликов-сорок. Время от времени со свистом срывалась стая синьги. Когда рассвело, был почти полный отлив. Костер погас. Я, шмякнув в сердцах на горячий камень остатки Светкиного теста, пошла будить спящую публику. Оставшуюся часть литорали сняли часа за полтора. После завтрака Светлана с Лешкой отправились собирать моллюсков, а я залегла в палатку и читала «Люди оленьего края» Моуэта, пока за нами не приехали.

По прошествии ряда лет мне стала понятна вся картина, сложенная из фрагментов, в том числе и тех, в которые посчастливилось вписаться и мне. В конце 80-х я встретила Виталия Витальевича в Зоологическом институте. К тому моменту я уже успела закончить биофак МГУ, сменила фамилию, переехала из Москвы в Ленинград и работала на Рыбачинской биостанции Зоологического института. ВВ поинтересовался, могу ли я рассчитать, какое количество разной еды съедают за год все птицы Кандалакшского залива, а если могу, что необходимо знать для этого. За многие годы работы у Виталия Витальевича собралась обширная база данных о видовом составе птиц, массе тела, численности в разные сезоны и структуре рационов. Не буду туманить мозги параметрами биоэнергетики, но в итоге **поставленная задача оказалась выполненной.**²⁸

Сергей Борисович Шустов

ВСПОМИНАЯ ВИТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВИЧА БИАНКИ²⁹

Виталий Витальевич - фигура грандиозная и знаковая для многих людей, кто его знал. К сожалению, я не очень много с ним общался, но дни, проведенные рядом с этим человеком, навсегда остались в моем сердце. Это был Учитель по Конфуцию - именно аурой, харизмой, иррациональной волной воздействовал он на собеседника и сотрудника. Замечательно, что нас вновь объединяет светлая Память о Светлом Человеке.

Ещё Конфуций указывал, что есть Три Пути взаимодействия Учителя и Ученика. Первые два всем понятны. Это Слово и Дело. То есть наставление и обучение. А вот третий путь не всегда открыт, он сложен и таинственен. Он связан с харизмой, с обаянием, с силой

²⁸ Бианки В.В., Ильина Т.А. Годовое потребление энергии и вещества птицами Белого моря. // Экология. 1991. Вып. 25.

²⁹ Перепечатано по разрешению автора от 7.08.2021 из альманаха «Ностальгия по Ряшкову», январь 2021.

личности, с духовным влиянием Учителя. Ученик может даже не осознавать этого великого влияния поначалу, но затем, всё более и более, по возрастающей, понимать – как аура Учителя окутывает его с «головы до ног» и незримо формирует его собственные человеческие качества.

Сергей Шустов. 07.08.21

Именно такое влияние оказал на меня, тогда ещё совершенно беспомощного в плане полевых испытаний и биолого-экологических исследований студента второго и третьего курсов биофака Горьковского университета, Виталий Витальевич. Было это в 1978-1979 годах. Давненько! Однако, я совершенно отчётливо помню и сейчас (как банально, но совершенно правдиво говорят в таких случаях – «пронёс через всю дальнейшую жизнь и деятельность») наши встречи и работу бок о бок с этим замечательным Человеком.

Начну с того, что я написал ВВ письмецо. В котором горько плакал и сообщал, что ранее договорившись приехать в заповедник, не могу выполнить эту договорённость. Меня, мягко говоря, избили на нашей биостанции ГГУ местные ребята. За то, что я участвовал в борьбе с браконьерством на здешних озёрах.

Помню, глаз у меня заплыл полностью, и я, конечно, посчитал невозможным поехать в далёкую и незнакомую ещё мне Кандалакшу с таким «фингалом». Ответа я даже и не ждал, так как был уверен, что незнакомый мне человек (тогда ещё) не станет отвечать какому-то «хлюпику»-студенту, незнакомому ему...Что, у директора большого северного заповедника, дел иных больше нет? Да одних этих надоедливых студентов со всего СССР, наверное, не перечесать! Каждому отвечать? Ну, не поедет «хлюпик» на практику, что ж такого, другие это место займут...

Каково же было моё удивление и изумление, когда от ВВ пришёл обстоятельный ответ. Как-то по отечески он посоветовал мне поменьше думать и обращать внимания на раны и синяки. А побольше – на подготовку себя в плане будущей работы как учёный. Если я, конечно, хочу стать настоящим полевиком-зоологом. Он говорил со мною на равных! Отец у меня погиб три года назад. И я с восторгом прочитал строки, в которых чувствовался «настоящий мужик», суровый, но справедливый и немногословный. Как сотоварищ и друг. Именно тот, кого мне так не хватало тогда рядом. И я твёрдо решил ехать!

Два сезона, которые мне довелось поработать в КГЗ, рядом и под руководством Виталия Витальевича, я вспоминаю сейчас как дивную, но трудную и сложную сказку, которую мы сочиняли тогда всей большой и дружной семьёй – и прибывшие неопытные студенты-практиканты, и более зрелые, хлебнувшие ряжковских тягот и забот старожилы, и наши руководители. Под неусыпным оком и при дружеской поддержке которых мы познавали удивительный и неопишимо красивый беломорский Север.

ВВ, казалось, всегда присутствовал среди нас, хотя реально он был вечно занят своими многочисленными делами. Вот он привёз морских крохалей – и мы шли их обмерять. Вот он сообщил, что нужно очищать собранный гагачий пух – и мы, отплёвываясь от пушинок, копошились над решётками под навесом. Вот он поехал на моторке (сам!) за водой – и впервые меня взял с собой. Это была честь! Я внутренне весь содрогался от ужаса и восторга одновременно! ВВ казался мне богом – всё умеющим, всё понимающим, везде успевающим и всё видящим! А тут, запросто, он вместе со мной наполнял фляги в ручье (в период высокого прилива), мы вместе затаскивали их в лодку, по пути он показал мне знаменитый валун-камень, скрытый чуть под поверхностью моря, на который можно было наскочить и сесть днищем! Он постоянно замечал вокруг детали, которые не замечали другие. И, словно бы невзначай, показывал их, предлагая объяснить. Иногда он просто молчал. Как Конфуций. Но мы всё равно в эти моменты УЧИЛИСЬ у него!

Помню, плыли на большой баркасе с мотором по заливу, и над лесистыми островами. Над вершинами высоких елей ВВ отметил чёрные столбы. Он указал нам на них – Что это? Столбы всприхотливо колыхались, как змеи. Было высказано много догадок. Сошлись на том, что это – тучи гнуса, поднимаемые снизу воздушными потоками. Потом фотографировали плывущих к островам лосей. А затем ВВ шепнул мне, что вот на этом самом, к которому мы приближаемся, лежит скелет большого самца. Который заплыл туда неизвестно зачем... И я нашёл его и обмерил! Исследования превыше всего. Работа – не забываете её! – напоминал нам ВВ.

Однажды сварганили банный день. К бане вела красивая мшистая тропа, а саму баню всегда топили «серьёзно». И ВВ пошёл с нами, двумя студиозусами. Нас предупредили, что парильщик он такой, что «уши свёртываются»! Выдержим ли? Я вытащил из заначки какую-то заморскую шампунь и предложил моим парильщикам-сотоварищам. На что ВВ веско заметил: «В хорошей русской бане нужно обычное хозяйственное мыло! Шампуни всякие – это для душа городского разве что...! И голову им мой, даже не думай!» И протянул мне брусок своего. С тех пор в бане у меня, на даче, всегда лежит добротный кусок старинного хозяйственного мыла.

Однажды мы вдвоём с другом (нас никто не успел предупредить!), радостные и возбуждённые, приволокли с литорального луга кучу грибов! Мы полагали, что несём людям благую весть, и что вечером будет «жарёха»! Вместо этого на нас накричали, был скандал, «хозяева» этой луговины обвиняли нас во всех смертных грехах. Оказалось, что мы «выкосили» участок, на котором студенты из Петрозаводска вели мониторинг грибного сообщества. Когда слух о грибном инциденте дошёл до ВВ, мы уже смирились с тем, что уж начальство-то нас точно высечет розгами (либо выдворит с Ряжкова как персон нон-грата). Однако мудрый ВВ, усмехнувшись, сказал только: «Обратно грибочки не воткнёшь!» И сделал лёгкий выговор петрозаводчанам, дескать, а вы куда глядели? Нужно было предупреждать заранее и громогласно, люди же не знали, а хотели всем нам праздник устроить!

Много можно всего рассказать. Но нужно оставить место и другим, кто так же, как я, подпал в своё время под очарование и мощное влияние этого Человека. Всегда меня поражала улыбка ВВ. Его строгое «скандинавское» лицо со шкиперской бородкой, облагороженное морскими ветрами и продублённое суровым северным солнцем, внушало невольное уважение. И даже – трепетное почитание. Но стоило на нём появиться улыбке (а она появлялась часто и неожиданно!), как сразу становилось ясно всем вокруг – такая улыбка может принадлежать только очень доброму внутри и тонко-душевному человеку. Настоящему Другу – если ты сам окажешься достойным этой дружбы...

24 декабря 2020 г.

СТРОКИ БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТИ

В жизни каждого, кроме родителей и малой родины, есть люди, места и события, которые во многом формируют человека и определяют его судьбу. Данные строки об этом. Они являются сокращенным извлечением из текста воспоминаний, написанных для Альманаха «Ностальгия по Ряжкову», который был с любовью и благодарностью составлен группой ряжковчан разных лет к 95-летнему дню рождения многоуважаемого Виталия Витальевича Бианки.

У авторов этих строк было немного профессиональных взаимодействий с Виталием Витальевичем, поскольку мы не орнитологи. Но его пример многолетнего, безупречного и увлеченного служения науке, Кандалакшскому заповеднику сыграл огромную роль в нашем профессиональном становлении. А остров Ряжков, который во многом ассоциируется именно с В.В. Бианки — в судьбе в целом.

Без всякого преувеличения можем сказать «Судьба наша – Ряжков». И профессиональная и личная. Все определил его величество случай. Хотя с возрастом понимаешь, что любые случайности предопределены.

Слова от Нины (тогда еще Анисимовой) из 1977 г. Весна, конец очередного семестра. Студенты-биологи 2 курса Псковского педагогического института на мероприятии, где обсуждаются вопросы предстоящих полевых практик и тем дипломных работ. Среди прочей информации от руководителя практики звучит сообщение о том, что по согласованию с Кандалакшским государственным заповедником туда должны отправиться двое студентов. Но одна из предполагаемых участниц дуэта сломала ногу и, естественно, поехать не может. Требуется замена. Нет ли желающих поработать на Белом море? Внутренний голос настоятельно посоветовал мне незамедлительно согласиться с этим предложением, а сидящая рядом подруга к нему присоединилась. Решение было принято. Состоялась досрочная сдача сессии и в июне с однокурсником отправились в Кандалакшу. Так, вместо предполагаемой темы по водорослям Чудско-Псковского водоема, появились гидробиологические объекты Белого моря. Помимо сбора материала для «Летописи природы» заповедника, была выполнена дипломная работа по штормовым выбросам на островах Северного архипелага. Впоследствии водорослевый компонент, как объект изучения, сохранился в лишайниках, которые стали основным профессиональным исследовательским интересом, в том числе и кандидатской диссертации.

Слова из 1977 г. от Анатолия Истомина, студента 3 курса Ленинградского государственного университета. Весной в одном из «клубных» мест здания 12 коллегий университета состоялась абсолютно незапланированная встреча с Александровым Данькой, моим однокурсником (ныне профессор НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге Д.А. Александров). Зашла речь о планах на летний полевой сезон. На кафедре зоологии позвоночных с моим предполагаемым научным руководителем Олегом Владимировичем Петровым (он был преподавателем факультета и во времена студенчества В.В. Бианки) уже были определены задачи по сбору материала для диплома в «Лесу на Ворскле» – учебной базе ЛГУ в Белгородской области. На этой встрече от Даниила впервые услышал об острове Ряжков. Как-то очень убедительно и эмоционально прозвучало все из его уст, в том числе, и предложение поменять летние планы и съездить на Белое море в Кандалакшский государственный заповедник. В Белое море не влюбиться нельзя. Это мне было понятно, как уроженцу Архангельской области, да и в 1975 г. часть моей учебной практики проходила на острове Средний Чупинской губы. Наш курс был пионером в освоении и обживании этой, на тот момент новой, базы университета. Решение изменить планы, было принято тут же. После разговора с О.В. Петровым и получения от него согласия, в

Кандалакшский заповедник на имя Бианки Виталия Витальевича направил запрос о возможности приезда и работы по териологической проблематике летом 1977 г. Обстоятельный, а самое главное положительный, ответ от Виталия Витальевича не заставил себя долго ждать. Вот он. См. стр. 78-79.

*Остров Ряжков. Это наш 1977 г.
На фоне знаменитого Белого дома Шефов*

Так мы, студенты разных вузов Анисимова Нина и Истомин Анатолий, в 1977 г. практически одновременно оказались на удивительном острове Ряжков. Если это случай, то совершенно счастливый. Богу, судьбе и всем, кто этому содействовал огромное спасибо.

Два (1977-1978 гг.) совершенно замечательных летне-осенних периода в Кандалакшском заливе: активнейшая работа в поле по своим темам, учет и кольцевание линных уток, сбор

гагачьего пуха, каждодневные хозяйственные хлопоты, банные дни, многочисленные приятные знакомства и общение, Ряжковская дева, бессонные ночи, походы на Горку, посиделки в бухте Песчаной, миражи.... Это навсегда в нашей памяти.

Сложная и динамичная социальная система «Ряжков» в полевые сезоны работала «как часы». Четко, слаженно, практически без сбоев и серьезных накладок, несмотря на выраженную автономность, а иногда и непростые погодные условия Заполярья. Безусловно, главная заслуга в этом «генералитета» острова: Виталия Витальевича и его «правой руки» – Надежды Степановны Бойко. Именно здесь и, благодаря им, стало формироваться наше безмерное уважение к системе особо охраняемых природных территорий, к полевому сезону, который должен быть отработан с минимальными

*о. Ряжков, 1977 г. Виталий Витальевич за работой.
Всецело поглощен и красиво сосредоточен*

потерями времени, требовательность ко всем участникам сбора материала и к себе, в первую очередь.

25.V.1977
Кандамакша

Добрый день Анатолий!

Вашим руководителем в самодеятельном Бюро Надежда Кибановна Бобко - сиб. научный соот. Бюро самодеятельности. О делах ваших работ у нас надо связываться с ней, но Бобко, грр и она далеко не сможет устроит дела. Они - дела работы - в магистерской системе зависят от вас, ваших знаний, опыта и т.д.

Теперь могу написать следующее. Первое время Бюро проводит курсы магистерских курсов по обычной методике (по данным 2-4 курсов), поавизируя сверхков Бюро обрабатывают под руководством Н.Бобко. Обычно первичный материал собирается в самодеятельности, о возможности получения заед его для кафедры Бюро договариваются заед.

В наших ^{еще} работах по магистерским Бюро управляют - зависят от вас.

Добираться вам надо следующим образом: Студии Л-9 - Мурманск до ст. Кандамакша (лучше надо везти заранее!). От ст. Кандамакша до управления самодеятельности (Резная ул., 12) едетесь на автобусе №1. Выбегаете из

Письмо-ответ Вит. Вит. Бианки А. Истомину. Стр.1

автотурсы на оздоровке "Колыцевая". От оздоровки
есть авто в сторону моря, к ТРПСЕ.

От конемоб. "Колыцевой" оздоровки автотурсы
до управления Заповедника около 20 км.

В управлении образуются к сезону и
выполняют ее требования по содержанию своего
хозяйства. У нас же узнайте когда и на каком
транспорте Заповедника нас отвезут на
о. Резерв (он в 12 км. от города). На о. Резер-
вове встретитесь с Надеждой Семеновной, ее
ли случайно не встретите с ней в управлении.

На острове надо будет ехать в 2-х дневном за-
казном предуровне, поэтому можно ехать в Канда-
лашке. Авто и экипажи на Резервове будут в
поисках естественного обитания - бревенчатые домики
на полном самообслуживании. Все мелкие вещи
- мыльные мыло, одежда, обувь, посуда и др. - надо
сразу же иметь свои. В "общественном" - только
корм, сено и кон.

Ваше письмо я передал Надежде Семен-
овне, как только она вернется в Кандалашку
с Мурманом (около 1 июня).

Всего наилучшего!

В. Бианки

(124000 Кандалашка, 2 Мурманской обл.,
Резная ул., 12
В. Бианки)

Виталий Витальевич – ярчайший пример служения науке биологии. Не ради конъюнктурных и эфемерных наукометрических показателей, за которыми с официальной подачи устраивают дурацкую гонку сейчас и в нашем Отечестве, а ради качественного научного результата. И, конечно же, всегда это было для него любимым делом и выполнялось с удовольствием. Великолепным дополнением и педагогическим примером с исследовательской составляющей для нас явилось все то, что было связано с деятельностью юннатских команд Жень Саныча³⁰ и Валь Ванны³¹. Умение объединить, зажечь, организовать, получить результат, сохранить на долгие годы корпоративность всех участников экспедиций разных лет – это дорогого стоит. С огромной благодарностью вспоминаем доверие со стороны Шефов в проведении самостоятельных сборов материала. В том числе довольно длительных и дальних выездов – на Кольское побережье с подъемом в горные тундры, в Порью губу.

Особенно вспоминается сезон 1978 г. Для нас с Юрой Плюсниним (выпускник Томского университета, ныне профессор НИУ ВШЭ в Москве Ю.М. Плюснин) он выдался очень насыщенным и весьма продолжительным. Мы покинули Кандалакшу только в октябре. В сентябре на Ряжкове, кроме В.В. Бианки, лесника и нас с Юрием уже никого не было. Все студенты и даже сотрудники разъехались. Чрезвычайно приятный и продуктивный был месяц. Хорошая погода – на любом море есть бархатный сезон. Плодотворно завершали свои научные дела, готовили базу к зимнему периоду. Сентябрь – период массовых концентраций водоплавающих птиц и время охоты. Вместе с Виталием

*Остров Ряжков. 1978 г. Отплытие на остров Великий на «линных уток».
Инструктаж на судне от Шефа*

Витальевичем периодически патрулировали охраняемую акваторию, предупреждая

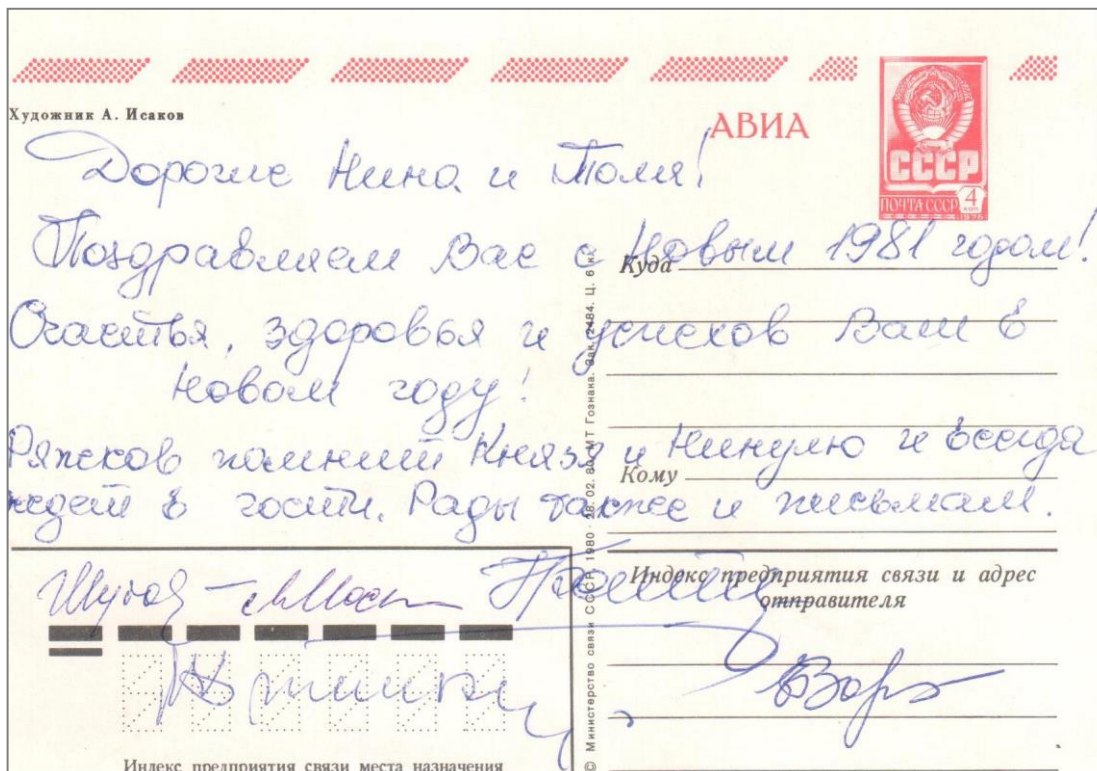
³⁰ Евгений Александрович Нинбург

³¹ Валентина Ивановна Кудрявцева

нарушения заповедного режима. Довольно много общались. Это были интересные и полезные разговоры, причем, не только о науке и хозяйственных заботах заповедника.

Очень многие юннаты и студенты, прошедшие Ряжковскую школу, возглавляемую В.В. Бианки, связали свою профессиональную деятельность с биологией, в том числе с особо охраняемыми природными территориями. Мы, как выпускники этой школы, тоже не избежали такой счастливой участи.

В 1980 г. уже втроем (появился сын Артем) оказались в Центрально-Лесном государственном заповеднике, который в 1985 г. при нашем непосредственном участии, как сотрудников, получил статус биосферного. Как приятно было получать там весточки из Кандалакши! В том числе с напутственными словами поддержки, иногда одобрения и автографами от Шефов. Например, такие.

Это новогоднее поздравление мы получили от «местных ряжковчан» – сотрудников заповедника 40 лет назад

В течение 15 лет мы работали и проживали в Центрально-Лесном заповеднике круглодично. Там появилась на свет дочь Дарья. Не теряем с этим заповедником профессиональных связей и сейчас. Вот уже более 40 полевых сезонов отработано.

Особый год – 1985, когда мне удалось выкроить время в Центрально-Лесном заповеднике, благо были хорошие лаборанты, и приехать на два месяца в Кандалакшу для сбора материала по теме диссертационного исследования. В тот год в конце лета и осенью на Ряжкове почти не было студентов и вообще безлюдно. В Белом доме – Виталий Витальич, в Желтом доме – Сергиевский Сергей (мой однокурсник из нинбуржат, в то время сотрудник Зоологического института) и я. В начале сентября Сергей уехал. Остались вдвоем с Шефом. Благодаря постоянной организационной поддержке со стороны Виталия Витальевича (он «забрасывал» меня на моторке на различные острова Северного архипелага), сбор материала был очень результативным. Из тех осенних ряжковских дней очень запомнились два совместных, на пару с Виталием Витальевичем, события – как сюжеты для коротких рассказов: «Как вытаскивали на берег пирс» и «Как тушили новую баню». И в том, и в другом случаях пришлось изрядно вымокнуть и подмерзнуть. Особенно

в первом, поскольку якоря, которые удерживали головку пирса, глубоко ушли в грунт, надо было за ними нырять и откапывать. А потом были душевные чаепития в Белом доме с разогревающими напитками и приятными беседами с Шефом.

Научная работа шла своим чередом. Мы оба поступили в заочные аспирантуры: я – в ИЭМЭЖ (ныне ИПЭЭ РАН), Нина – в МГУ. В Советах этих учреждений состоялись и защиты кандидатских диссертаций. У Нины – по краснокнижным видам лишайников Центрально-Лесного заповедника, у меня – по островным популяциям и сообществам мелких млекопитающих Белого моря. Материалы из Центрально-Лесного заповедника послужили основой для моей докторской диссертации, где островной проблематике также нашлось место – речь идет о внутриболотных минеральных островах крупного болотного массива.

В середине 90-х в основном перебрались в Псков – в педагогический институт. С тех пор Центрально-Лесной заповедник – только летом в полевой сезон. В вузе, помимо преподавательской работы, довольно скоро для нас возникли и серьезные административные обязанности, которые не позволяли располагать временем вольно. Не удавалось выбраться и в Кандалакшский заповедник. Встречи с уважаемыми Шефами и другими представителями ряжковского сообщества были редкими (конференции, юбилейные мероприятия), но всегда чрезвычайно приятными.

Санкт-Петербург, апрель 2005. На 40-летию Кандалакшских экспедиций Е.А. Нинбурга и его команды. Уважаемый Шеф (справа), Анатолий Истомин (в центре) и Юрий Плюснин (слева)

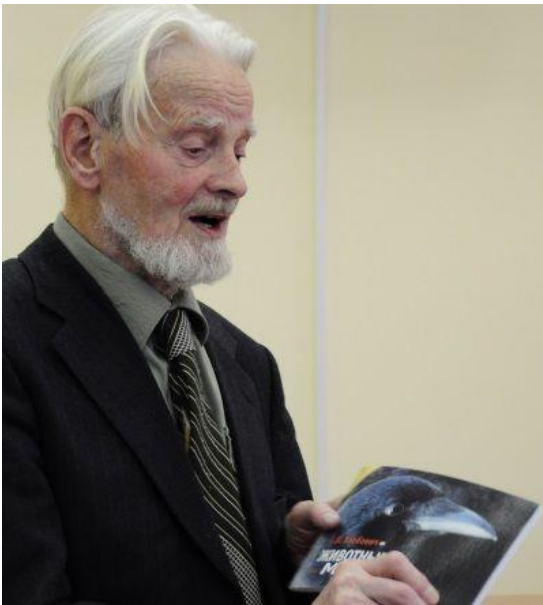
Время летит быстро. Выросли наши дети, уже большие внуки. Проскочили мои 22 года в должности проректора по учебной и научной работе. Столько же лет Нина (давно уже Нина Борисовна) отзаведовала кафедрой ботаники и экологии растений. Вуз за это время из педагогического института стал педагогическим университетом, а затем и классическим университетом. Какая-то и наша лепта в этом, несомненно, есть. Поскольку административный функционал практически остался в прошлом, еще очень надеюсь на возвращение прежней («доадминистративной») научной активности. Пример Виталия Витальевича Бианки – настоящего ученого-биолога, продуктивно и гармонично проработавшего на благо заповедной науки почти 70 лет – удивляет, вдохновляет и обязывает.

Огромное уважение, память и благодарность – навсегда.

ПРИЗВАНИЕ БЫТЬ БИАНКИ³²

Виталий Бианки: «В большинстве случаев мы, люди городов, приходим к природе с помощью родителей»

Природа стала для него профессией и поэзией

*Виталий Витальевич Бианки. 2014 г.
Фото В. Богданова*

Имя Виталия Витальевича Бианки, орнитолога и натуралиста, меркнет по узнаваемости в сравнении с именем его отца Виталия Валентиновича, знаменитого писателя. Но в среде орнитологов книги, написанные им, давно стали классикой, да и сам его вклад в эту науку неоценим.

Виталию Витальевичу 88 лет, и он по-прежнему работает в Кандалакшском заповеднике, с которым связал свою жизнь сразу после университета. Этот худощавый человек с аккуратной седой бородкой — на сегодняшний день последний биолог из рода Бианки. Помимо своих научных трудов, он написал ещё и биографию своего знаменитого деда, зоолога, чьё имя, конечно, тоже меркнет рядом с именем сына. Выглядит Виталий Витальевич как интеллигент, профессор старой школы, но как только заговорит, сквозь слова

незримо проступают леса, нехоженые тропы, красота и суровость Белого моря, у которого он вот уже более чем полвека живёт.

— Виталий Витальевич, вы, как ваш отец и дед, всю свою жизнь посвятили миру природы. Вероятно, всё идёт из детства?

— В большинстве случаев мы, люди городов, приходим к природе с помощью родителей. С раннего детства отец, поскольку именно он обеспечивал семью, старался вывезти нас на лето за город. Во-вторых, у нас, как и ранее у деда, домашняя атмосфера была пронизана интересом к животным. Не только интересом, но и великой любовью. Одно из моих первых воспоминаний связано с поездкой с железнодорожной станции в деревню, на хутор Сосенка. Помню, что путь был долгий, во время остановки я стоял около отца, и он стал называть мне птиц, которые пролетали над нами. Я уж не помню, что это были за птицы, но сам эпизод остался в памяти на всю жизнь.

И вот ещё о чём стоит упомянуть. Было мне, наверное, 12 или 13 лет, мы впервые приехали в деревню Михеево, где я никого ещё не знал, да к тому же первые несколько дней, не прекращаясь, шёл дождь, я не мог никуда выйти из избы — скучал. И в первую возможность я пошел, что называется у горожан, гулять. Изба наша стояла на краю деревушки, а деревушка была в девять изб. Пошёл я в колхозные перелески и случайно увидел гнездо. В нём беспокоились дрозды, а они всегда так шумно это делают, что невольно обращаешь внимание. Я вернулся за отцом, рассказал ему всё, и он пошёл со

³² «Новгородские ведомости» 2014, №26, 18 апреля <https://novvedomosti.ru/articles/actual-interview/29595/>

мной на гнездо посмотреть. Рядом нашлось ещё несколько гнёзд, потому что дрозды-рябинники гнездятся колониями. И это, по всей видимости, тоже подтолкнуло меня к орнитологии.

— **Есть мнение, что если ребёнка в раннем возрасте не вывозить на долгое время из города в деревню, а вывозить, например, в Египет, то чувство любви к Родине у него никогда не сформируется в полной мере, и закат на Красном море всегда будет ему более люб, чем закат в средней полосе России.**

— Я не знаю, насколько необратимы будут эти последствия, но то, что они будут, в этом нет никаких сомнений. Как ни крути, а в воспитании у человека любви к Родине природа играет гораздо большую роль, чем город. А если с малолетства не заложено интереса к родной природе, то, скорее всего, он уже и не возникнет. Я приезжаю в Новгород и радуюсь: какой прекрасный город, нет этих ужасных высоток, как в Питере. У меня ведь квартира была в новом районе. Это просто кошмар. Но, к сожалению, и новгородцы, как и прочие горожане, плохо знают родную природу, животный мир.

— **А для вас в детстве таким местом, где можно было познакомиться с природой, стала именно Новгородчина.**

— Да, отец старался как можно раньше уехать из города, хотя бы в начале, в первой половине мая. На новгородской земле он, страстный охотник, в основном и охотился. Из весеннего ему нравилась вальдшнепиная тяга. Я назвал бы ее поэтической. Охотник находит подходящее место, где вечером пролетают самцы вальдшнепов в поисках самочки, и стоит. Слушает. Вечер, солнце закатывается, поют вечерние дрозды, зарянки, постепенно птичий хор стихает, и всё окутывают сгущающиеся сумерки. Вальдшнепы летят. Охотник стоит: весна, птицы. Это после зимы-то. Городской.

Как ни крути, а в воспитании у человека любви к Родине природа играет гораздо большую роль, чем город. А если с малолетства не заложено интереса к родной природе, то, скорее всего, он уже и не возникнет

— **Вас отец с собой на охоту брал?**

— Конечно. Помню как раз один случай с весенней тяги. Мы с ним стояли на разных полянках, потому что охотники никогда не становятся вместе, и вдруг я услышал какие-то странные звуки. Через минуту навстречу мне вышел молодой самец косули. Если вам приходилось видеть в природе этого маленького оленя, то вы согласитесь со мной, что эти встречи не забываются всю жизнь. Они настолько красивы! Я, конечно, и не думал стрелять — любовался. Да и в лес мы пришли за птицей. Потом отец подошёл, спросил: «Он не напугал тебя?». Да нет, конечно. Наоборот.

— **Вам, наверное, часто задают такой вопрос: как в вашем отце сочеталась такая любовь к животному миру и страсть к охоте?**

— Действительно, все спрашивают. На самом деле очень органично сочеталась. Сам Виталий Валентинович писал: «Как я рад, что родился охотником, ведь это именно ружьё поднимало меня ни свет ни заря, вело в лес...». Я скажу вам как биолог: без животного белка человек не может существовать. Многие этого не признают сейчас, но это закон природы. А для отца как для единственного кормильца нашей большой семьи охота была не просто любимым увлечением, но и возможностью обеспечивать нас. В последние годы люди стали охотиться гораздо меньше, в Европе активно обсуждают вопрос: не стоит ли вообще запретить охоту. Но ведь охота позволяет регулировать численность животных, в особенности хищников. Как же её запрещать? Я работаю в заповеднике, и в последние годы мы стали замечать, что птицы и животные ведут себя совсем иначе, чем раньше, они перестали бояться человека. А всё дело в том, что сейчас нам и в заповеднике запретили регулировать численность животных.

— **С чем это связано?**

— Не буду на диктофон говорить, с чем. Видимо, московское руководство считает, что мы должны только наблюдать, но не вмешиваться в жизнь животного мира. Но смотрите сами, к чему это привело. Кроме всяких других дел, я с помощью помощников в определённый сезон ловлю линяющих уток. Во время линьки они теряют все крупные перья на крыльях, а соответственно теряют и возможность летать до тех пор, пока не вырастут новые. Всё это время они стараются находиться там, где безопасно и много корма, в частности на заболоченных берегах небольших озёр. И вот года три-четыре назад мы делали обход одного из таких озёр. По берегу шли два или три человека и двое — по воде. Когда я был у воды, к нам стала подходить лисица. И подошла очень близко, на 1,5—2 метра, так что я смог ее поймать в сачок. А ведь это ненормальное поведение для здоровой, не бешеной лисицы! Она же умница. Ну зачем она будет так близко к людям подходить? Но эту лису, во-первых, могли в течение зимы подкармливать люди на окраине города, а во-вторых, она, скорее всего, выросла на островах как раз в то время, когда бояться людей стало бессмысленно. Дикие звери и птицы ведь очень умные, они моментально привыкают к изменившемуся поведению человека.

Такое вот невмешательство человека чревато увеличением численности именно хищников, которые, в свою очередь, и не подумают не питаться другими животными. Тогда я был не один и был вынужден лису отпустить. Но ведь она могла передуть уток, ей на суше поймать нелетающую утку ничего не стоит! Теперь, когда мы обходим на острове эти озёра, то видим следующую картину: лисицы приходят парами и на противоположном берегу наблюдают за нами, потому что от нас утки плывут как раз туда. Если там они лис не заметят сами и выйдут на берег, им конец.

Так что ничего дурного в охоте, особенно осенней, нет. Весной охотник, любящий природу, никогда не станет слишком усердствовать, а вот осенью, когда молодняк подрос, совсем другое дело. Кстати, и отец к весенней охоте холодно относился, а осеннюю очень любил.

— Какие основные проблемы стоят сегодня перед орнитологией?

— Конечно, финансирование.

В последние годы птицы и животные ведут себя совсем иначе, чем раньше, они перестали бояться человека. Дело в том, что сейчас нам и в заповеднике запретили регулировать численность животных.

— На что не хватает?

— На обеспечение работы. Ещё мы в заповеднике ощущаем нехватку лаборантов. Да, компьютеры спасают положение, но далеко не полностью. Нужны люди. Совсем нет новых молодых сотрудников, почти все пусть и не такие, как я, но все равно пенсионеры. Молодых двое, и те пришли к нам только потому, что родом из тех же мест, и у них есть возможность жить дома, с родителями. Как бы они смогли жить на свою зарплату самостоятельно?

— А браконьеры встречаются?

— Как и любые нарушители. Но всё же сейчас их стало меньше, хотя бы на тех островах, которые охраняются, потому что мы не можем, увы, охранять все: на это нет средств. Несмотря на все проблемы для меня наш заповедник остаётся лучшим местом на земле. Ещё в 50-х годах, когда я только здесь освоился, мне очень хотелось показать его отцу. Но врачи не разрешили — из-за состояния его здоровья. Мне было очень жаль, ведь сочетание моря и леса всегда ему было очень близко.

ВИТАЛИЙ, СЫН ВИТАЛИЯ³³

*Мы живем на проценты с капитала
впечатлений, приобретенных нами в детстве.*

Виталий Валентинович Бианки

Как-то странно говорить мне о брате как о жителе Кандалакши. Мы-то, семья и друзья, считаем его своим, питерцем. Однако, ведь и то правда – больше 40 лет он живет и работает на Белом море, так что приходится это признать, уступить его Кандалакше. Даже мама наша, Вера Николаевна, долго не могла примириться с отъездом сына, но сдалась и стала сама ездить на лето к нему в Кандалакшу. О работе его в заповеднике я, конечно, кое-что знаю, но в науке орнитологии я не велик специалист, поэтому о научной его работе, думаю, расскажет кто-то другой. А я попытаюсь – о семье и доме, о предках и жизненных обстоятельствах, которые сделали его как человека, так и ученого.

Брат на несколько лет младше меня, но это не мешало нам в детстве играть вместе. В городе зимой мы крутились на трапедии, висевшей в коридоре, устроили себе на двух досках под потолком убежище, недоступное для взрослых, а в деревне – высоко на ветках большой ели. Разница в возрасте вскоре пропала, а теперь, когда нам за семьдесят, с радостью уступлю старшинство.

Жизненный путь брата Виталия прям, всегда целеустремлен. Одними чертами характера это не объяснишь, как у всех людей – слагающих тут много. Да и сам характер – как складывался? Брат – человек спокойный, рассудительный, а казалось бы, должен быть повышенно нервным, возбудимым, если учесть, что за две недели до его рождения отец был арестован, мать в слезах обращалась к друзьям за помощью; с годовалым ребенком ездила из Ленинграда в Уральск, куда был сослан отец. Через три года жизнь семьи вернулась в свою колею. Отец с нами, мы живем все вместе по-прежнему на 3-й линии В.О. Квартира из четырех комнат. У отца – самая маленькая, это его кабинет и спальная. Большая комната – столовая-гостиная – где друзья, задерживаясь у нас в гостях, могут переночевать, а приезжие иногородние иногда и живут подолгу. В детской – мы с братом и няней. Замечательная у нас была няня.

В начале века почти девочкой она пришла в семью Бианки из новгородской деревни, прожила с нами до конца жизни – более 60 лет. «Сашенька – наш друг и помощник» - говорил о ней отец. На ней держалось все домашнее хозяйство, но и нам с братом она уделяла много внимания, успевала читать детские книжки. Когда мне приходится писать об отце, о нашей семье, брат всегда настаивал, чтобы рассказу о нашей няне – Александре Ефимовне Кольцовой – было уделено значительное место. Видимо, признавая ее влияние на себя лично. К школе родители сами нас не готовили. Меня возили в центр города в детский сад при пединституте им. Герцена. А когда пришло время брата, это уникальное детское учебное заведение было закрыто. Система Монтессори, по которой там занимались с детьми, кому-то не понравилась. Но брат удостоен был чести заниматься с самой заведующей этого детского сада. Пожилая уже, мудрая Юлия Ивановна Фаусек приезжала к нам домой. Она так интересно вела занятия, что мне тоже хотелось участвовать. Чтобы подравняться с братом в неумении выводить буквы, я упражняла левую

³³ Печатается по изданию «Бианки: история одного петербургского рода»//СПб: Издательский дом «Петрополис», 2014. – Т.1. С. 370.

руку. Кое-какие учебные пособия из того детсада попали к нам домой, позже занимался по ним наш младший братишка Валя. Бывало, отец звал нас с Виталием в кабинет, садился в кресло перед письменным столом, а мы – к нему на колени. Отец читал нам «Маугли» Киплинга (до сих пор бережно храним этот том с превосходными иллюстрациями Ватагина) или «Гайавату» Лонгфелло в переводе И. Бунина:

Вы, кто любите природу,
Сумрак леса, шепот листьев...

Дальше – школьные годы. Думаю, что уже с этого времени интересы брата Виталия стали сосредотачиваться вокруг природы, ее животного мира. Это естественно и закономерно: он принял эстафету от нашего отца, а Виталий Валентинович – от своего отца. Валентин Львович Бианки был известным ученым зоологом, заведовал Орнитологическим отделением Зоологического музея в Петербурге. О доме нашего деда можно сказать строками А. Блока из поэмы «Возмездие»:

И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
Здесь был религии подобен.

Этот «дух естественных наук» сделал из братьев нашего отца ученых: Льва Валентиновича – энтомологом, Анатолия Валентиновича – метеорологом, а из отца – писателя-натуралиста. Эстафету от деда-орнитолога отец передал сыну Виталию. Пожалуй, тут будет кстати эпизод, рассказанный Анатолием Валентиновичем: «... выслушанный мною когда-то спор между двумя зоологами, мнение которых было для меня одинаково авторитетно. Разговор происходил между моим отцом и Львом Семеновичем Бергом на тему, какие науки интереснее и шире: естественно - исторические ли дисциплины или физика. Отец защищал первые, Берг доказывал, что задачи физики шире и методы исследования более точные, более научные. Мнение Л.С. Берга казалось мне более веским».

В школьные годы мы с братом были юннатами. Я успела походить в КЮН ЗИН АН СССР – громкое название! – кружок был при Зоологическом институте. Самое интересное там было – возможность увидеть и послушать настоящих ученых, сотрудников ЗИН. Куратором кружка был орнитолог Борис Карлович Штегман (кстати, хороший знакомый отца, бывавший у нас дома). Как говорится, по независящим от нас обстоятельствам кружок этот прекратил свое существование, младшие юннаты влились в состав другого кружка – при пединституте им. Покровского. Соединение двух кружков прошло безболезненно, так как руководитель был один – А.М. Котон. Юннаты же были не только знакомы друг с другом, но и ездили вместе в летние экспедиции в Новгородскую область. Членом этого объединенного кружка был и брат. В Новгородскую область, в Мошенской район, пригласил юннатов отец. Пригласил как бы к себе, так как семья наша жила там летние месяцы. Экспедиции юннатов приезжали в 1937-1939 гг. Отец много времени уделял ребятам. «Я учил их птицам» - записано им в дневнике. Бывшие наши юннаты и теперь, через столько лет, с удовольствием вспоминают эти походы в лес. Думаю, что не ошибусь, если скажу и за брата, что нас с ним кружок привлекал компанией сверстников, вряд ли он мог дать больше биологических знаний, чем мы получали от отца. Ведь в детские и юношеские годы мы с начала лета и до осени жили с родителями в деревне. Отец брал нас с собой на короткие выходы и в длительные походы, старался умножить наш «капитал впечатлений». Так же как когда-то Валентин Львович учил сына «узнавать птиц по виду, по голосу, по полету, разыскивать самые скрытые гнезда. Учил по тысяче примет находить тайно от человека живущих зверей». (Из очерка В. Бианки «Отчего я пишу про лес»).

Начало войны неизбежно изменило ход жизни семьи. Но, по сравнению с другими – не намного, так как военнообязанных в семье не было (отец – по состоянию здоровья,

брат – по возрасту). Мы даже остались в деревне на всю зиму и только весной 1942 года отправились в теплушке от станции Хвойной в Молотов-Пермь. Оттуда по Каме в городок Осу. Вот тогда, летом 1943 года, брату пришлось изменить своим интересам и занятиям. Привожу строки отца из письма тех дней: «Старший сын теперь с головой ушел в орнитологические наблюдения и нашел уже с полсотни гнезд. Он уже готовый орнитолог – и со страстью... Третьего дня проводил его в военную морскую спецшколу... Я лишился в нём уже настоящего друга, товарища в орнитологических занятиях и охоте, первого помощника дома». В 1944 г. сначала отец уехал в Москву, а осенью двинулись и остальные члены семьи, по Каме и Волге добрались до Химок. Жили у знакомых в Москве, в Подмосковье. По окончании войны, летом 1945 г., вернулись в Ленинград. Оказалось, что и брат Виталий в Ленинграде, курсант. Но теперь – понтонёр. Очень беспокоило отца, что вскоре по окончании этого военного заведения (Ленинградское военно-инженерное училище), сын – «готовый орнитолог» получит офицерское звание и станет на всю жизнь военным, к чему у него ни дара, ни склонности нет. Тогда была сделана попытка изменить положение. Отец написал письмо А.А. Жданову, объяснил положение и просил об отчислении сына из курсантов. Через некоторое время пришло извещение о том, что просьба удовлетворена, и Виталий может быть отчислен.

Жизнь брата вернулась на ту прямую, которая определялась в ранние годы. Правда не сразу, так как демобилизация призывников его года еще не производилась. Пришлось брату быть солдатом-экспедитором там, где он был курсантом. По демобилизации – биофак Ленинградского университета. Практика на Белом море в Кандалакшском заповеднике. И с тех пор до наших дней постоянная работа как научного сотрудника, защита в Зоологическом институте кандидатской диссертации, позже – докторской. Но об ученом-биологе Виталии Витальевиче Бианки расскажет кто-то другой, я же только о нашем общем детстве и отрочестве, когда, по словам отца, накапливается капитал впечатлений, на проценты с которого мы живем.

Александр Леонидович Мищенко,
Ольга Владимировна Суханова

О ПОЕЗДКЕ С ВИТАЛИЕМ ВИТАЛЬЕВИЧЕМ БИАНКИ В ДЕРЕВНЮ МИХЕЕВО

С В.В. Бианки мы, будучи орнитологами, неоднократно встречались на разных конференциях, но нельзя сказать, что были хорошо знакомы. Однажды мы узнали от нашей коллеги Елены Александровны Лебедевой, что Виталий Витальевич очень хочет посетить деревню Михеево на озере Карабожа в Мошенском районе, где прошли его юношеские годы. Но это его желание было достаточно абстрактным. Лена была знакома с В.В. Бианки с её студенческих лет, когда она неоднократно приезжала в Кандалакшский заповедник для сбора материалов для дипломной работы по кулику-сороке. И мы вместе решили организовать эту поездку. Неоднократно собирались, но она по разным причинам откладывалась. И вот, наконец, в начале ноября 1999 г., благодаря усилиям Лены, поездка состоялась. В её организации немалую роль сыграло наличие «перевалочного пункта» – нашей дачи на озере Великом в том же Мошенском районе, от которой до Михеево по дорогам около 80 км.

*Виталий Витальевич у дома юности. 1999 г.
Фото А. Мищенко*

3 ноября В.В. Бианки и Лена Лебедева прибыли утренним поездом из Москвы в Великий Новгород. Их встретил Владимир Иванович Богданов, замечательный новгородский фотограф (к огромному сожалению, ушедший от нас весной этого года). Богданов был нашим давним другом, поэтому ниже мы называем его Володей. Целый день он водил Бианки по городу, показывал достопримечательности. А днём 4 ноября мы впятером поехали на нашем УАЗике к нам на озеро Великое. Переночевали на даче, а утром поехали в д. Михеево. Бианки постоял у в своего заколоченного дома с мемориальной табличкой, помолчал, вспоминая давно прошедшие годы...

В деревне Михеево в конце 1990-х годов постоянно проживали только две старушки, которые долгие годы были в ссоре и не разговаривали друг с другом. Как же они обрадовались, увидев Виталия Витальевича! Не сразу его узнали, конечно, после стольких лет. И тут вскрылась «страшная тайна», почему они сторонились друг друга. Оказывается, в юности они обе были влюблены в

В.В. Бианки с примирившимися «влюблёнными девушками». 1999 г. Фото А. Мищенко

Бианки: красивого, умного парня! И, поссорившись на почве ревности, с тех пор не общались. Вы не поверите, но приехав с нами в Михеево, Виталий Витальевич примирил старушек между собой, они стали разговаривать и общаться!

Мы провели в Михеево только один день, 5 ноября. Попив чая с пряниками у одной из старушек, Анны Яковлевны, ближе к вечеру мы поехали обратно к нам на дачу. По

*Чайпитие у Анны Яковлевны.
1999 г. Фото А. Мищенко*

дороге, заранее договорившись, заехали в краеведческий музей в пос. Мошенское. Это было ярким событием для тогдашнего директора музея Веры Васильевны Журавлёвой, посвятившей музейный уголок известному детскому писателю-натуралисту В.В. Бианки, отцу орнитолога Виталия Витальевича. Приехав к нам деревню, мы хорошо попарились в бане у наших соседей (своей тогда ещё не было) и переночевали. На следующий

день показали Бианки природные достопримечательности Редровского заказника, а на другой день, 7 ноября, поехали в обратный путь. В Боровичах мы посадили Виталия Витальевича на автобус до Санкт-Петербурга, Володю Богданова - на автобус до В. Новгорода, а сами, втроём с Леной Лебедевой, поехали на УАЗике в Москву, куда прибыли поздно ночью.

Вот такая получилась поездка, короткая, но незабываемая. Виталий Витальевич нам потом написал, что был очень рад, что его мечта сбылась.

23 июля 2021

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Виталий Витальевич побывал в Михееве ещё раз 25 августа 2007 года на Бианковских чтениях. Были там и его сестра Елена Витальевна с Татьяной Николаевной Ульяновой. Виталий Витальевич поделился воспоминаниями о детстве в Михееве, Татьяна Николаевна вспомнила о юннатских походах по Михеевским тропам. Домик Бианки был немножко подремонтирован и открыт для посещения. По словам организаторов Чтений из Мошенской библиотеки, «В.В. был рад до слёз снова посетить эти места. Обошёл за день почти все знакомые и тайные уголки своего детства. С удовольствием вспоминал лесные походы, вспоминал отца, друзей».

*Е.В. Бианки, В.В. Бианки, Т.Н. Ульянова в доме Бианки в Михеево.
2007 г. Фото В. Богданова*

Татьяна Анатольевна Федяева

О ВИТАЛИИ ВИТАЛЬЕВИЧЕ БИАНКИ³⁴

Читая воспоминания Вит. Вит. Бианки о своем детстве и отрочестве, его описание научной работы в заповеднике, приходишь к выводу, что в Кандалакше сохранился в своей первозданной чистоте тот петербургский дух научных исследований и уклад петербургской жизни, который ушел из многих семей, живших в Ленинграде и втором, перестроечном Петербурге. Жизнь и работа в Кандалакшском заповеднике дала Виталию Витальевичу возможность уклониться от ненужных страстей столичной научной жизни, позволила не предать те представления о жизни, которые Бианки унаследовали от деда. Жизнь Виталия Витальевича наполнена каждодневным научным трудом – летними наблюдениями за жизнью птиц на островах Белого моря, осенью и зимой – написанием «Летописи природы», научных статей и книг, участием в орнитологических конференциях.

Он – заслуженный эколог России, автор трех монографий, получивших мировую известность, и более двухсот научных статей³⁵...

³⁴ Бианки Виталий Витальевич, Федяева Татьяна Анатольевна (составители). Бианки: история одного петербургского рода. В 2-х т. – СПб: Издательский дом «Петрополис», 2014. – С. 15-17.

³⁵ Данные на 2014 год. Всего Вит. Вит. Бианки написал около 300 научных и научно-популярных работ.

Всю свою жизнь Виталий Витальевич вёл дневник под названием «Вехи моей биографии», каждому году посвящалось чуть больше половины странички, речь шла только о том важном, что произошло в жизни за прошедший год. Эти записи не предназначались для печати и поэтому не вошли в данную книгу. Тем не менее, они производят сильнейшее впечатление. Позволю себе привести здесь описание двух годов, по которому можно составить представление обо всём дневнике и о его авторе.

1959 год

9 июня в больнице 1 Медицинского института в Ленинграде скончался отец. Привёз маму на лето в г. Кандалакшу и на о. Ряшков.

В заповедник приехал из Окского заповедника новый зам. директора по научной работе, воспитанник В.П. Теплова, Всеволод Николаевич Карпович – паразитолог, окончивший каф. Зоологии беспозвоночных у проф. В.А. Догеля. Последние годы в Окском заповеднике он занимался у В.П. Теплова птицами.

Начало полевой работы на о. Ряшкове 20 мая. 24 июня на Девичьей луде видели гадюку длиной 62 см.

На о. Ряшкове была группа юннатов Ленинградского дворца пионеров под руководством П.Н. Митрофанова и кандалакшских школьников под руководством Г.Х. Мизиринюк.

1960 год

Появилась новая тема: «Факторы, определяющие динамику численности обыкновенной гаги». В марте и апреле дважды проводил авиаучёты гаг в полыньях Онежского залива. С юга полыньи появились невдалеке от о. Мягострова и тянулись к скверу вдоль кромки берегового припая до Кандалакшского залива. Облетели вокруг Соловецкого архипелага.

Весной рассылали с Н.Н. Скоковой анкеты для выяснения распространения широко известных крупных видов птиц, численность которых мала.

Весна была очень ранняя. Уже 24 апреля началась работа на островах. За лето у меня было 9 студентов. 2 июля вышли на катере заповедника в Онежский залив. 3 июля заходили на ББС МГУ (Беломорская биологическая станция – Т.Ф). С 4 по 26 июля работа в Онежском заливе на МРБ, арендованном в д. Гридино. К югу дошли до г. Беломорска. А.М. Сысоев показал интересные места Большого Соловецкого острова и немного помог кольцевать птенцов крачек. Всего пометили там 1683 птенца крачек.

С 16 сентября по 15 октября проводил осенние наблюдения за пролётом птиц в окрестностях с. Вирьмы. Помощницей у меня была лаборант А.Л. Власькина. Впервые наблюдали интенсивный пролёт длиннохвостых синиц. Осенью я разослал опросные анкеты, спрашивая о миграции ополовников, и на основании собранных данных описал их миграцию на севере Европейской части нашей страны.

В декабре был избран народным заседателем Народного суда. Пришлось участвовать в заседаниях суда. Через 2 года был избран народным заседателем повторно.

Читая эти коротенькие отметки о событиях прошедшего года, понимаешь, что мерой жизни и её главным содержанием для Виталия Витальевича был, как и для всех представителей их рода, труд во имя науки. Здесь не места рассказам о «жизни мышьяей суете», о мелочах, о том суетном холостом вращении жизни, в которое вовлечено большинство людей. Только упоминание дел, имён людей, с которыми эти дела совершались, самых значимых событий личной жизни – без комментария и оценок. Смерть боготворимого отца – в одном ряду с кратким описанием повседневных для заповедника исследований, маршрутов, новых тем. Но, на самом деле, эта планомерная целеустремлённость в воплощении задуманного и есть подлинная дань памяти отцу, памятник ему и деду, который создается на протяжении всей жизни Виталия Витальевича как учёного.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

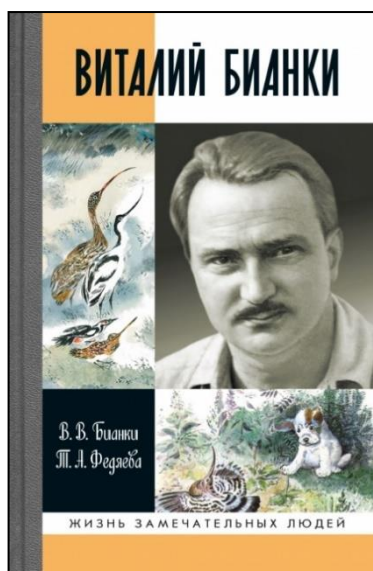
Приведенный выше текст - фрагмент заглавной статьи доктора филологических наук Татьяны Анатольевны Федяевой из книги «Бианки: история одного петербургского рода». Этот двухтомник был написан в соавторстве с Виталием Витальевичем Бианки и вышел в свет в 2014 году. Книга стала Лауреатом Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» в номинации «Наследие» в 2015 году. Презентация книги «Бианки: История одного петербургского рода» состоялась 26.01.2015 г. в Доме писателей Санкт – Петербурга.

*Презентация книги «Бианки: История одного петербургского рода».
Слева направо: Т.А. Федяева, В.В. Бианки, председатель СП России Б.А. Орлов. 2015 г.*

В 2021 году в серии ЖЗЛ вышел еще один совместный труд В.В. Бианки и Т.А. Федяевой – книга «Виталий Бианки»³⁶. В аннотации к ней говорится: «Имя классика отечественной детской литературы Виталия Валентиновича Бианки (1894—1959) известно, без преувеличения, всем. Без его книг и сказок о животных невозможно представить детство многих поколений наших соотечественников и зарубежных читателей. А вот о

³⁶ Виталий Бианки / Виталий Бианки, Татьяна Федяева. — М.: Молодая гвардия, 2021. — 298[6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1880).

полной драматизма судьбе этого человека знают, наверное, немногие. Архив писателя, хранящийся в его семье, и накопленные за последние годы сведения о его биографии и творческом пути дают возможность по-новому взглянуть на этого человека, по-новому прочитать его произведения и увидеть в Виталии Бианки одну из значимых фигур нашей культуры, в чьей судьбе отразились главные драмы и трагедии отечественной истории. Одним из авторов книги является сын писателя, видный отечественный биолог Виталий Витальевич Бианки.

Носкова Ольга Анатольевна

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ ВИТАЛИЯ ВИТАЛЬЕВИЧА БИАНКИ

Всем, кто хоть немного знаком с Виталием Витальевичем Бианки хорошо известно, что он всю жизнь проработал на Белом море, многого добился в орнитологии и даже стал своеобразной визитной карточкой Кандалакшского заповедника. Но гораздо меньше людей знает, что он оставил добрую память о себе и в Великом Новгороде... Именно об этом мне хочется рассказать.

Я впервые встретила с Виталием Витальевичем в начале октября 2004 г. В то время мы с его сестрой, Еленой Витальевной, занимались подготовкой самой первой межрегиональной конференции, посвященной творчеству ее отца В.В. Бианки, которую планировали провести в Великом Новгороде. Елена Витальевна больше склонялась к тому, чтобы раскрыть образ Виталия Валентиновича как «волшебника слова и певца природы». Она собиралась выступить сама и привлечь в качестве докладчиков лучших литературоведов Петербурга.

Мне же казалось недостаточным показать В.В. Бианки в привычной роли известного писателя-натуралиста и исследователя природы. Бесспорно, это в творчестве Виталия Валентиновича самое главное, но были у него и другие таланты, о которых почти не упоминалось. К этому моменту наша библиотека уже получила согласие об участии в конференции алтайских коллег, которые хотели рассказать о том, как будущий писатель учительствовал в Бийске. Писатель Святослав Сахарнов также готовил доклад о Виталии Валентиновиче как наставнике молодых авторов – натуралистов. Кроме того, казалось уместным осветить связи В.В. Бианки с новгородской землей, раз уж конференция будет проходить в Новгороде. С этой целью готовили свои выступления сотрудники новгородского музея-заповедника, областного архива, педагоги и библиотекари.

Окончательное решение было принято после приезда в Петербург Виталия Витальевича. Накануне Елена Витальевна позвонила мне в библиотеку: «Жду вас завтра у себя. Приехал мой брат. Он тоже хочет участвовать в конференции».

На тот момент я ничего о брате Елены Витальевны не знала (только то, что он младший), поэтому на следующий день входила в ее гостиную не без волнения. Мне навстречу поднялся седовласый человек с бородкой, среднего роста, стройный и подтянутый. Голубые глаза на обветренном загорелом лице смотрели пытливо, с

интересом. Познакомились и сразу же приступили к обсуждению программы будущей конференции. Виталий Витальевич говорил мало, больше слушал. В итоге общими усилиями тема была сформулирована так: «Виталий Бианки – писатель, ученый, педагог»³⁷. Региональный компонент в названии решили не упоминать, но краеведческая тематика на конференции была представлена достаточно широко.

В.В. Бианки и участники конференции «Виталий Бианки: писатель, ученый, педагог». 14.02.2005 г. Слева направо: Носкова О.А., Седова Л.И., Бианки В.В., Цехановская Н.А.

Возвращались от Елены Витальевны мы уже вместе. Шли к метро через парк Лесотехнической академии. Виталий Витальевич умудрялся услышать пение птиц даже в условиях мегаполиса. Во время дороги он неоднократно привлекал мое внимание к птичьим голосам: «Вы только послушайте... Это удивительно! Вот опять! Слышите?». В этот момент он останавливался и замирал, прислушиваясь. Сейчас я, к своему стыду, не помню, о каких именно птицах он говорил, но

последующие его слова врезались в память. Виталий Витальевич тогда с горечью сказал, что большинство зимующих в городе птиц не доживает до весны. Глаза сразу защипало. Пернатых действительно стало очень жалко. Я задумалась: «Может можно как-то помочь нашим птицам?». Уже в Новгороде мы обсудили этот вопрос с методистами Центра дополнительного образования детей³⁸ и решили провести среди новгородских школьников конкурс по изготовлению птичьих кормушек. А потом, когда конкурс завершился, вместе с ребятами развесили кормушки вокруг школ и нашей библиотеки.

С Виталием Витальевичем мы снова встретились через 4 месяца на конференции в Великом Новгороде уже как добрые знакомые. С этого времени и до 2015 года он много раз приезжал в наш город и как участник последующих Бианковских конференций 2008 и 2014 годов, и как гость детской библиотеки имени В.В. Бианки. Выступая перед аудиторией, Виталий Витальевич всегда говорил негромко, но увлеченно. Мгновенно преображался, если речь шла о птицах. Возможно поэтому и взрослые, и маленькие новгородцы всегда слушали его с неизменным интересом.

³⁷ Материалы конференции доступны по ссылке <https://bianki.biblionika.info/biblioteka/vitalij-bianki%E2%80%93pisatel-uchenyij-pedagog.html>

³⁸ Полное название - Центр организационно-методического сопровождения процесса дополнительного образования и воспитания детей гимназии №3.

*Вит. Вит. Бианки с читателями детской библиотеки
г. Великий Новгород, февраль 2006 г.*

Виталий Витальевич отличался исключительной деликатностью, какой-то особой интеллигентностью и даже сдержанностью в проявлении чувств. В нем совсем не было «маститости» признанного ученого и величия представителя знаменитой фамилии. Только доброжелательность и уважение к собеседнику. На официальных мероприятиях он сам никогда не привлекал к себе внимание, а обычно уходил в тень, чаще всего своей старшей сестры или ее сына Александра Михайловича Бианки.

*Заведующая детской библиотекой им. В.В. Бианки Л.М.
Криволицкая на презентации двухтомника «Бианки: история
одного петербургского рода». 2015 г., Санкт-Петербург.
Фото из архива библиотеки*

В то же время Виталий Витальевич был удивительно понимающим и неравнодушным человеком. Он очень ценил усилия, которые прилагала детская библиотека для популяризации творчества его отца, поэтому всегда старался нам помочь. Зная о финансовых трудностях библиотеки, Виталий Витальевич частенько сам, из своего кармана, оплачивал дорожные расходы на поездки в Новгород, не позволял платить за себя, как за приглашенного гостя, в кафе и ресторанах; чаще всего случалось наоборот. Он

всегда приезжал в библиотеку с подарками – целой стопкой востребованных читателями книг. В 2015 году заведующая детской библиотекой Л.М. Криволицкая ездила в Петербург, в Дом писателей, на презентацию двухтомника «Бианки: история одного петербургского рода», который Виталий Витальевич подготовил в соавторстве с Татьяной Анатольевной Федяевой. После рассказа Людмилы Михайловны о деятельности библиотеки она получила эти книги в подарок из рук Виталия Витальевича. Надо ли говорить, что она была счастлива!

Не могу не упомянуть и еще один случай, который произошел в 2014 г. во время проведения конференции «Содружество под флагом Виталия Бианки», на которую съехались представители библиотек, носящих имя писателя, из разных регионов России. Второй день конференции, менее официальный, проходил на базе детской библиотеки им. В.В. Бианки. Виталий Витальевич на секции экологического краеведения рассказывал о своих любимых птицах Белого моря. После его выступления, в перерыве, мы с коллегой из Нижнего Новгорода подошли к нему пообщаться. Спонтанно завязалась беседа о трудностях, стоящих в наши дни перед бюджетниками. Мы сошлись во мнении, что главная проблема – нехватка финансирования. Нижегородский библиотекарь посетовала, что они совсем не получают денег на покупку новых книг. Тогда Виталий Витальевич достал из портмоне и подал ей 5 тысяч рублей (почти половину зарплаты библиотекаря в то время). – Женщина растерялась... – «Берите, берите. Купите в свою библиотеку новые книги для детей. Мне самому немного надо, а у вас необходимость», – сказал он.

В.В. Бианки и А.М. Бианки с участниками конференции "Содружество под флагом В.В. Бианки". Детская библиотека им. В.В. Бианки. Великий Новгород, 16.04.2014

Можно привести и другие примеры, которые характеризуют его как человека светлого, бескорыстного и в высшей степени порядочного. Именно таким Виталий Витальевич и остался в моей памяти. Я всегда буду вспоминать о нем с большой теплотой, уважением и благодарностью.

Инесса Антоновна Почётова,
Леонард Эдуардович Бриккер

СУДЬБА АРХИВА ФОТООХОТНИКА

Речь пойдёт об архиве известного фотографа-анималиста, охотоведа, Почетного члена «Росохотрыболовсоюза», очеркиста Виктора Николаевича Михайлова³⁹. Жизнь его была тесно связана с Новгородским краем, он был товарищем и ровесником Виталия Витальевича Бианки.

Вот что писал В.В. в письме окуловскому краеведу Л.Э. Бриккеру много лет назад:
20 февраля 2000 г.

Кандалакша

*Виктора Николаевича Михайлова и его брата Льва Николаевича я достаточно хорошо знал. Виктор работал в г. Череповце до пенсии, после чего, если не ошибаюсь, вернулся на родину в Боровичи. К сожалению, я не знаю его адреса, т.к. давно не переписываюсь с ним. Во время череповецкого периода жизни Виктор увлекался фотографией, в частности фотографировал медведей в и около Дарвинского заповедника. Он присылал мне свои снимки, некоторые из них помещены в Трудах Кандалакшского заповедника. Снимки его были высокого качества... Природу Виктор Николаевич любит и знает. **Если есть возможность найти и связаться с ним, это стоит сделать** (выделено нами – ред.). Его младший брат Лев Николаевич – строитель. Много лет жил и работал в г. Апатитах Мурманской области. Будучи на пенсии переехал в Кандалакшу. Скончался в 1999 г. С обоими братьями я всегда с удовольствием общался.*

Сергей Николаевич Поршняков «пригрел» в 1941 году любознательного мальчика Витю, любящего природу. Вероятно, Виктор работал в музее. Что и как было тогда в Боровичах, не знаю. Но это еще одно доброе дело, сделанное Сергеем Николаевичем.

Чудо, но в Боровичском краеведческом музее сохранилось письмо Виталия к Виктору⁴⁰ (письму 80 лет!):

Открытка от Виталия Витальевича Бианки от 13.12.1942 г. из г. Оса. Штамп Просмотрено цензурой. Получено в Боровичах 23.12.1942г.

Куда: г. Боровичи, Ленинградской области⁴¹

Краеведческий музей

Виктору Николаевичу Михайлову

Откуда: г. Оса Молотовской области⁴²

Интернациональная ул., д. 36

В. Бианки

13. XII. 42

³⁹ Михайлов В.Н. (1926-2003), учился в школе в Боровичах, занимался в кружке при краеведческом музее. Директор музея С.Н. Поршняков, чтобы помочь семье, принял пытливого 15-летнего мальчика на работу в музей и.о. научного сотрудника. Он проработал в музее с 1.12.41 по 23.02.43 г. В 1943-1960 гг. В.Н. работает старшим коллектором в различных геологоразведочных партиях треста Ленуглеразведка. В 1962 г. семья переехала на жительство в г. Череповец. Здесь нашлась любимая работа охотоведа в Обществе охотников и рыболовов, увлекся фотоохотой. В должности гл. охотоведа он публикует статьи в газете «Красный Север», охотничьих журналах и книгах, журнале «Глобус» (Бианк. альманах №6 «Виталий Бианки и охотники». - С. 27-30: <https://bianki.biblionika.info/biblioteka/biankovskij-almanax-vyip.-6.-v.v.-bianki-i-ego-druzya-oxotniki.html>).

⁴⁰ Боровичский краеведческий музей, ф.46.

⁴¹ Г. Боровичи в то время входил в состав Ленинградской обл. С 1944 г. является районным центром Новгородской обл.

⁴² Ныне Пермский край

г. Оса

Привет Виктор!

Сегодня отец получил от тебя (надеюсь, что не обидишься на ты) открыточку.

Узнал я о твоём желании, решил написать.

Немного о себе, чтобы знать с кем имеешь дело. Кратко. С 1926 года [рождения], учусь в 8 классе, прошлый-то год пропустил в Михееве. Занимаюсь орнитологией с отцом. Вот и всё.

Этой осенью интересных наблюдений почти не было. Да и сказать-то трудно, т.к. ещё собранный материал не обрабатывали. Поохотились же хорошо, вдвоем взяли 150 птиц, да зверей шт. 50.

В Осинском краеведческом музее всякая ерунда, достопримечательности района: двуглавые теленок и ягненок, и прочее. Отец пробовал расшевелить музей, но никто не поддаётся.

Всего хорошего! Пиши. В. Бианки

Вероятно, из юношеской переписки Виктора и Виталия больше ничего не сохранилось...

Оказалось, что Виктор Николаевич ещё в 1994 году приехал на жительство в п. Комарово Любытинского района Новгородской области. Но нашёл его журналист А.В. Коткин, к сожалению, лишь в 2003 году. Он пишет: «Когда я приехал в Комарово, Виктор Николаевич был уже очень слаб. Хорошо, что мог говорить, да и вообще чудо, что я успел вовремя приехать и опубликовать очерк при его жизни — выбил место в газете, целый разворот вне очереди — спасибо редактору...»

22 марта 2003 года газета «Новгородские ведомости» опубликовала статью Алексея Неволина (псевдоним журналиста и орнитолога А. Коткина) «Дистанция удачного фотовыстрела» о Викторе Николаевиче Михайлове с несколькими фотографиями «героев» его фотоохоты. Это была последняя прижизненная публикация об этом замечательном человеке, так как через несколько дней, 30 марта 2003 года, его не стало.

Виталий Витальевич Бианки узнал о кончине своего давнего товарища, видимо, только в 2005 году. Его реакция - ещё один яркий штрих к портрету Личности В.В.

Из выступления Л.И. Бондаревой на научно-практической конференции «Виталий Бианки и Новгородский край: новые известия» (28-29 февраля 2008 г., Великий Новгород):

*«... В библиотеку⁴³ пришло письмо от Виталия Витальевича Бианки. Он сообщил о том, что в 1941 году у директора Боровичского музея С.Н. Поршнякова был помощник – юноша Виктор Михайлов, ставший впоследствии известным фотоохотником, снимавшим не только приглянувшихся ему зверей и птиц, но и крупных животных, особенно медведей, снимки которых оказались наиболее удачны. В.В. рассказал об уникальном архиве В. Михайлова, в котором имеются фотографии, негативы, письма и другие документы. По мнению В.В., всё это необходимо сохранить, как редкое достояние. Поэтому он просил библиотеку посодествовать в этом **необычайно важном** деле.*

Мы написали письмо вдове В. Михайлова и получили приглашение приехать в д. Комарово, что в Любытинском районе. В доме Ольги Дмитриевны (вдовы) буквально всё было посвящено Виктору Николаевичу, дышало им, говорило о нём, начиная от фотографий, картин, эстампов на стенах до стеллажей, сделанных его руками и хранивших его переписку со многими известными писателями и охотоведами: Н.И.

⁴³ Имеется в виду детская библиотека имени В.В. Бианки муниципального учреждения культуры «Городские библиотеки» Великого Новгорода (с 2010 г. переименована в МБУК «Библионика»).

Сладковым, Е.И. Фрейбергом, А.И. Формозовым, А.С. Онеговым, И.Д. Никольским, Н.Д. Митрофановым и другими. Часть этого архива вдова В. Михайлова передала в нашу библиотеку».

Это 16 папок, в которых собрана переписка Михайлова с известными писателями и охотниками. Две очень ценные папки с письмами Вит. Вит. Бианки, адресованными Виктору Николаевичу (с 1960 по 1983 гг.). Всего примерно 60 писем и открыток, не считая фотографий и научных статей.

Вот письмо В. В. Бианки от 30 января 1983 года: *«Очень жаль, что не удаётся увидеться, пообщаться, так мало людей, с которыми хочется поговорить, побыть вместе, и так все разбросаны».* (Далее – о работе, об изменениях в Кандалакшском заповеднике).

В Кандалакшском заповеднике В.Н. бывал, вероятно, как гость В.В. Бианки. Однако Виталий Витальевич очень хотел, чтобы В.Н. постоянно работал в заповеднике, в течение нескольких лет пытался устроить его в штат, но дирекция кандидатуру Михайлова несколько раз отклоняла из-за непрофильного образования. Почти в каждом письме за 1960-62 гг. Виталий Витальевич пишет об этом.

Кроме этого, в архиве, хранящемся в детской библиотеке имени В.В. Бианки, имеются две толстые папки с названием «Фотоохота» (статьи, отправленные в журналы, переписка с издателями, фото, черновики статей).⁴⁴

В письмах В.В. Бианки Виктор Николаевич сетует, что не может хорошо описать свои наблюдения: *«Нет удовлетворения от того, что многие удачные снимки лежат почти без движения. Местные газеты, правда, охотно их публикуют, изредка некоторые идут в журналы «Костёр» или «Глобус», но всё это от случая к случаю и только по своей вине, так как надо к снимкам писать, а на это нужен особый дар. Интересных наблюдений много, но рассказать о них не могу (7 января 1978 г.)».*

Другую часть архива (большое количество негативов, слайды и альбомы с фотографиями) вдова передала А.В. Коткину. Он сообщил нам: *«Они долго у меня лежали, в конце концов я передал всё это добро в Бианковскую библиотеку, где у меня это с радостью приняла библиотекарь, которая вела эту тему».*⁴⁵

Были в архиве два альбома: первый альбом из двух частей, в первой – фотографии медведей, во второй – птиц. Второй альбом назван "По местам заповедным", издан секцией фотоохоты Череповецкого районного общества охотников Вологодской области. Первая часть - Дарвинский заповедник: фото его обитателей, природы, работы по кольцеванию и т.д. Вторая часть - Кандалакшский заповедник, примерно, то же самое. Альбомы оказались в другой библиотеке, и необходимо их возвращать.

В процессе подготовки этого материала мы нашли информацию об открытии 6 июля 2021 года в Любытинской районной библиотеке виртуальной выставки «Этюды фотоохотника» (автор Светлана Катышева), посвящённой 95-летию со дня рождения В.Н. Михайлова. С.В. Катышева предоставила возможность читателям альманаха познакомиться с этой замечательной выставкой по ссылке https://vk.com/videos162264781?z=video162264781_456239820%2Fpl_162264781_-2.

Кроме того, С.В. Катышева сообщила нам, что оставшаяся часть архива Виктора Николаевича теперь перешла к семье внука и находится в Любытине (внук живёт в Санкт-Петербурге). С её слов, *«в архиве достаточно много фотографий фотоохотника,*

⁴⁴ Примером может служить статья В.Н. «На медвежьих тропах», отправленная в журнал «Охота» №9 за 1987 г., которую любознательный читатель может найти в Интернете по ссылке <https://www.comgun.ru/ohota/5211-na-medvezhih-tropah.html>.

⁴⁵ Скорее всего, это было в 2008 г., но не ранее февраля.

которые использовались (далеко не все) в подготовке выставки. Есть там и фото В.Н. с разными людьми, в том числе, как минимум одна, и Виталия Витальевича. Есть и документальный материал. Мы договорились с родственниками о работе с архивом в следующем году».

Что касается работы с архивом, хранящимся в детской библиотеке имени В.В. Бианки, то использовался он неоднократно в 2005-2007 годах, когда библиотека организовала несколько посвященных ему мероприятий и выставок. Особенно впечатляющей была фотовыставка В.Н. Михайлова «Остановись, мгновенье» в феврале 2006 года в рамках Недели изучения творчества писателя-натуралиста В. Бианки. А в 2008 году состоялось выступление Л.И. Бондаревой на конференции «Виталий Бианки и Новгородский край», которым она подвела своеобразный итог работы с архивом Михайлова.

После этого выступления начались попытки библиотеки передать архив в Боровичский музей (были телефонные переговоры, электронная переписка). Весной 2009 г. музей ответил, что решить вопрос о принятии архива В. Михайлова в фонды музея возможно при получении описи всех имеющихся документов и материалов. На тот момент это по ряду причин оказалось для библиотеки непреодолимым препятствием. Потом, как это часто бывает, текущие дела оттеснили работу с архивом Михайлова на задний план. И, как оказалось, на много лет.

Но вот мистическим образом Виталий Витальевич после своей кончины напомнил о своей просьбе сохранить архив В. Михайлова. Детская библиотека имени В.В. Бианки с помощью общественности приступает к работе по описи архива с надеждой передать его в музей города Боровичи и Боровичского края (филиал Новгородского государственного музея-заповедника). По нашему мнению, это будет лучшим вариантом выполнения завета Виталия Витальевича. Да и Виктор Николаевич, наверное, был бы доволен таким решением.

Публикации:

Тот самый Михайлов / К. Соболева // Любытинские вести. – 2005. – 8 июня.
С любовью к природе/ Е.С. Нетребина // Чело. – 2006. - № 1.- С. 96- 99.

Андрей Владимирович Коткин

ДИСТАНЦИЯ УДАЧНОГО ФОТОВЫСТРЕЛА⁴⁶

Другая жизнь

Мне это имя было знакомо еще с начальной школы, с тех самых пор, когда сначала в журнале "Костер", а потом в "Науке и жизни" стал обнаруживать фотографии за подписью "В. Михайлов (Череповец)". В основном снимки представляли читателю разных птиц, которых вживую я в то время еще не встречал. Пестрая скопа, удивленно встопорщившая хохол. Кривоклювый кроншнеп, одиноко стоящий на коряге, что выросла в болотный мох. Черно-белые селезни-гаги, кольцом поклонников окружившие скромно окрашенную самку. В испуге взлетевшая стая куличков-чернозобиков. Раздувшийся от важности тетерев-косач на току...

⁴⁶ «Новгородские ведомости», 22 марта 2003 г. С разрешения автора печатается с сокращениями (ред). В статье размещены фотографии медведей, сделанные В.Н. Михайловым в Дарвинском заповеднике ориентировочно в конце 60-х – 70-е годы.

Это была другая жизнь - дикая, далекая от городской обыденности. Выхваченные из природы кадры притягивали взгляд, почти завораживали, заставляя мальчишку вновь и вновь открывать журналы на заветных страницах. А когда в средних классах родители выписали мне "Охоту и охотничье хозяйство", я и там увидел работы череповецкого фотоохотника.

А.В. Коткин. Фото из личного архива.

Но еще больше, чем птицы, воображение поражали фотоснимки медведей - лохматых и гладких, добродушных и не в настроении, в компании с медвежатами и без. По ряду признаков было заметно, что звери эти по-настоящему принадлежали дикой природе, а не приведены из цирка и временно отпущены погулять в лесопарке. Один кадр запомнился особо: мощная медведица делает очень недружелюбный выпад в сторону фотообъектива, а рядом бегут в сторону медвежата. Под снимком стояла краткая подпись: "Пугает...".

Уже тогда я понимал: сфотографировать медведя в европейской тайге - совсем не то же самое, что на Камчатке или Аляске, где косяластые выходят порыбачить во время лососевого нереста и со всех сторон видны как на ладони. Да, понимал, однако даже не подозревал, что получить разъяснения удастся много лет спустя лично от автора снимков.

Тот самый Михайлов

Когда мне сказали, что в любытинском поселке Комарово живет пенсионер Михайлов, большой любитель природы и фотографии, первой мыслью было: "Неужели тот самый?!". Да, подтвердили мне, кажется, из Череповца. Очень просит привезти ему книгу Бианки "Птицы Боровичского края".

Обстоятельства не позволили поехать в тот же момент. Тем не менее вот оно, наконец, Комарово, вот она, Речная улица, а вон в том доме, показали, живет Виктор Николаевич Михайлов с женой Ольгой Дмитриевной. Она и отперла на стук.

Из полумрака сеней попадаю в светлую комнату, и первое, что вижу, - большая фотография на стене, из тех самых, виденных ранее: человек в берете и с "Фотоснайпером" в руках, а перед ним здоровенный мишка увлеченно поедает нечто вкусное на земле. Отпали последние сомнения - тот самый Михайлов.

Тут же словно "проявились" и другие фотографии на стенах. А у одной из стен, на кровати, и автор. Знакомимся. В последнее время недуг

задал Виктору Николаевичу строгий постельный режим, иссушил тело, но с духом ему нипочем не справиться: глаза человека на подушке смотрят пылливо, весело и, я бы сказал, молодо. Хотя на восьмом десятке чаще потухшие взгляды встречаются. Особенно в наше, как сверхмягко принято говорить, "непростое время".

Какими путями попал из промышленного Череповца на относительно чистую Новгородчину? Так ведь он сам местный, детство в Боровичах прошло, а супруга - комаровская. Мальцом Витя Михайлов целыми днями пропадал в Боровичском краеведческом музее, и его основателя, Сергея Николаевича Поршнякова, своим главным учителем считает. Именно здесь появился у Вити интерес к природе и ее обитателям, а музейную экспозицию до сих пор едва ли не наизусть помнит - с чучелами зверей и птиц, с геологическими и палеонтологическими образцами, коими богат район Горной Мсты.

Без подобной экспозиции, убежден Виктор Николаевич, краеведческий музей неполноценен, недоделан. А сейчас в Боровичах вот именно так, и это его очень огорчает.

Безусловно, он прав. Не может быть краеведения в отрыве от природы. Но что делать, если руководство музея, которое даже не в Боровичах, а в Новгороде, видимо, считает по-иному, и некогда отдел природы даже в Новгородском музее-заповеднике потихоньку был низведен до сектора при отделе атеизма, а потом, когда об атеизме неловко говорить стало, и вовсе упразднен. К счастью, при этом коллекция сохранилась и, переданную в университет, ее все же могут увидеть хотя бы студенты-биологи и школьники.

Что же касается музея боровичского... Вряд ли станут менять уже утвержденную концепцию его, да еще накануне переезда в новое здание. К тому же и пропагандировать природу путем показа чучел как-то неэкологично. И все же наверняка могло бы найтись место для рассказа о ней в сопровождении, например, прекрасных фотографий Михайлова.

Результат стоит усилий

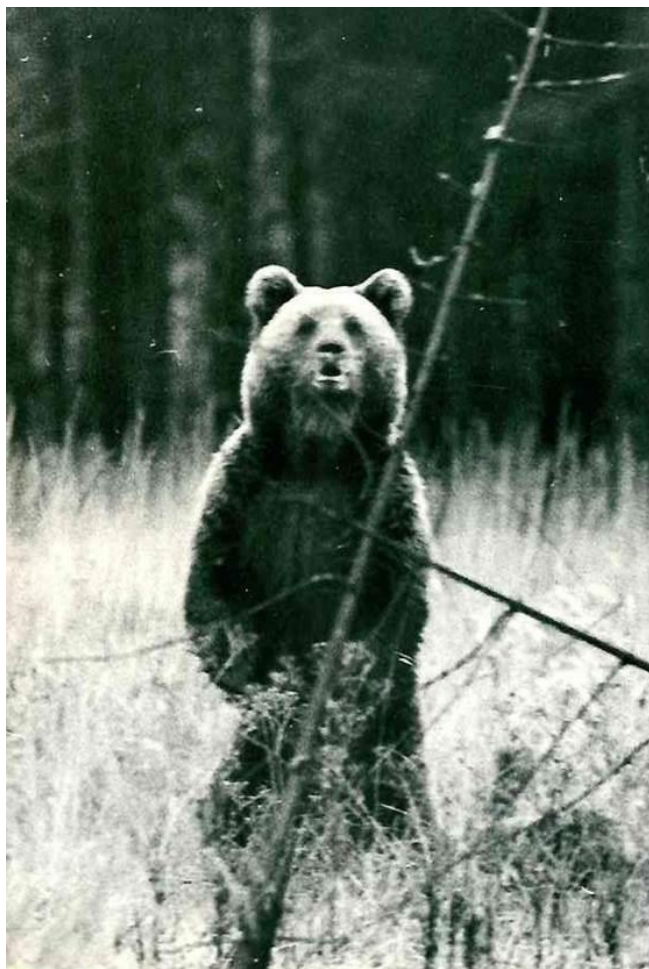
Ольга Дмитриевна приносит из соседней комнаты стопку альбомов. Фотографии в них наклеены аккуратно, с любовью, под каждой подпись: кто сфотографирован, когда и где, иной раз и примечание об обстоятельствах съемки. Видно, что автору снимков безразличны плоды его усилий, представление о которых имеет только он сам да такие же по-хорошему одержимые люди.

Безусловно, фотоохота куда сложнее охоты с ружьем. Но и интереснее. Выследить нужную птицу и подкрасться к ней непросто, однако потом ты нажимаешь на курок, и все кончено: дичь либо улетела, либо убита. В фотоохоте же выслеживание и подкрадывание - только начальный этап.

Во-первых, дистанция для удачного фотовыстрела стократ меньше необходимой для выстрела дробовым зарядом. Если птица крупная, возможно, хватит и 20-25 метров, если же ты хочешь снять кулика или дятла, да еще во весь кадр, подкрасться надо на 5-6 метров, не меньше. Во-вторых, недостаточно просто нажать на спуск. Важно учитывать освещенность, закрыт ли объект съемки травинками или веточками, в какой позе он стоит (сидит, лежит)... Но и результат зато стоит потраченных усилий.

В альбомах Виктора Михайлова отыщешь большую часть пернатых Северо-Запада России, в том числе редко попадающихся на глаза. Совершенно очевидно, что снимки делал глубоко знающий животный мир человек. За птичьими портретами он отправлялся не только в окрестности Череповца и соседний Дарвинский заповедник на берегах Рыбинского водохранилища, но и в Кандалакшский заповедник на Белом море, где до сих пор работает его добрый друг, орнитолог Виталий Витальевич Бианки, сын знаменитого писателя-натуралиста.

«Мне было очень важно получить эту книгу, поддержать ее в руках, - сказал Виктор Николаевич, листая "Птиц Боровичского края", - ведь я видел ее рукопись одним из первых, когда она попала в наш краеведческий музей...».

Жизнь Михайлова оказалась тесно связана с писательским "кругом Бианки", в который входили Алексей Ливеровский, Виталий и Кронид Гарновские, Николай Сладков... Это были охотники, как и он сам. Это был одновременно и круг его общения, и круг его чтения.

А в Череповце образовался небольшой круг увлеченных фотоохотой людей, работы которых демонстрировались и на местных, и на всесоюзных фотовыставках, публиковались в центральной прессе и в книгах. И все эти годы вместе с Виктором Николаевичем ездил и ходил в поисках неповторимых кадров его старший друг, врач Мстислав Владимирович Березовский (к сожалению, три года назад умерший). Даже некоторые кадры у них получались одинаковые.

Узнав теперь об этом, я получил ответ еще на одну загадку, давно меня мучившую. В одном из журналов за подписью Михайлова была опубликована фотография четырех медведей, настороженно глядящих на фотографа с

другого берега речки или озера. Спустя какое-то время совсем в другом издании мне попала та же самая фотография, только за подписью "М. Березовский".

"Как же так? - ломал, помню, я голову. - Выходит, Березовский - псевдоним Михайлова, что ли? Или Березовский слямзил у Михайлова снимок и выдал за свой? Или наоборот?"

На самом деле, оба оказались в нужное время в нужном месте.

Бок о бок с Белобокой

Но читателю, однако, интересно, как же все-таки можно ухитриться сфотографировать медведя среди лесной чащи и притом с близкого расстояния, чуть ли не в упор.

Разумеется, мало узнать от знакомого егеря, где держится искомый зверь. Мало добраться до места и найти мишку самому. Однодневной "прогулкой" туда и обратно не отделаться. Придется походить за топыгиным не один день, постепенно сокращая расстояние. Потому что, если сунуть ему в нос объектив, обрадованно подбежав, фотография, возможно, и получится, только всего одна, и печатать ее будете уже не вы. Медведь - это вам не заяц, хотя тоже может убежать от вас, чтоб не связываться. И при таком раскладе, понятно, снимка тоже не жди.

«Самое главное, - рассказывает Виктор Николаевич, - не появиться перед медведем неожиданно, этого вообще никакое животное не переносит. Надо запастись терпением и издали привлечь внимание кормящегося зверя, громко разговаривая, ходя у него на виду и делая вид, что вам до него нет никакой заботы, вы своим делом занимаетесь - тоже ягоды

собираете, корни выкапываете или траву щиплете. Через несколько дней он к вашему виду привыкнет, не будет вас опасаться и обращать на вас пристальное внимание...».

Михайлову с Березовским очень повезло, что они удачно познакомились с одной медведицей, обитавшей в Дарвинском заповеднике, которая из-за отметины на шерсти получила прозвище Белобокая. Они встречались с ней много раз, фотографируя ее на протяжении пяти или шести сезонов. За это время Белобокая настолько привыкла к этим людям, что подпускала их на довольно близкое расстояние даже тогда, когда водила троих шустрых медвежат. Доверяла и лишь

обозначала недовольство, если фотоохотники, по ее мнению, слегка зарывались. Вообще же, любой охотник скажет вам, что нипочем не хотел бы повстречать медведицу с малышами, оказавшись при этом без ружья. Да и с ружьем - не очень...

В одной из папок, вынесенных Ольгой Дмитриевной, я обратил внимание на письмо от Виталия Бианки-младшего, датированное 1975 годом. Орнитолог писал другу о том, как был счастлив, отправившись на корабле из Владивостока в редкостный туристический круиз по тропическим островам: Тайвань, Филиппины, Борнео, Целебес (случались, оказывается, и такие путевки)...

«А я бы ни за что не поехал ни в какие тропики, - заметил Виктор Николаевич. - Чего я там не видал? По мне, так лучше нашей северной природы ничего нет ни интереснее, ни красивее!»

И я подумал почти о том же. Стремясь в дальние страны, как часто мы совсем не знаем о том, кто живет рядом. Оказывается, супруги Михайловы окончательно обосновались на Новгородчине еще в начале 90-х, а я вот до сих пор не знал о том, что такой интересный, увлеченный и, главное, давно знакомый мне своими работами человек - мой, оказывается, земляк. Поэтому не побоюсь показаться занудой, в стотысячный раз повторив прописную истину: давайте будем повнимательнее к людям, нас окружающим.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Анна Яковлевна**, жительница д. Михеево, в юности была влюблена в **ВВ**. Их новая встреча состоялась в Михееве в 1999 г.
- Баранова Зинаида Михайловна** – орнитолог Кандалакшского заповедника, автор научной работы по экологии гаги.
- Бармин Александр Гаврилович** (1900-1952), писатель, в 1942 г. вместе с семьями Бианки и Соколовых-Микитовых эвакуировался из д. Михеева в г. Молотов (Пермь).
- Баторун Зорикто Константинович** (р. 28.4.1926) – сын монгольского маршала; сибиряки *Сафрыгин Евгений, Кашников Владимир* – курсанты военно-инженерного училища.
- Бей Людмила**, сотрудник Кандалакшского природного заповедника (2021 г.).
- Белопольский Лев Осипович** (1907-1990), зав. кафедрой зоологии Калининградского университета, орнитолог, основатель [биостанции Зоологического института в Рыбачьем](#) Калининградской области.
- Берг Лев Семенович** (1876-1950), академик АН СССР, биолог, географ.
- Бианки (ур. Боголюбова) Алла (Лала) Владимровна** (1925-2011), жена Виталия Витальевича (**ВВ**), врач невропатолог.
- Бианки (ур. Клюжева) Вера Николаевна** (1894-1972), мать **ВВ**, жена Виталия Валентиновича Бианки – известного писателя-натуралиста.
- Бианки Анатолий Валентинович** (1892-1972), метеоролог, брат писателя Виталия Валентиновича Бианки. Жена Екатерина Ивановна Попова. Дочь Нерая (р. 1924).
- Бианки Валентин (Вайс-Бианки-Альба)** (1790, г. Радольфцелль - 1850, Москва). Жена Луиза (урожд. Боэн фон Бора). Дети: Валентина (1839-1884), певица; Иво, профессор консерватории; Лев (1827-1889), инженер.
- Бианки Валентин (Валя) Витальевич** (1932-1970), брат **ВВ**.
- Бианки Валентин Львович** (1857-1920), лекарь, ученый-орнитолог. Жена Клара Андреевна (ур. Бланк) (1850-1915). Дети: Лев (1884-1936), Анатолий (1892-1972), Виталий (1899-1959).
- Бианки Валентина Валентиновна** (в замужестве Фабиан), меццо-сопрано. Муж Федор Карлович Фабиан, потомственный лесничий. Жили в его родовом имении под Ригой.
- Бианки Виталий (Витя, Талюша) Витальевич** (1926-2021) орнитолог (далее сокращенно **ВВ**).
- Бианки Виталий Валентинович** (1894-1959), отец **ВВ**, писатель-натуралист.
- Бианки Всеволод Львович** (1928-1998) – двоюродный брат писателя Виталия Валентиновича Бианки; д.б.н., крупнейший специалист с мировым именем в области физиологии высшей нервной деятельности, сравнительной и эволюционной физиологии, нейрофизиологии. Вся профессиональная деятельность Всеволода Львовича в течение 50 лет была неразрывно связана с Санкт-Петербургским университетом, где он прошел путь от студента до заведующего организованной им уникальной и единственной в стране лабораторией парной функции мозга (позднее лаборатории нейробиологии поведения) Биологического научно-исследовательского института СПбГУ.
- Бианки Елена (Ноника) Витальевна** (1922-2009), сестра **ВВ**, художник - иллюстратор.
- Бианки Лев Валентинович** (1827-1889), инженер-технолог. Жена Елизавета Евдокимовна Сидоренко. Дети: Валентин (1857-1920), орнитолог, Сидония, Иво.
- Бианки Лев Валентинович** (1884-1936), дядя **ВВ** по отцу, энтомолог, филолог. Дети Всеволод и Валентин.
- Бианки Лидия Львовна** (1899-1988), жена Льва Валентиновича Бианки (1884-1936). У них дети Всеволод и Валентин.
- Богданов Виктор**, ленинградский товарищ **ВВ**.

Богданов Владимир Иванович (1952 – 16.03.2021), новгородский фотограф, журналист, орнитолог и путешественник. Окончил естественно-географический факультет Новгородского пединститута. С апреля 2001 по декабрь 2016 гг. работал в редакции газеты «Новгородские ведомости», был профессионалом в фотоискусстве. Благодаря его усилиям, на страницах «НВ» появилась рубрика «Птицы Новгородчины», в которой он рассказывал о пернатых. Кроме того, Владимир Иванович увлекался спортивной фотографией, был мастером репортажа и очерка.

Боголюбов Владимир Яковлевич (1897-1938), отец жены **ВВ** – Аллы Владимировны.

Боголюбов Олег Владимирович (пропал б/в в 1941 г.), брат жены **ВВ** – Аллы Владимировны.

Боголюбова (ур. Гаген-Торн) Евгения Оскаровна (1896-1942), мать жены **ВВ** – Аллы Владимировны.

Бойко Надежда Степановна (27.11.1941, Одесса), биолог, к.б.н. (1978). Окончила биофак Одесского госуниверситета (1964). С 1965 – ст. лаборант, с 1970 – ст. научный сотрудник, в 1988 – 1996 – зам. директора по НИР Кандалакшского заповедника. Специалист в области орнитологии (экологии морских птиц), териологии (экология мышевидных грызунов). Организатор многолетнего мониторинга морских птиц и млекопитающих Кандалакшского заповедника. Засл. эколог Российской Федерации.

Бондарева Любовь Ивановна (1940-2009), окончила Ленинградский библиотечный техникум. С 1990 г работала в центральной детской библиотеке им. В.В. Бианки, являющейся структурным подразделением МУК «Городские библиотеки» Великого Новгорода (с 2010 г. переименованного в МБУК «Библионика»). В 1998-2009 гг. - зав. краеведческим центром библиотеки, руководитель авторской программы «Путешествие в страну Виталия Бианки», один из организаторов конкурса «Путешествие в Страну Див», который проводится уже почти 30 лет. Привезла в библиотеку от семьи В. Михайлова (ст. Комарово, Любытинского р-на) часть архива (сколько смогла увезти) Виктора Михайлова - фотоохотника, охотоведа, друга **ВВ**. Состояла в переписке с родственниками Бианки (**ВВ**, **ЕВ**, **НА**).

Брандт Эдуард Карлович (1839-1891) - профессор, зав. кафедрой Зоологии и сравнительной анатомии в Военно-Медицинской академии. Президент Русского энтомологического общества (1880-1889).

Бриккер Леонард Эдуардович – (р. 20.12.1942), известный новгородский краевед, окончил биофак МГУ (1966 г.), работал учителем в сельской школе Окуловского р-на (1966-80 гг.), создавал музей в Окуловке (1980-93 гг.), инициировал проведение ежегодных Бианковских чтений на озере Боровно (ежегодно с 1984 г.), организовал выпуск Бианковских альманахов. С 1993 по 2005 гг. работал в Валдайском национальном парке. Состоял в переписке с Е.В. Бианки и **ВВ**. Засл. работник культуры РФ.

Бурчик Юра, Меженный А., Сладков Николай, Меллум Р., Кулачкова Валентина, Миронова Л., Ульянова (Котихина) Татьяна Николаевна – ленинградские юннаты конца 30-х годов.

Виноградов Борис Степанович, Мальчевский Алексей Сергеевич, Петров О.В., Догель В.А., Терентьев П.В., Андрушко А.М. – преподаватели ЛГУ в 50-е годы.

Владимирская Мария Ивановна (1908-1987) – сотрудник Лапландского заповедника, ихтиолог, жена О.И. Семенова-Тянь-Шанского. В 1926 г. поступила в Ленинградский университет, в 1933 г. была в экспедиции на Новой Земле, в 1935 г защитила дипломную работу, в 1936 г. участвовала в экспедиции от Всесоюзного Арктического Института, в 1937 г. поступила на работу в Лапландский заповедник. После войны возвратилась с мужем в заповедник в 1949 г.

Власькина А. Л., лаборант Кандалакшского заповедника, помощница **ВВ** (1960 г.).

- Вощикова Ефросинья Максимовна, Герасимова (Вощикова) Валя* – лаборанты Кандалакшского заповедника (1951).
- Гёбель Герман Федорович** (1844-1910) – лесничий, орнитолог. Жизнеописание его составил **ВВ.** (Бианки В.В. Жизнь и увлечения Германа Гёбеля. //Русский орнитологический журнал. 2000. Экспресс-выпуск 103. - С. 3-28).
- Голенищев Николай, Никольская В.Н., Соколов А., Красюкова З.В.* – экскурсоводы Зоологического музея АН СССР (1950-е гг.).
- Горяшко Александра** (Наталья Александровна Горяшко) (р. 25.05.1965, Москва). В 1980 г. влюбилась в Белое море и связала свою судьбу с Кандалакшским заповедником. Зоопсихолог, блогер, член Союза литераторов России. Лауреат множества дипломов, грамот, премий и конкурсов. Более 200 научных и научно-популярных публикаций, автор книг о всемирной истории отношений людей и гаг, об истории Кандалакшского заповедника и биологических станций Белого и Баренцева моря. С 2013 г. постоянно живет с семьей в Кандалакше (<http://www.alexandra-goryashko.net/>).
- Груша**, тетушка няни А.Е. Кольцовой (Сашеньки), жила с 1932 г. в семье Бианки в Ленинграде.
- Гун Н.Ф.** - однокурсник Валентина Львовича Бианки.
- Догель Валентин Александрович** (1882-1955) - профессор кафедры Зоологии беспозвоночных ЛГУ, член-корреспондент АН СССР.
- Ефимов Борис Ефимович** (Фридлянд Борис Хаимович) (1900-2008), карикатурист в газете «Известия». После ареста брата Михаила, в конце 1938 г., был уволен из газеты и вынужден был переключиться на работу в книжной иллюстрации (произведения [М.Е. Салтыкова-Щедрина](#)). В 1940 г. под псевдонимом *В. Борисов* вернулся к политической карикатуре (газета «Труд») и после прямого указания [В.М. Молотова](#) был вновь включён в обиход мастеров советской политической карикатуры, с возобновлением публикаций в «Правде», «Крокодиле», «Агитплакате» и прочих изданиях.
- Жданов Андрей Александрович** (1896-1948), государственный и партийный деятель, секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В.В. Бианки и А.А. Жданов были внешне похожи.
- Жидких Т.А.** – ст. наблюдатель Кандалакшского заповедника (1951 г.).
- Журавлева Вера Васильевна** – директор музея в пос. Мошенском, Новгородской обл.; организовала в музее уголок, посвященный писателю В.В. Бианки. В 1999 г. принимала в музее сына писателя – **ВВ.**
- Захаревич Зинаида** – первая жена Виталия Валентиновича Бианки. У них сын Михаил (капитан, юрист), сводный брат **ВВ.**
- Иванов Александр Иванович** (1902-1987), уроженец Уфы, школу окончил в г. Бийске, где познакомился с семьей Бианки. Потом долгое время жил у них в Ленинграде. Орнитолог, участвовал в экспедициях в Якутию, Монголию, Узбекистан, Таджикистан. С 1948 г. д.б.н., с 1949 по 1969 г. – зав. орнитологическим отделением Зоологического музея АН. Представлял отечественную орнитологическую науку на международных орнитологических конгрессах в Швейцарии и Финляндии.
- Ильина Татьяна Александровна**, соавтор **ВВ** (1991 г.), автор воспоминаний, к.б.н. Окончила биофак МГУ имени М.В. Ломоносова (кафедра зоологии позвоночных) в 1973 г. С 1973 по 1989 г. работала на биологической станции Зоологического института АН СССР. С 1989 г. — ст. научный сотрудник кафедры зоологии позвоночных (лаборатория экологии наземных позвоночных). Член Московского Общества Испытателей Природы и Союза Европейских Орнитологов (European Ornithologists' Union). Член редколлегии журнала «Орнитология».

Иогансен Ганс Христианович (1897, Рига – 1973, Копенгаген), датский подданный, учился в гимназии в Ревеле. В 1916-18 гг. учился в Томском университете. Из-за материальных затруднений в 1918 г. прервал учебу и отправился в Горный Алтай, там подрабатывал в хозяйствах местных жителей, учительствовал, изучал местную фауну. Работал зоологом в отделе естествознания Бийского народного музея, где подружился с Виталием Валентиновичем Бианки. С ноября 1920 г. продолжил учебу в Томском университете. Весной 1921 г. в связи с отправкой иностранных подданных на родину Иогансен был отчислен из университета. Осенью того же года уехал в Германию и поступил на отделение географии и зоологии философского факультета Мюнхенского университета. По его окончании (1924) защитил в качестве диссертации на ученую степень доктора философии монографию «Озеро Байкал: физиогеографическая и биогеографическая сводка». В том же году вернулся в СССР в качестве иностранного специалиста, работал в Томске, затем на Командорских островах. С осени 1931 г. - зав. кафедрой зоологии позвоночных Томского университета. Заведовал зоологическим музеем. Осенью 1937 г. как датский подданный получил предписание в течение десяти суток покинуть пределы СССР или принять советское гражданство. Он предпочел уехать. С 1938 г. состоял профессором зоологии в институте Гердера в Риге. В 1940 г., когда Эстония вошла в состав СССР, Иогансен переехал в Кенигсберг. В мае 1944 г. он перебрался в Копенгаген. Работал в орнитологическом отделе Зоологического музея Копенгагена. В 1949 г. вместе с норвежскими орнитологами выезжал в экспедицию на Шпицберген. Снова встретиться с семьей Бианки удалось только в 1956 г. во время 1-ой Всесоюзной орнитологической конференции. Иогансен Г.Х. опубликовал около 70 работ по орнитологии на русском, немецком, английском и датском языках. Самая крупная работа – «Фауна птиц Западной Сибири» (на нем. яз.).

Иогансен У. в 2000 г. в г. Радольфцелле отыскал архивную запись о рождении в 1790 г. Валентина Вайс-Бианки-Альба.

Исаков Юрий Андреевич, орнитолог Дарвинского заповедника, предложил развесить в Кандалакшском заповеднике искусственные гнездовья для уток-гоголей. Опыт прижился.

Истомин Анатолий Владимирович, окончил биолого-почвенный факультет ЛГУ в 1979, аспирантуру в Институте эволюционной морфологии и зоологии животных в Москве в 1988 г. Кандидат (с 1989 г.) и доктор биологических наук (с 2009 г.). Профессор кафедры ботаники и экологии Псковского госуниверситета, член-корр. научных обществ.

Истомина Нина Борисовна, окончила Псковский пединститут в 1980 г., аспирантуру по специальности «Микология» в МГУ им. М.В.Ломоносова. К.б.н. с 1996 г. В сфере научных интересов флора, лишайники Псковской области, сохранение биоразнообразия. И.о. зав. кафедрой ботаники и экологии Псковского госуниверситета.

Карпович Всеволод Николаевич, зам. директора по научной части Кандалакшского заповедника. Жизнеописание его составил **ВВ.** (Бианки В.В. Всеволод Николаевич Карпович. В кн.: Наземные позвоночные животные в заповедниках Севера Европейской части РСФСР. – М., 1990. – С. 5-9).

Катышева Светлана Владимировна – сотрудник Любытинской районной библиотеки (Новгородская обл.), автор фотогалереи и виртуальной выставки к 95-летию со дня рождения (2021 г.) охотоведа, фотоохотника, Почетного члена «Росохотрыболовсоюза» Виктора Николаевича Михайлова.

Клюжев Виктор Николаевич, дядя **ВВ**, брат матери. Уехал от репрессий из Самары в Мурманск с женой Ольгой и дочерьми-близнецами Соней и Любой.

Клюжев Николай Семенович, дед **ВВ** по матери, врач в Самаре, потом в Бийске. Дети Виктор, Вера.

Клюжева Софья Ивановна, жена Н.С. Клюжева, теща Виталия Валентиновича Бианки, бабушка **ВВ**.

Кольцова Александра Ефимовна (Сашенька) (1890-1974), няня в семье Бианки.

Коткин Андрей Владимирович (р. 1960). Окончил биофак Новгородского пединститута. Будучи зоологом по духу и призванию, долго и успешно работал в «Новгородских ведомостях» и других изданиях в качестве журналиста, пишущего на экологические темы. Орнитолог (член РОСИП), путешественник, автор книг о зоопарках и животных. Путешествуя, справедливо называет сам себя «профессиональным посетителем зоопарков».

Котон Анатолий Михайлович (1912-?), в 1935-41 гг. руководил кружками юннатов в Ленинграде при Зоологическом институте и при Пединституте, педагог по призванию, хороший организатор, создавший сплоченный детский коллектив, дружественные связи которого сохранялись в течение 50 лет после ликвидации кружка. В начале войны оказался в оккупированном Гдове, где в 1942-43 гг. был начальником отдела народного образования, эффективно занимался своим делом, однако это было расценено как сотрудничество с немцами.

Краснов Юрий Владимирович, д.б.н., гл. научный сотрудник лаборатории орнитологии и паразитологии Мурманского морского биологического института (ММБИ КНЦ РАН). **Член Центрального Совета Союза охраны птиц России (СОПР).**

Криволицкая Людмила Михайловна (р. 1950), окончила Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена в 1972 г., работала учителем в Сибири, Монголии, Псковской и Новгородской обл. С 2000 г. – зав. детской библиотекой им. В.В. Бианки муниципального учреждения культуры «Городские библиотеки» (с 2009 г. МБУК «Библионика»), г. Великий Новгород. Активно участвовала в подготовке межрегиональных Бианковских конференций. Ежегодно организует самый массовый в регионе конкурс для всех возрастных групп детей «Путешествие в страну ДИВ», который успешно проводится с 1994 г.

Кругловы Тимофей, Настя и Нюша, Маланьин (Григорьев) Василий – друзья **ВВ** в д. Михеево.

Кудрявцева Валентина Ивановна («Валь Ванна») – руководитель юннатской группы (школа №29, г. Москва). Первая экспедиция в заповедник московских школьников под ее руководством прошла в 1968 г. Тогда **ВВ** предложил Валентине Ивановне продолжить работу на Ряжкове и на следующий год. В результате экспедиции в заповедник под руководством Валентины Ивановны стали ежегодными и продолжались до 1995 г. Через эти экспедиции прошло более 100 человек, не менее половины из них связали свою жизнь с биологией, географией, геологией, медициной. Многие из них продолжают ездить в заповедник и сейчас, а некоторые стали учителями биологии и привозят в заповедник уже своих учеников. В 2007 г. Валентина Ивановна вновь возглавила экспедицию на Ряжков команды своих выросших учеников. А в 2011 г. издала книжку "Любовь моя - Ряжков", рассказывающую об истории этих экспедиций.

Кулачкова Валентина Геннадиевна - аспирантка ЛГУ, знакомая **ВВ** по юннатскому кружку; в 1951 г. пригласила **ВВ** лаборантом на летнюю практику в Кандалакшский заповедник.

Кумари Эрик Вольдемарович, эстонский орнитолог и эколог. Д.б.н., Засл. деятель науки Эстонской ССР (1972), член-корр. Академии наук Эстонской ССР (1961). Возглавлял исследования миграций птиц через Балтику.

Лебедева-Хофт Елена Александровна (1966 г.р.) - к.б.н., биолог, переводчик и предприниматель, живет и работает в России и в Нидерландах. Окончила Московский педуниверситет. Впервые приехала в Кандалакшский заповедник в нач. 1980-х гг. в составе юннатской группы Валентины Ивановны Кудрявцевой (школа №29, г. Москвы).

- Основная тема работы в заповеднике - изучение кулика-сороки (см. <http://whitesea-kulikisoroka-lenaswan.blogspot.com/>) Работала в штате и продолжает сотрудничать с Учебным центром коренных малочисленных народов Севера АКМНССиДВ. Руководила на Алтае-Саянской экорегиональной программой WWF. С 2007 г. ведет собственный бизнес по переводам текстов на природоохранную тематику, экспертизе и консалтингу неправительственных организаций. Членство в обществах и ассоциациях: Союз охраны птиц России, WWF Russia, Хранитель Земли International Wader Study Group. Организатор поездки **ВВ** в Михеево в 1999 г.
- Лукина Елизавета Вячеславовна** - вторая жена орнитолога А.Н. Промптова, продолжила начатые им исследования поведения птиц. Заведовала орнитологической лабораторией в Колтушах. Птицы сопровождали ее на улице, клевали зерно с рук. Небо становилось темным от количества птиц, летящих за ней. Автор книг о канарейках, домашних экзотических птицах, переводчик с нем. языка книг по орнитологии.
- Макаров В.В.**, преподаватель Курского пединститута, знакомый **ВВ**.
- Мальчевский Алексей Сергеевич** (1915-1985) — один из ведущих советских орнитологов, декан биолого-почвенного факультета ЛГУ (1969—1973).
- Мешков Михаил Михайлович** (1909-1978), зав. кафедрой Зоологии Псковского пединститута (1946-1974)
- Мизиринюк Г.Х.** – руководитель юннатов в Кандалакше (1959 г.).
- Митрофанов Н.П.** (П.Н.) – руководитель юннатов Ленинградского дворца пионеров (ок. 1953-59 гг.).
- Михайлов Виктор Николаевич** (1926-2003), друг семьи Бианки, охотовед, фотоохотник, Почетный член «Росохотрыболовсоюза», публиковал статьи в газете «Красный Север», в журнале «Глобус», в охотничьих журналах и книгах.
- Мищенко Александр Леонидович** (р. 1957), выпускник биофака МГУ 1979 г., орнитолог, фотограф, к.б.н., ст. научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцева РАН (с 1984 г.), президент Русского общества сохранения и изучения птиц им. М.А. Мензбира (РОСИП). В 1999 г. организовал поездку **ВВ** в Мошенской район и в д. Михеево. Занимается проблемами сохранения луговых, околоводных и водоплавающих птиц и их местообитаний в Европейской России. Много лет работает в Новгородской области. Координатор многолетнего проекта РОСИП по восстановлению нарушенных болот и проектов, направленных на поддержание популяций птиц, населяющих сельхозугодья.
- Модестов Владимир Михайлович** (1912-1941), сотрудник Кандалакшского заповедника. Жизнеописание его составил **ВВ** (Бианки В.В. Владимир Михайлович Модестов 1912 - 1941. – В кн.: Московские орнитологи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – С. 342 – 351).
- Молодовский Анатолий Васильевич** (1930-2007), д.б.н., профессор Нижегородского государственного университета, знакомый **ВВ**.
- Муравин Коля** (Бредька) (1925-1942) – товарищ **ВВ** в д. Михеево Мошенского района, погиб на войне в начале 1942 г.
- Нинбург Евгений Александрович** (1938-2006), «Жень Саныч» – зоолог, эколог, педагог. Создатель на базе СПб Дворца творчества юных и первый руководитель (более 40 лет) старейшего в России юношеского научно-образовательного объединения – Лаборатории экологии морского бентоса, работающей на Белом море (<http://hydrola.ru>, http://anichkov.testing.spb.ru/Obio_2). Провел более 40 биологических экспедиций на Белое море, в Кандалакшский государственный заповедник и Соловецкий историко-архитектурный музей-заповедник. Его жизнь – яркий пример сочетания научной и педагогической деятельности: несколько сотен ученых-выпускников, более сотни публикаций (<http://www.hydrola.ru/public-list.html>), неизменные победы на российских

- конкурсах и олимпиадах по экологии и биологии. Экспедиции на Рязков продолжаются под руководством его ученика В.М. Хайтова. Прах Евгения Александровича, по его желанию, развеян в Южной губе Рязкова. На берегу острова установлен памятный знак.
- Носкова Ольга Анатольевна (р. 1955)**, окончила Ленинградский институт культуры им. Н.К. Крупской в 1976 г. С 1987 г. по 2019 г. – зам. директора МУК «Городские библиотеки» (с 2009 г. МБУК «Библионика»), г. Великий Новгород. Инициатор межрегиональных научно-практических Бианковских конференций в 2005, 2008, 2014 гг., один из организаторов конкурса «Путешествие в страну Див», редактор Бианковских альманахов №№ 6, 7, 8 и других материалов, посвященных писателю В.В. Бианки. Состояла в переписке с **ВВ** и Е.В. Бианки. Засл. работник культуры РФ.
- Оболенский Андрей**, студент МАИ, курсант военно-инженерного училища.
- Перцев (Перцов) Николай Андреевич** (1924-1987) – советский учёный, директор Беломорской биостанции МГУ в 1951-1987 гг., именем которого она впоследствии была названа. Также его именем назван малый теплоход «Н. А. Перцов».
- Плеске Федор Эдуардович** (Дмитриевич) (1858-1932), зав. Орнитологическим отделением Зоологического музея АН (до 1897 г.). Российский зоолог-систематик, академик Петербургской Академии наук.
- Покровский И.В.** – преподаватель пединститута им. Герцена, знакомый **ВВ**.
- Полоскин А.В., Хайтов В.М.** – руководители юннатов.
- Портенко Леонид Александрович** (1896-1972) – зоолог, орнитолог, д.б.н., исследователь орнитофауны арктических районов.
- Поршняков Сергей Николаевич** (1889-1982), директор Боровичского краеведческого музея.
- Почётова Инесса Антоновна** (р. 8 сентября 1938 г., г. Смоленск), окончила Смоленский медицинский институт в 1961 г. Работала в медицинских учреждениях сначала в Боровичском районе, затем в Новгороде. С 1992 по 2016 гг. возглавляла региональную общественную организацию «Новгородский клуб «Экология». Под её руководством на Новгородчине участниками клуба реализовано несколько крупных экологических проектов.
- Промптов Александр Николаевич** (1898-1948), российский советский генетик и орнитолог, который изучал звуки птиц, делал аудиозаписи птичьих песен. Его книга «Птицы в природе» выдержала 4 изд-я.
- Протопопов Михаил Сергеевич**, сотрудник Кандалакшского заповедника в 1940-41 гг., погиб на фронте осенью 1941 г.
- Сабурова Зоя Васильевна** – лаборантка Кандалакшского заповедника. Дети Федя, Вова, Валя. Жили на острове Лодейный (1951).
- Савич Борис** – ст. лейтенант, командир комендантского взвода Ленинградского инженерного училища (1946 г.), многолетний друг **ВВ**.
- Серебровский Павел Владимирович** (1888-1942), эволюционист, зоогеограф, орнитолог. В сфере его основных научных интересов были орнитогеография, история орнитофауны Пале-арктики, изучение влияния климата на эволюцию птиц, а также вопросы подвидовой изменчивости пернатых.
- Скокова Н.Н.** – к.б.н., возглавляла работу Северной орнитологической станции при Кандалакшском заповеднике в 1958-60 гг.
- Соколов-Микитов Иван Сергеевич** (1892-1975), писатель. Жена Лидия Ивановна, дочь Алёнушка (Елена).
- Солнцева Юлия** – художник, режиссер-документалист, издатель. Активный участник экологического движения. Окончила Художественное училище (СПбХУ) им. Н.К. Рериха (1998). Дизайнер кандалакшской газеты «Нива» (1999-2006), корреспондент и редактор

Кандалакшского телевидения (2006-2012). С 2012 г. – создатель и руководитель издательства ЯВР, специализирующегося на издании карт и путеводителей по Кольскому Северу. Режиссер фильма “Свобода одиночества” о В.В. Бианки (2010), показанном на международном фестивале документальных фильмов и телевизионных программ «Северный характер», награжденном дипломом 15-го Международного телевизионного экологического фестиваля “Спасти и сохранить”.

Сулейманян Андраник Грантович, российский путешественник и психолог, публицист, канд. психолог. наук, член Русского географического общества, гл. редактор и учредитель журнала «Всемирный путешественник», одного из старейших Российских журналов, возрожденного по его инициативе в 2006 г. Независимый исследователь. Совершил 9 путешествий по странам Латинской Америки. Член Международной федерации журналистов и Ассоциации исследователей ибероамериканского мира.

Суханова Ольга Владимировна - окончила биофак МГУ. В 1985-2003 гг. работала во ВНИИ охраны природы МПР РФ: занималась популяционной экологией нырковых уток, а затем - разработкой методов охраны и разведения дрофы. В настоящее время занимается научно-практической работой по сохранению луговых и водно-болотных птиц в европейской части России в рамках проектов РОСИП. Организатор многолетнего мониторинга луговых и водоплавающих птиц в Виноградовской пойме (Московская область) и в Приильменье. Полевые экспедиционные исследования проводила в различных регионах Европейской части России и в Казахстане. Автор более 90 научных и научно-методических работ. Член Правления Русского общества сохранения и изучения птиц им. М.А. Мензбира (РОСИП). Жена А.Л. Мищенко.

Сушкин Петр Петрович (1868-1928) – зоолог и палеонтолог. Организовал экспедиции в Уфимскую губернию, Казахстан, в верховья Енисея, Саяны, Алтай, Монголию. С 1921 г. работал в Ленинграде, зав. орнитологическим отделом Зоологического музея АН после В.Л. Бианки. Академик с 1923 г.

Теплов Владимир Порфирьевич (1904-1964), зоолог, эколог, энтузиаст системы заповедников. Окончил Казанский университет, активный участник организации Казанского зоосада, руководитель охотничье-промысловой биостанции. С 1935 г. сотрудник Кавказского заповедника, с 1937 г. работал в Печеро-Ильчском заповеднике, с 1952 был научным руководителем Окского заповедника.

Трофимов Вадим Вадимович (1912-1981)– художник-анималист, скульптор, график, Засл. художник РСФСР (1981). Работал художником в Харьковском, Московском, Тбилисском зоопарках. Вадим Трофимов принадлежит к немногочисленному поколению художников-анималистов, учившемуся у первых самобытных мэтров российской анималистики [И. С. Ефимова](#) и [В. А. Ватагина](#). Он часто посещал различные заповедники, привозя оттуда много своих зарисовок. Среди них Аскания-Нова, Лапландский, Воронежский, Кандалакшский и др. В конце 1960-х годов основал секцию анималистики при Союзе художников Москвы. Сотрудничал с издательствами «[Детская литература](#)» и «[Просвещение](#)», журналом «Мурзилка».

Тугаринов Аркадий Яковлевич (1880-1948), профессор, д.б.н., ученый-орнитолог, краевед, общественный деятель. Окончил реальное училище в Саратове, работал лаборантом в почвенной лаборатории, а затем хранителем музея Саратовского общества естествоиспытателей. С 1901 г. начинает публиковать работы по ботанике и географии. Директор Красноярского краеведческого музея (1905—1926), председатель Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (1907—1926). С 1926 г. руководитель отделения орнитологии Зоологического института АН СССР в Ленинграде.

- Фаусек Юлия Ивановна** (1863-1942), последовательница идей Монтессори, одна из основоположниц российской системы дошкольного образования, заведующая детским садом при пединституте им. Герцена, домашняя учительница **ВВ**.
- Федяева Татьяна Анатольевна** (р. 14.01.1958), доктор филолог. наук, член Союза писателей России. Автор монографий «Витгенштейн и Россия» (2009), «Диалог и сатира: проблемы поэтики сатиры неклассического типа» (2013), «Отражения» (2015), «Драматургия Феликса Миттерера» (2020) и статей в области германистики, компаративистики, теории и истории литературы. Гл. редактор литературно-критического журнала «Вестник детской литературы», Лауреат всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (2015) в номинации «Наследие» за книгу «Бианки: история одного петербургского рода» (2015). В 2021 году в серии ЖЗЛ вышла книга В.В. Бианки и Т.А. Федяевой «Виталий Бианки».
- Формозов Александр Николаевич** (1912-1981), зоолог, [биогеограф](#), [эколог](#) и художник-анималист. Мастер экологического анализа взаимосвязей между животными и природной средой. Д.б.н. (1935), профессор (1935). Иллюстратор, добрый знакомый Виталия Валентиновича Бианки.
- Фрумкин Лев Рахмилович**, литературовед из г. Боровичи Новгородской обл., преподаватель автодорожного техникума, автор книг «Эти сердцу милые края», «На Мстинских порогах» о памятных местах и знаменитых людях Боровичского края.
- Хайтов Вадим Михайлович**, к.б.н., доцент СпбГУ, внештатный сотрудник Кандалакшского заповедника, педагог высшей категории, с 1999 г. руководитель Лаборатории экологии морского бентоса.
- Хахлов Виталий Андреевич** (1890-1983), орнитолог, знакомый семьи Бианки по Алтаю. Окончил Московский университет. Исследовал птиц Зайсанской котловины и Тарбагатай, занимался поиском дикого человека. Заведовал кафедрами зоологии в Томске, Алма-Ате, Перми, Ярославле. С 1951 г. жил в Москве, сотрудничал с Дарвиновским музеем.
- Хохлова Н.А.** - преподаватель Горьковского университета, знакомая **ВВ** (Хохлова Н.А., Аникин В.И. Некоторые данные по составу и биологии куликов Горьковского водохранилища //Ученые записки Горьковского университета. Вып.75).
- Цехановская Наталья Александровна** – участник научно-практической конференции «Виталий Бианки – писатель, ученый, педагог» (14-15 февраля 2005 г., Великий Новгород), представитель Бийского отделения Русского Географического общества, г. Бийск.
- Чекалов Юрий** – друг **ВВ** по военно-морской спецшколе, моряк.
- Чистяковы** Степан и его жена Евдокия (Дуня) – сестра А.Е. Кольцовой, няни в семье Бианки. У них дети Николай и Александр – жители д. Яковищи Мошенского района (в 1935 г.).
- Штегман Борис Карлович** (1898-1975) – с 1921 г. сотрудник Зоологического института. Экспедиции в Приалтайские степи, Забайкалье, Крым, Приамурье. Д.б.н. с 1934 г., почетный член Немецкого, Британского и Американского орнитологических обществ. Арестован в 1938 г. и до 1940 г. находился в тюрьме, в начале Великой Отечественной войны выслан в Казахстан. Вернулся в Ленинград в 1954 г., но найти работу смог только в 1956 г. в научном центре АН в пос. Борок Ярославской области.
- Шульпин Леонид Михайлович** (1905-1942), орнитолог. В 1929—1932 гг. проходил подготовку в аспирантуре и докторантуре при Отделении орнитологии Зоологического института Академии наук СССР. Участвовал в научных экспедициях по изучению птиц в [Восточной Сибири](#) и [Дальнем Востоке](#). Преподавал на кафедре зоологии позвоночных животных биологического факультета [Ленинградского университета](#), доцент. Написал

учебник по орнитологии, который до настоящего времени является важнейшим русским пособием по этой специальности. Погиб на фронте.

Шустов Сергей Борисович, окончил биофак Горьковского университета, биолог-орнитолог. Работал в Нижегородском педагогическом университете, доцент, канд. хим. наук. Директор учебно-исследовательского полевого стационара "Сережа", вместе с детьми пишет в интернете летопись деревни Старая Пустынь, где находится биостанция университета и где летом принимает и обучает своих студентов и школьников (Пустыньские озера, Арзамасский р-н, Нижегородская обл.). Член Союза охраны птиц России (СОПР). Писатель, художник-анималист, выпустил несколько книг о природе для детей с авторскими рисунками. Его рисунками проиллюстрирована Красная Книга Нижегородской области. В 2013 г. за серию книг для детей удостоен звания Лауреата I национальной премии Русского географического общества "Хрустальный компас" в номинации "Просвещение".

Шутова Елена Васильевна (1955 г.р.) – орнитолог; энтомолог; ст. научный сотрудник Кандалакшского заповедника. Окончила биофак Горьковского университета (1977). Впервые приехала в Кандалакшский заповедник студенткой в 1974 г. Сотрудник заповедника с 1979 г. Сфера научных интересов: экология воробьиных птиц, чешуекрылые Мурманской обл. Ведет многолетние (более 30 лет) наблюдения по экологии воробьиных птиц; впервые обобщила и систематизировала многолетние материалы по энтомофауне заповедника, составила список насекомых заповедника. Один из ведущих специалистов по фауне бабочек Мурманской обл. Автор более 50 работ по орнитологии и энтомологии. Более 30 лет руководит практикой студентов и юннатов в заповеднике. Награждена грамотой Московского зоопарка за подготовку выдающихся юных натуралистов, Почетными грамотами Министерства природных ресурсов РФ, Управления образования и Администрации г. Кандалакши.

Юдин Константин Алексеевич (1912-1980), зоолог, орнитолог. Род. в Красноярском крае, с 12 лет помогал отцу в качестве препаратора орнитологических коллекций, работал охоттехником, препаратором в Красноярском пединституте, где учился на вечернем отделении. С конца 1945 г. вся жизнь К.А. Юдина была связана с Зоологическим институтом. Д.б.н. (с 1966 г.).

Юдков Сергей Александрович (01.07.1970, Саратовская обл.), журналист; в г. Мурманске – с 1977 г. Окончил историко-филол. ф-т МГПИ (1990). С 1990 –учитель истории, англ. яз. и обществознания школы № 1 г. Колы и сотрудник газеты «Кольское слово»; с 1993 – зав. отделом социальных проблем газеты «Кольское слово»; с 1995 – корр., спец. корр. информ. программ «ТВ-21». Член Союза журналистов (СЖ) России (2002), избирался членом Правления Мурманской обл. орг. СЖ. Лауреат 3-го Всеросс. конкурса «Новости – время местное» в номинации «Репортаж» (2001). 24 года проработал на телеканале «ТВ-21», где прошел карьерный путь от корреспондента до шеф-редактора службы новостей. Его журналистские работы были удостоены множества наград и премий. В 2011 году программа «Наше утро», которой он руководил, была признана лучшей утренней передачей России и получила приз «ТЭФИ-регион». Сейчас Сергей Юдков является внештатным автором «Мурманского вестника».

**Бианковский альманах. Вып. 8.
Памяти Виталия Витальевича Бианки:
литературно – краеведческое издание**

**Составители: Инесса Антоновна Почетова
Леонард Эдуардович Бриккер
Ольга Анатольевна Носкова**

**Оригинал-макет: О.А. Носкова
Технический редактор: Т.А. Заболотнева
Ответственный за выпуск: Л.И. Седова**

**В оформлении обложки использована фотография
В.В. Бианки из некролога от 26.06.2021 с сайта Кандалакшского
государственного заповедника и фото В. Покотилова
"Несколько гагачьих выводов" от 16.04.2014**

**Отпечатано в центре оперативной полиграфии «Бумеранг»
Великий Новгород, ул. Новолучанская, д. 4.**